

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №4 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – 190.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Х.Н. Темаева</i> ФЕНОМЕН «ДВОЙСТВЕННОСТИ» СОЗНАНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО	9
<i>О.Ю. Юрьева</i> УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ	13

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>О.Н. Голованова</i> ЭКФРАСИС В РОМАНЕ ПЕТРА ХРАМОВА «ИНОК»	17
<i>Р.Л. Зайни</i> СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ» КАК ПЛОЩАДКА ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	20
<i>Л.Ф. Имамова</i> СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	23
<i>Л.Ф. Имамова</i> ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	26
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев, А.Д. Абдуллина, К.А. Хисамутдинов, Д.К. Казалова, Д.А. Рахматуллина, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлис</i> ВЛИЯНИЕ УФИМСКОГО ЭВАКУАЦИОННОГО ПЕРИОДА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ПИСАТЕЛЯ, ПАТОЛОГОАНАТОМА Л.Б. ЦЫПКИНА	34
<i>Ш.С. Магомедова, М.И. Джабраилова</i> ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МЕСТНОЙ ПРЕССЫ	37
<i>Ф.С. Маммаева, Г.А. Магомедов</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	40

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Е.А. Барменкова, А.Т. Гайткулов, И.А. Кудашева, А.Ш. Тазетдинов, П.Ю. Тимофеев, А.О. Федосова, Т.Р. Шагимов, Г.А. Ягафарова</i> РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ»	43
<i>Г.М. Боваева, Т.В. Бураева, Д.В. Дорджиева</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХОТ-ХОЛ» В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	47
<i>Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева, А.Г. Тимченко, О.С. Хлякин</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю.Ю. ШЕВЧУКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПЕТЕРБУРГ»	51
<i>А.Г. Гатауллина, Р.Р. Залялова</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВ ГИМНАЗИСТ И ЛИЦЕИСТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	54
<i>А.Н. Ерёмин, О.О. Петрова</i> МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА У ГЛАГОЛОВ	59
<i>Э.А. Китанина, Нилуфар Гезельбаш</i> НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ В ОППОЗИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ	62
<i>Ю.С. Сабаева</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИБИРИ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РАДИОТЕКСТЕ	66
<i>Д.С. Труханова</i> ПСЕВДОСОГЛАСИЕ С КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ КАК МИТИГАТИВНАЯ ТАКТИКА И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	70
<i>Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров</i> ФОРМУЛЫ ПРОЩАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	78

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Т.Ф. Артамонова, И.В. Уварова</i> ПРОФИЛИЗАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ-СТОМАТОЛОГОВ	81
<i>А.А. Гимадеева, М.Р. Гараева, Д.Б. Гарифуллина</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ	84
<i>Г.Р. Еремеева, Е.В. Мартынова, Ф.Х. Исмаева</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТИ ПЕРЕВОДОВ ДЛЯ РАБОТЫ С IT ТЕКСТАМИ	87
<i>О.В. Звада</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДИОМ, ОПИСЫВАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ	90
<i>Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова</i> ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ ПРИ НАПИСАНИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ) НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ	93
<i>Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова</i> ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЦВЕТ (КРАСНЫЙ/RED)	97
<i>Ю.Н. Зинцова, П.Д. Казакова</i> АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «MANN UND FRAU / МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	100
<i>Р.М. Иксанова, И.П. Цепкова</i> ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ РЕАКЦИЙ НА ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СИТКОМОВ)	103
<i>Т.Г. Перепеляк</i> СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	108
<i>О.В. Трунова</i> СИСТЕМНЫЕ КОНСТАНТЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	111
<i>Д.Д. Хайруллина, Е.А. Хузина</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА)	114
<i>В.Н. Хисамова, Л.И. Абдуллина</i> ВОПРОСЫ СИНОНИМИИ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	118
<i>Л.Г. Юсупова</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНВАРИАНТНЫХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	125

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Е.В. Белова, А.Г. Черенков</i> К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДСТВАМИ СЕРВИСОВ ОНЛАЙН ПЕРЕВОДА	128
<i>А.И. Горохова</i> КОНЦЕПТ 'ХОТУ' (СЕВЕР) В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ	131
<i>Д.А. Демидкина</i> О СООТНОШЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНОГО И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ С СЕМАНТИКОЙ ИМПЕРФЕКТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	134
<i>Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова</i> МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА	137
<i>А.С. Кулигин</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЛАТИНСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ	140
<i>И.Г. Нагибина, Го Лицзюнь</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЕСТЕСТВЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМАХ	144
<i>О.И. Налдеева, С.Н. Маскаева, Л.И. Макушкина, М.И. Кокнаева</i> ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МОРДОВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ МИРЕ	147

О.Г. Остапенко	ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ В XVI-XVII ВЕКАХ	150
Д.Ц. Очиржапова, Л.Д. Раднаева, И.В. Хубракова, М.В. Черниговский	ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СВЯЗНОЙ НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ	153
Ю.Д. Оюн	ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ПРИЕМ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	156
Л.У. Тариева, З.Д. Яндиева, М.Т. Калоева, М.С. Бесаева	КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОГЕЗИИ АФФЕКТИВНОГО И РЕЧЕВОГО ЭГОЦЕНТРИКОВ В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ	159
Л.У. Тариева, З.Д. Яндиева, З.М. Келигова, А.С. Хашиева	ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЦА СЛЫШАЩЕГО И ЛИЦА ПРОИЗНОСЯЩЕГО	164
Н.В. Трунова, О.В. Трунова	КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ГРАММАТИКИ	169
А.А. Устиновская	К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В. БРЮСОВА И К. БАЛЬМОНТА	172
Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров	ФОРМУЛЫ «ОБРАЩЕНИЯ» В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ	175
	АННОТАЦИИ	178

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>Kh.N. Temaeva</i> THE PHENOMENON OF "DUALITY" CONSCIOUSNESS MAKSIMA GORKOGO	9
<i>O.Yu. Yureva</i> THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICHESKIE STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY	13

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>O.N. Golovanova</i> EKHPRISIS IN NOVEL « INOK» BY PETER KHRAMOV	17
<i>R.L. Zayni</i> THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE AS A SITE OF CITIZEN JOURNALISM	20
<i>L.F. Imamova</i> SPECIFICS OF DEVELOPMENT RELIGIOUS PRESS ON TATAR LANGUAGE	23
<i>L.F. Imamova</i> FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SPECIALIZED PRESS IN THE TATAR LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	26
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev, A.D. Abdullina, K.A. Khisamutdinov, D.K. Kazalova, D.A. Rakhmatullina, S.A. Batanin, A.F. Muhlsov</i> INFLUENCE OF THE UFA EVACUATION PERIOD ON THE FORMATION OF WRITERS AND PATHOLOGIST ANATIC VIEWS L.B. TSYPKIN	34
<i>Sh.S. Magomedova, M.I. Djabrailova</i> THE PROBLEMATICS OF POLITICAL SPEECHES OF THE DAGESTAN AUTHORITIES ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE LOCAL PRESS	37
<i>M.F. Mammaeva, G.A. Magomedov</i> HATE SPEECH IN RUSSIAN MASS MEDIA FROM NATIONAL STANDPOINT	40

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>E.A. Barmenkova, A.T. Gaytkulov, I.A. Kudasheva, A.S. Tazetdinov, P.Y. Timofeev, A.O. Fedosova, T.R. Shagimov, G.A. Yagafarova</i> DIFFERENT APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE TERM «PROFESSIONAL SPEECH»	43
<i>G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva, D.V. Dordzhieva</i> THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT KHOT-KHOL IN THE KALMYK LINGUACULTURE	47
<i>N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva, A.G. Timchenko, O.S. Hlyakin</i> LINGUISTIC AND COGNITIVE LEVEL OF YURY SHEVCHUK AS THE LINGUISTIC PERSONALITY: LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT "PETERSBURG»	51
<i>A.G. Gataullina, R.R. Zalyalova</i> SEMANTIC CHANGES IN THE WORLDS <i>ГИМНАЗИСТ</i> AND <i>ЛИЦЕЙСТ</i>	54
<i>A.N. Eremin, O.O. Petrova</i> MODELS OF METONYMICAL TRANSFER VERBS	59
<i>E.A. Kitanina, Niloofar Ghezelbash</i> VIOLATION OF LEXICAL COHERENCE IN OPPOSITION RUSSIAN POLITICAL BLOGS	62
<i>Y.S. Sabaeva</i> REPRESENTATION OF SIBERIA IN THE CULTURAL-EDUCATIONAL RADIO TEXT	66
<i>D.S. Trukhanova</i> PSEUDO-AGREEMENT WITH CRITIC AS MITIGATIVE TACTIC AND ITS LANGUAGE REPRESENTATION	70
<i>TS. Khongorzul, E.F. Kirov</i> DIFFERENT FORMS OF GOODBYE GREETINGS IN RUSSIAN LANGUAGE	78

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>T.F. Artamonova, I.V. Uvarova</i> PROFESSIONAL ORIENTATION IN TEACHING ENGLISH AT THE FACULTY OF DENTISTRY	81
<i>A.A. Gimadeeva, M.R. Garaeva, D.B. Garifullina</i> TOWARDS THE QUESTION OF FUNCTIONAL FEATURES OF HEADLINES OF POLITICAL ARTICLES	84
<i>G.R. Ereemeeva, E.V. Martynova, F.Kh. Ismaeva</i> THE USE OF TRANSLATION MEMORY TO WORK WITH IT TEXTS	87
<i>O.V. Zvada</i> LINGVO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF IDIOMS DESCRIBING EMOTIONAL STATES	90
<i>Yu.A. Zeremskaya, O.V. Solodovnikova</i> AUTHOR'S POSITION IN SCIENTIFIC PAPERS IN FOREIGN LANGUAGES (BASED ON TECHNICAL AND PHILOLOGICAL TEXTS)	93
<i>Yu.A. Zeremskaya, O.V. Solodovnikova</i> THE UNDERSTANDING OF LINGUISTIC WORLDVIEW THROUGH THE COLOUR TERM "RED" IN ENGLISH AND RUSSIAN	97
<i>Yu.N. Zintsova, P.D. Kazakova</i> ASSOCIATIVE FIELD "MANN UND FRAU / MAN AND WOMAN" IN GERMAN LINGUISTIC CULTURE	100
<i>R.M. Iksanova, I.P. Tsepko</i> LINGUO-PRAGMATIC ANALYSIS OF VERBAL REACTIONS TO DIRECTIVE SPEECH ACTS (BASED ON BRITISH AND AMERICAN SITCOMS)	103
<i>T.G. Pereplyak</i> MEANS OF ACCURATE INFORMATION TRANSMITTING IN JOURNALISTIC DISCOURSE (BASED ON MODERN GERMAN)	108
<i>O.V. Trunova</i> SYSTEMIC CONSTANTS AND FUNCTIONAL VARIABILITY OF MODALITY MEANINGS IN ENGLISH	111
<i>D.D. Khairullina, E.A. Khuzina</i> COGNITIVE ASPECTS OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE ANALYSIS OF D. TRUMP'S PUBLIC SPEECHES)	114
<i>V.N. Khisamova, L.I. Abdullina</i> PROBLEMS OF SYNONYMY IN THE MEDICAL TERMINOLOGY OF THE ENGLISH LANGUAGES	118
<i>L.G. Yusupova</i> SEMANTIC ASPECTS OF INVARIANT CLUSTERS IN MODERN ENGLISH	125

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>E.V. Belova, A.G. Cherenkov</i> TRANSLATION ADEQUACY OF TECHNICAL LITERATURE BY MEANS OF ONLINE TRANSLATION SERVICES	128
<i>A.I. Gorokhova</i> 'KHOTU' (NORTH) IN THE YAKUT LANGUAGE AND CULTURE	131
<i>D.A. Demidkina</i> ABOUT THE RELATION OF TEMPORAL AND REFERENTIAL MEANING OF IMPERFECT TEMPORARY FORMS IN ENGLISH AND RUSSIAN	134
<i>E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova</i> MULTIMODALITY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT	137
<i>A.S. Kuligin</i> TOWARDS PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF THE LATIN DERIVATIONAL NOMENCLATURE	140
<i>I.G. Nagibina, Guo Lijun</i> LITERARY AND NATURAL VARIANTS OF THE CHINESE SIGN LANGUAGE: SPHERES OF USE AND DIFFERENCES OF GRAMMATICAL FORMS	144
<i>O.I. Naldayeva, S.N. Maskava, L.I. Makushkina, M.I. Koknaeva</i> RESEARCH IN THE FIELD OF LINGUISTICS IN MORDOVIA FINNO-UGRIC WORLD	147
<i>O.G. Ostapenko</i> LINGUISTIC PECULIARITIES OF RUSSIAN AND ENGLISH DIPLOMATIC CORRESPONDENCE IN THE XVI–XVII CENTURIES	150
<i>D.Ts. Ochirzhapova, L.D. Radnaeva, I.V. Khubrakova, M.V. Chernigovsky</i> PROBLEMS OF PHONETIC ANALYSIS OF CONNECTED UNCOMPOUNDABLE SPEECH	153

Y.D. Oyouun ARTISTIC-LANGUAGE RECEPTION OF THE INTERNAL MONOLOG IN THE FRENCH ARTISTIC PROSE	156
L.U. Tarieva, Z.D. Yandieva, M.T. Kaloeva, M.S. Besaeva COGNITIVE PROCESS OF PRESENTING COHESION OF AFFECTIVE AND SPEECH OF EGOCENTRIC PROCESS IN NAKH LANGUAGES	159
L.U. Tarieva, Z.D. Yandieva, Z.M. Keligova, A.S. Khashiyeva ONTOGENETIC PRINCIPLE OF PRESENTING THE PERSON HEARING AND THE PERSON PRONOUNCING	164
N.V. Trunova, O.V. Trunova GRAMMAR KEYSTONES	169
A.A. Ustinovskaya TO THE QUESTION OF THE DIFFICULTIES OF ART TRANSLATION OF LYRICS: TRANSLATION STRATEGIES BY V. BRUSOV AND K. BALMONT	172
Ts. Khongorzul, E.F. Kirov COMMUNICATION METHOD OF THE RUSSIAN AND MONGOLIAN IN THE SPEECH ETIQUETTE	175
ABSTRACTS	178

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Х.Н. Темаева канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
кафедра «Русская и зарубежная литература»

ФЕНОМЕН «ДВОЙСТВЕННОСТИ» СОЗНАНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Цель данного исследования – изучение личности Максима Горького, впавшей в дисгармонию, раздираемый противоречиями в трудное для нашей страны время. Исследованы отличительные черты сложной эпохи, в которую писатель создавал свои произведения.

В статье показана фигура Горького как сложная, внутренне конфликтная. Раскрыт феномен «двойственности» писателя и его славы. Интерпретировано творчество Горького в современном ключе, найдены новые подходы в изучении его художественного наследия.

Ключевые слова: Горький, двойственность, противоречия, революция, творчество, человек, слава.

В истории восприятия творчества и личности Максима Горького понятие «двойственности» получило значение какой-то главной мысли или лейтмотива. Горький велик или Горький ничтожен — феномен двойственности писателя для многих не существовал или не заслуживал серьезного обсуждения. Феномен двойственности сознания, конечно, встречается и в критике одругих писателей русской литературы, например, имена классиков Льва Толстого и Федора Достоевского упоминаются неоднократно. Тем не менее постоянное наличие этой темы на всем протяжении жизни и истории Горького бросается в глаза. Некоторые факты биографии Горького, в которых его «двойственность» ярко выступает, сегодня общеизвестны: это прежде всего его резкое осуждение Октябрьской революции как акта варварства и безответственности большевистских вождей в противоположность его возвращению в Советский союз десять лет спустя и его сотрудничеству со Сталиным.

Недоумение вызывали и его отчасти несовместимые суждения о характере русского народа и о многих отдельных современниках, с которыми он был в неоднозначных, двойственных отношениях: к ним относятся Ленин и Сталин, Толстой и Достоевский, его друг Леонид Андреев, его идеологический противник Василий Розанов. В публичном обсуждении «двойственности» Горького, таким образом, всегда доминировала тема политической «ненадежности» писателя. Отсутствие уравновешенности, последовательности, ясности его деятельности. В.А. Келдыш определяет двойственность Горького как «жесткую оппозицию «нормативности» и «анормативности» - с явным предпочтением второй части» [3, с.8].

Горький сам неоднократно рассказывал о болезненном состоянии неуравновешенности, внутренней противоречивости под воздействием разных, часто противоположных влияний на его развитие. Это касалось прежде всего молодых лет писателя, но ощущение какой-то разорванности между его самочувствием и его «убеждениями» не оставляло его до конца. Наличие именно такого разлада в отношении автора к себе самому и своему назначению со свойственной ему чуткостью вскрыл Антон Чехов. В его дружественном замечании по поводу бранных слов и других выражений шумного протеста, встречающихся в ранних рассказах Горького, старший коллега дал ему понять, что он такими грубостями действует против собственной «мягкой» натуры. Вопреки совету Чехова Горький продолжал — наряду с доказательствами его «лирического» таланта — грубить, шуметь, неистово обличать.

В нем «уживается много противоречий». В романе «Жизнь Клима Самгина какое-то недопустимое сочувствие автора своему отрицательному герою, интеллигента и революционера-предателя Клима Самгина. В некрологах Георгия Адамовича и Владислава Ходасевича, опубликованных в эмигрантской печати, мысль о двойственности Горького развивается дальше по линии отрицательной оценки. В этом отношении Адамович устанавливает известную близость Горького к нелюбимому им Достоевскому. Ходасевич полемически устанавливает «сентиментальную любовь» писателя к «возвышающему обману» или «золотому сну» вместе с упорной нелюбовью к «правде». С возвращением «великого русского писателя» в Советский Союз по указанию Сталина публичные споры о Горьком практически были запрещены.

В личности Максима Горького, действительно, уживались многочисленные противоречия, разные, несовместимые «души»: «лирик» и грубиян, плебей и интеллигент, русский художник и большевик, певец «восточной» души русского народа и радикальный западник, религиозный человек и атеист. Какие чувства вызывает такая двойственная личность? В приводимом здесь количестве критических голосов преобладают реакции удивления, недоумения или открытого порицания по отношению к «двойственности» писателя. В «Детстве» он предлагает «незабывать свинцовые мерзости русской жизни», а потом описывает быт дома Кашириных, и ты совершенно в него погружаешься — он может быть жестоким, ужасным, «языческим», но с художественной точки зрения завораживает. Горький все время ругает Россию и в то же время ею восхищается и изумляется как художник.

Горький на протяжении жизни высказывал совершенно противоположные мнения об одних и тех же вещах — и устами героев, и в письмах. Трудно сказать, где он был до конца искренен и во что реально верил, кроме человека. Странная вера, которую невероятно трудно объяснить. «Он разделяет «людей» и «человеков»: «людей» не любит, а «человеков» любит. Кто эти «человеки»? Трудно найти другого писателя, который бы так изумлялся человеку, но обычных людей при этом не любил. Этот разлом в его творчестве очень ощутим» [5, с. 51].

Недостаточно известно, что он многим помогал. Это разве не является показателем любви к конкретным людям? Бывало по-разному. В послереволюционное время в его квартире на Кронверкском собирались все, он никого не прогонял и всех пытался спасти: и членов императорской семьи, и опальных большевиков, и писателей, и художников, и всех-всех. Вот, казалось бы, обычный гуманизм. Однако тогда же в «Несвоевременных мыслях» он пишет: зачем мы продолжаем войну мировую? Зачем посылаем на убой миллионы людей? Ведь еще Петр Великий мечтал о строительстве Риго-Херсонского канала, и лучше бы мы послали их рыть этот канал. То есть мы видим человеческое отношение к каждому конкретному человеку, который к нему пришел, но при этом он готов спокойно послать миллион людей заниматься, по сути, абсолютно рабским трудом.

В разных ситуациях он мог вести себя и очень жестоко, и очень по-доброму, но в целом, бросаться в него камнями не стоит, потому что он сделал больше добра для культуры и дореволюционной, и постсоветской, чем наоборот. Горький менялся вместе со своим читателем. Сперва была романтическая проза, потом читатель повзрослел и получил более серьезные произведения и публицистику, а под конец — эпохальную эпопею «Жизнь Клима Самгина». Получается, Горький, по сути, формировал поколения читателей, которые смогут его следующие произведения воспринять?

Горький был загадкой и для самого себя. Вся его жизнь соткана из противоречий: он призывал к бунту ради бунта и презирал мещанство, но сам вел абсолютно буржуазный образ жизни, он плакал над книгами, но проявлял удивительную черствость к своим близким. Горький всю жизнь «подрумянивал» и «припудривал» свои образы, путая друзей и недругов, искрывая от них и от самого себя свой подлинный характер.

В 1922 году вышла статья Горького «О русском крестьянстве». В русской литературной традиции всегда доминировало народничество — страстная любовь к маленькому человеку из простонародья. Да и популярность Горького, во многом превосходившая его талант, была следствием его имиджа босняка из народных низов. Горький всегда не любил русских

крестьян, считая их дикими азиатскими варварами, которые выступают против элементарного прогресса и живут в своём убогом мире, где нет места великим свершениям. «Преобладающее большинство читателей - крестьянство, героизация вождей может увести захваченное эмоциями сознание крестьянской массы от коллективизма к индивидуализму сильной личности, оторвавшейся от народа или ставящей себя выше коллектива» [4, с.121]. Жестокость форм революции М. Горький объяснял жестокостью русского народа. Революция, совершенная ничтожной группой интеллигенции, во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих взбодорила всю массу народа так глубоко, что крестьянство едва ли сможет возвратиться к старым формам жизни. На фоне бедствий в России его фраза прозвучала очень цинично и двусмысленно. Неудивительно, что в эмигрантских кругах статью Горького окрестили народозлобием, а в СССР статья была наотрез запрещена и не публиковалась даже в перестройку.

Русско-израильский исследователь М. Агурский открыл новый образ «духовной личности» Горького. Он считает его «глубинное отрицание мира как проявления зла». Отсюда автор и определяет двойственное отношение писателя к большевикам [1, с.63]. Статья «О Горьком» именитого критика, редактора журнала «Красная новь» Александра Воронского содержала смелый тезис: «двойственность Горького, его сомнения и колебания имеют свои корни не в его личных свойствах, а в характере пореволюционной культуры» [2, с.44].

Горький перешёл от отрицания революции, к которой так долго призывал, до полного принятия новой системы. Через несколько лет Горький приезжает в СССР и, окружённый всеобщим почётом, с удовольствием принимает правила новой игры. Из друга писателей он превратился в надсмотрщика над ними, возглавив Союз писателей. В годы революции он спас из тюрем и от голодной смерти десятки интеллигентов. Новый Горький больше никому не помогал, не поддерживал гонимых писателей. Но в чём была причина столь необычного перерождения? Вероятно, здесь сыграло свою роль особое отношение Горького ко лжи, которую он не считал пороком, скорее даже наоборот.

Он и сам любил приврать и любил людей, которые могут это сделать. Иногда это приводило к весьма неприятным ситуациям. В разгар революции Горький неожиданно решил обнадёжить свою знакомую, княгиню Палей, у которой расстреляли сына. Горький начал уверять её, что совершенно точно знает, что молодой человек жив и даже получил от него стихи. Уже смирившаяся было с гибелью ребёнка мать поверила ему. Но вскоре выяснилось, что он действительно погиб и Горький только зря обнадёжил несчастную женщину. Никто из его друзей так и не понял, зачем ему понадобился этот чудовищный спектакль.

Учитывая это особое отношение ко лжи, нетрудно представить, как Горький сознательно и добровольно обманулся. Разумеется, он понимал многое и кое-что имел возможность увидеть собственными глазами, как воспетый им концлагерь Соловки, позднее переименованный из концентрационного в исправительно-трудовой. Но эта ложь системы не могла очаровать Горького, всегда ценившего талантливых обманщиков. Горький не мог не подыграть этой грандиозной фантазии. Горький всегда был слезливым человеком и любил плакать на публике. Он плакал при одном только упоминании Льва Толстого, плакал, рассказывая что-то на публике, плакал даже над собственными книгами. Но когда ему сообщили о смерти, он отреагировал на это совершенно безучастно: «Это уже не тема». И продолжил диспут о бессмертии, от которого его оторвали неприятным известием. В богемной среде всегда ценили взрывы эмоций и чувственность на показ. Вот Горький и лил слёзы по самому незначительному поводу. Носталинский СССР был уже совсем другой эпохой. Тогда ценилась особая суровость и стальной характер. Вот Горький при свидетелях и разыграл высшую степень brutality, не обратив внимания на смерть сына. Дескать, что такое гибель ребёнка в сравнении с важнейшим диспутом о бессмертии?

Горький стал первым русским писателем, очень выверенно и тщательно создающим свой имидж. Горький особым образом говорил, следил, чтобы его манеры были похожи на босяцкие, одевался в особом народном стиле. Всё в нём должно было свидетельствовать, что

он выходец с народного дна. Работа Горького надимиджем привела к тому, что среди начинающих писателей и поклонников Горького зародилась целая субкультура «подмаксимовиков», которые подражали кумиру в одежде, манерах, особом произношении. Разумеется, были и те, кто Горькому не верил. Неприязненно относившийся к нему до революции Чуковский. Он не верил в его биографию. Сын мастерового? Босяк? Исходил Россию пешком? Во все это он не верил. Бунин также свидетельствует о том, что про Горького ходили разные слухи. Было распространено убеждение, что он пишет безграмотно и что его рукописи кто-то поправляет».

И действительно, где это видано, чтобы бродяга, толком не учившийся в школе, вот так с ходу встал вровень со всеми писателями современности? Он ведь должен был где-то и чему-то учиться, чтобы так писать. Читал книги? Но когда, если, по его же словам, всё детство и юность он провёл в каторжном и бессмысленном труде и скитаниях? Тем не менее поклонников у него было больше, чем недоброжелателей. Для них он был человеком, поднявшимся со дна людского через мордобой и безысходность простонародного быта. В Горького поверил даже Толстой, к которому тот приезжал за несколько лет до этого и не был принят. Теперь же патриарх русской литературы аттестовал его как «настоящего человека из народа».

Горький был темпераментным человеком, но по возвращении в СССР вел себя крайне смирно, с чем это связано? Конечно, в его возвращении был элемент договора. Но нужно понимать ситуацию в целом: в Европе было плохо. Экономический кризис, торжество фашизма. Делать там, в общем-то, было нечего.

Необходимость переосмысления творческого наследия М. Горького, со всей очевидностью ставшая перед современными исследователями, особенно актуальна в связи с поиском нового подхода к изучению произведений писателя. О том, что новаторство писателя связано с новым взглядом на человека, писали еще современники Горького. Однако до сих пор еще внимание литературоведов, рассуждающих о горьковском гуманизме, сосредоточено главным образом на раннем периоде творчества писателя. По сей день в значительной мере освещаются вопросы: как идеи, высказанные Горьким в 1900-е, 1910-е годы, проявляют себя в последующие годы, какого рода гуманизм утверждает Горький в советское время.

Слава Горького никогда не была искусственной и не была результатом советской пропаганды, он довольно быстро получил известность, и это произошло естественным образом после его первых шагов на литературном поприще в царскую эпоху. За первые десять лет литературной деятельности Горького (1892-1902) критики и исследователи опубликовали почти 2000 статей и исследований, посвященных его произведениям. В тот период такое количество исследований не проводилось в отношении какого-либо другого русского писателя. Его произведения получали восторженные отклики крупнейших писателей того времени, в том числе Чехова, Короленко, Андреева, Блока, Цветаевой, а также представителей культурной элиты и рядовых читателей.

Однако, при анализе проблемно-тематического своеобразия творчества Максима Горького, в первую очередь обращает на себя внимание разница во взглядах на прошлое, настоящее и будущее России, на видение своей роли в историческом процессе. Горький все же не преодолевает противоречия между сильной и яркой личностью и окружающими её обывателями.

Список литературы

1. *Агурский М.* Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель). // Вопросы литературы. - 1991. - № 8. - С. 54 – 74.
2. *Воронский А.* О Горьком». Впервые. – «Правда» (1926), цит. по кн.: А. Воронский. Избранные статьи о литературе, С. 43-44.
3. *Келдыш В.А.* О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького: Наследие. - М., 1991. – с.
4. *Семёнова С.Г.* Мыслительные диапазоны М. Горького. // Человек. - М., 1999. - Вып. 5. - С. 113 – 124.
5. *Чуковский К.* Две души М. Горького. - Л., 1924. - С. 51-52

10.01.01

О.Ю. Юрьева д-р филол. наук

Иркутский государственный университет,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, yuolyu@yandex.ru

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Статья 2

В статье исследуется проблема влияния эйдологической символики Достоевского на русскую литературу начала XX века. Показано, как в мире Достоевского традиционные для российского художественного и мифопоэтического сознания символы топора, камня, креста приобретают эйдологический статус, становясь воплощением той или иной идеи, и в этом статусе функционируют в произведениях художников Серебряного века.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, эйдологический символ, литература Серебряного века, идея, амбивалентность, полифункциональность.

Особую роль играет в мире Достоевского образ-символ **топора**. В мифопоэтическом сознании образ топора утвердился в своей амбивалентной природе: как главное орудие созидания и как основное оружие народа. Эту двойственную семантику Достоевский осмысливает в рассуждениях о Петре I: «Этот аристократ был в высшей степени русский аристократ, то есть не гнушавшийся топора. Правда, он топор брал в двух случаях: и для кораблей и для стрельцов» [2. т. 24. 208], — то есть для созидания, строительства и для наказания, умерщвления.

Эйдологический символ топора усиливается присущей ему эмблематической семантикой, означающей идею борьбы с социальной несправедливостью. Топор управляет Раскольниковым, становясь материальной эманацией убийственной идеи, овладевшей героем. Судьба дает Раскольникову шанс отказаться от преступления, когда на кухне, где он хотел взять топор, оказывается кухарка Наталья. Ведомый идеей Раскольников вместо того, чтобы вернуться в свою каморку, спускается по лестнице во двор и видит, что всегда закрытая дверь в каморку дворника оказывается открытой, а из-под лавки что-то «блеснуло», привлекая внимание героя. «Не рассудок, так бес!» — подумал Раскольников, «странно усмехаясь». Эта «странная усмешка» сигнализирует о том, что Раскольников понял и принял знак, поданный ему «идеей-бесом» раньше, чем понял, что это топор: «Он бросился на топор (это был топор) и вытащил его из-под лавки». Вот почему «этот случай ободрил его чрезвычайно» [2. т. 6. 59-60].

Подкрепляя идею демонической личности (идею Наполеона), образ-символ топора становится в романе воплощением идеи насилия, идеи права сильного распоряжаться жизнью слабого, а в итоге — воплощением идеи «цель оправдывает средства» и идеи вседозволенности. Но если «Бога нет и все позволено», тогда нужно решить вопрос о том, кому позволено. Сомнения Раскольникова в наполеоновской идее Достоевский выражает в том же символе топора: «А завтра же меня другой Наполеон за вошь сочтет и под топором истратит» [2. т. 7. 15]. В сознании Раскольникова, а вернее, в его подсознании, топор — это не только орудие насилия, но и «оружие возмездия». Этот смысл актуализируется в убежденности Раскольникова: старуха — воплощение мирового зла, что становится для него «морально-историческим» и идеологическим оправданием убийства. В романе «Бесы» на прокламации «с виньеткой» наверху нарисован топор, пугающий обывателя Лембке [2. т. 10. 272]. В контексте такого толкования обретает дополнительные смысловые признаки и таинственный топор, летающий вокруг земли в кошмаре Ивана Карамазова. Особый смысл

приобретает и эпизод в романе «Идиот», когда «русские мальчики» Коля Иволгин и Костя Лебедев приобретают у мужика не только ежа, но и выпрашивают, чтобы он продал им топор [2. т. 8. 423].

Л.В. Карасев тоже обращает внимание на символ топора, называя его «эмблемой Достоевского, его ключевым словом, суперзнаком» [4. 91]. В мире Достоевского топор перерастает свое мифопоэтическое и символическое значение и обращается в «эмблему» «знак», «имя» идеи, то есть в эйдологический символ, что и делает его полнокровным художественным образом-персонажем.

«Идея топора» войдет в образную систему русской литературы XX века, актуализируя и раскрывая ставшую центральной идею возмездия: «и точат нищие на богача топор» (Вяч. Иванов).

В окошко

Ударится камень,

И врубится

В двери топор; —

пишет в стихотворении «Месть» 1906 года А. Белый, маркируя символом топора идею революционного возмездия. В этой же коннотации использует образ и Вяч. Иванов:

Где русских старых лип аллеи,

Лет романтических затей?

Их вырубил, на мщенье скор,

Наш разгулявшийся топор.

Те же семантические признаки используются А. Блоком: «Так и из "Пламени" нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России. Пусть это приложится к "познанию России": лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же как был, может опять быть "бессмысленным и беспощадным" (Пушкин); что были в России "кровь, топор и красный петух", а теперь стала "книга"; а потом опять будет кровь, топор и красный петух» [1. 486].

«Кровавый топор» народного гнева и возмездия фигурирует в творчестве И. Бунина, А. Ремизова, И. Шмелева. Несомненно, что наряду с имманентно присущими символическими признаками, укоренившимися в мифопоэтическом сознании, символ топора в литературе XX столетия коррелирует с эйдологией топора у Достоевского.

Так же несомненна важность аксиологической и мифопоэтической семантики **камня** в роли эйдологического символа у Достоевского. Камень в образной системе романов Достоевского является одной из самых распространенных эманаций идеи. В своих рассуждениях о сущности идеи Достоевский зачастую сравнивает ее с камнем. Используя семантику эйдологического символа камня, Достоевский подчеркивает, какую трагическую роль играют ложные, «несоответственные идеи» в жизни человека: «Несоответственных идей у нас много, и они-то и придавливают. Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленный, а другой не согласен и убивает себя» [2. т. 23. 24]. Эйдология символа камня в значении духовного омертвения выражена и в словах Мармеладова о том, что в Христа не верят «только те, которые потребности в нем не имеют, которые мало живут и которых душа подобна камню неорганическому» [2. т. 7. 87-88]. Камень как «существо без сердца», как аналог бездушной и бездуховной материи, часто фигурирует в «Дневнике писателя» [2. т. 23. 16].

Привязанные к ногам убитого Шатова камни появляются в романе «Бесы», символизируя погубившие героя идеи. Камни, как сгустки идеи распада и разлада, летят в Илюшу Снегирева, и один из них становится смертельным. Амбивалентность эйдологии камня как сложного единства строительного материала и орудия разрушения в романе «Братья Карамазовы» проявляется особенно явственно и восходит к Екклесиасту: если есть время «разбрасывать камни», то должно прийти время их собирать. На смену времени разрушения должно прийти время строительства и созидания. Освященный «идеей жизни», Илюшин

камень становится твердым основанием новой веры, нового сообщества людей, объединенных «идеями бессмертия души», идеей любви и сострадания.

Камень как эйдологический символ строительной идеи мы видим в «Дневнике писателя», когда Достоевский говорит о необходимости для России положить «новый камень» крепости славянского единства [2. т. 24. 63].

Многослойность, ассоциативность и широта эйдологической символики камня реализуется в творчестве О. Мандельштама. «Камень» — название первого сборника поэта и сквозной мотив всей его лирики. Семантический ареал символа определяется идеей непрерывности и мирового всеединства культуры и прошлого. Семантическая доминанта символа камня в творчестве Мандельштама во многом восходит к Илюшиному камню из «Братьев Карамазовых», около которого возник, по словам Вяч. Иванова, прообраз соборности, всечеловеческого «целого». Илюшино братство, созданное усилиями Алеши Карамазова, является, по замыслу Достоевского, символом соединения людей, во имя спасения от вражды, ненависти, духа небытия, ради обретения веры в «бессмертие души, в круговую поруку живой вселенской соборности», закон которой гласит: «Всякий перед всеми за всех и за все виноват» [3. 321-322].

Камень в восприятии Мандельштама стал той «субстанцией», что «возжаждала иного бытия». Камень — не просто строительный материал, архитектурно организующий материю. Камень — это субстанция, заполняющая пустоту мирового пространства, и облеченная в совершенную форму идеей красоты. Второй сборник своих стихов Мандельштам хотел назвать «Новый камень» — как прокламацию идеи о необходимости поиска и обретения новой веры, новых идеалов, близких соборному завету Достоевского.

Многоаспектна в творчестве Достоевского и в литературе начала XX века эйдология символа **креста**. Так, в аксиологии романа «Преступление и наказание» крест символизирует идею страдания, а также идею истинного наказания («нести свой крест») и искупления. Символом «правды народной», к приятию которой должен прийти Раскольников, стали «два креста, кипарисный и медный», один из которых Соня надела на грудь Раскольникова, благословляя его на покаяние и явку с повинной, а другой оставила себе, разделяя с героем его тяжкую судьбу и отправляясь за ним в «крестный путь». Символизация в данном эпизоде открытая, акцентированная: «Я за своими крестами, Соня. Сама же ты меня на перекресток посылала». «Путь крестом» как символ идеи выбора пути в совокупности с кипарисовым «простонародным» крестиком становится для читателя прямым указанием на авторскую идею о необходимости перерождения как единственной альтернативы гибели, выхода на путь нравственного, духовного воскресения героя. Принимая от Сони крест, но все еще пытаясь ерничать, Раскольников говорит: «Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе! И точно, я до сих пор мало страдал! Кипарисный, то есть простонародный; медный — это Лизаветин, себе берешь, — покажи-ка? Так на ней он был в ту минуту? Я знаю тоже подобных два креста, серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь». Заключительная же фраза этого монолога звучит как покаяние, пока еще не осознанное «внешним человеком» Раскольниковым, но выношенное и выстраданное его внутренним «Я», тем «человеком в человеке», который и является носителем и хранителем идеи спасения и воскресения: «Вот бы те к стати теперь, право, те бы мне и надеть» [2. т. 6. 403], — надеть как символ покаяния и крестной ноши искупления. Есть особая символика и в том, что «простонародный крест» — «кипарисный»: ведь, согласно народному поверью, кипарис — дерево печали, дерево скорбного предчувствия гибели, но и последующего за ней воскресения, дерево, осенившее вход Господень в Иерусалим.

В русской литературе начала XX века традиционный архетип креста явственно переосмысливается в эйдологическом поле Достоевского. В повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры», в лирике и в поэме А. Блока «Двенадцать», цикле стихов М.И. Цветаевой «Версты», прозе И.С. Шмелева, И.А. Бунина, Л. Андреева и многих других писателей эйдологический комплекс символа «крест», свойственный для творчества Достоевского, актуализируется во всей полноте и смысловой полифункциональности.

Название повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры» вбирает в себя весь сложный комплекс чувств и переживаний, связанных с осмыслением коллизий современной Ремизову действительности, представляющейся писателю в сложном пересечении двух ипостасей — Руси Святой и Руси обезьянней, мира светлого и мира страшного, темного и губительного. Благодать и рок идут рядом с человеком, и в самом внешнем абрисе креста является двуединая система координат этого мира — мир внешний, горизонтальный, и мир «по вертикали», мир ноуменальный. Первый подчинен року, сатанинским влияниям, второй — мир Божественной благодати. Главное для человека — не потерять веру, что он все-таки существует. На уровне трагедийных исканий Достоевского Ремизов размышляет о природе явлений, о взаимоотношениях людей, о той темной и страшной стороне жизни, что не позволяет человеку «расправиться», заставляя его кричать от боли и страданий. Коррелируя с названием романа «Братья Карамазовы», название повести «Крестовые сестры» образует очень важную смысловую связку — все люди «братья и сестры». Таким образом, Ремизов подхватывает мысль Достоевского о «круговой поруке», об ответственности «всех перед всеми». Именно об этом говорит мудрая героиня повести Ремизова Акумовна: «Обвиноватить никого нельзя», — ибо если в мире творится зло, виновны все.

Символика креста актуализируется в повести на всех уровнях ее структуры. Крест — это перепутье, распутье, перекресток, «дорога крестом», символизирующие проблему выбора дальнейшего жизненного пути, перед которой был поставлен герой повести Петр Алексеевич Маракулин, волею рока выброшенный из привычной жизненной колеи.

Каждый человек, по Ремизову, «несет свой крест», определенный ему судьбой, делами и грехами его: «первородный грех», груз своих ошибок, заблуждений и преступлений, груз вины перед ближними и всем миром. Люди по-разному несут свою ношу: кто-то смиренно принимает свою судьбу, какой бы тяжелой она ни была, и в этом видят смысл и предназначение всей жизни (как «Божественная Акумовна»), кто-то бунтует против воли Бога ли, рока ли, ему все равно, он не хочет подчиниться обстоятельствам и судьбе и желает утвердить свою волю (как Маракулин, срывающий с себя крест и тем самым возвращающий, как Иван Карамазов, «свой билет» Богу и, подобно Раскольникову, задумавший убийство генеральши Холмогоровой, в которой, как Раскольников в старухе-процентщице, видит воплощение всего мирового зла), а кто-то даже не осознает, насколько тяжким является крест их судьбы. Но если Раскольников надевает на себя крест, чтобы искупить вину, и тем самым спасается, то Маракулин не выдерживает тягот жизни и сомнений, не выдерживает тяжести страшного открытия: «Человек человеку — бревно». Как истинно русский человек, он дошел, как писал Достоевский, до «края пропасти», «свесился в нее наполовину», но не отпрянул в ужасе, а полетел вниз — на камни Буркова двора. Латентная символика креста сквозит и в главной смысловой формуле, определяющей сущность мировосприятия Ремизова: «человек человеку не только бревно, но и дух-утешитель», графический абрис которой представляет собою сочетание двух линий: горизонтальной (бревно) и вертикальной (возносящийся вверх дух-утешитель).

Особую роль эйдологический символ креста играет в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия», в «Верстах» М. Цветаевой. Явственно проявляется миметическая связь с эйдологией Достоевского символа креста в поэме А. Блока «Двенадцать», причем как профанирующая «идею крестоношения», так и выражающая ее.

Список литературы

1. Блок А.А. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 5. — М.; Л.: Художественная литература, 1963. — 800 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 тт. — Л.: Наука, 1972-1990.
3. Иванов Вяч. Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского // Иванов Вяч. Родное и вселенское. — М.: Республика, 1994. С. 312-336.
4. Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 89-101.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

О.Н. Голованова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Уфа, olya.golovanova.8877@list.ru

ЭКФРАСИС В РОМАНЕ ПЕТРА ХРАМОВА «ИНОК»

В статье рассматривается феномен экфрасиса в романе «Инок» современного уфимского писателя и художника Петра Храмова.

Ключевые слова: *Петр Храмов, роман «Инок», экфрасис, интермедиаальный анализ.*

Экфрасис (в первичном, узком понимании) естественным образом связывает литературу и изобразительные виды искусства, поскольку художественное слово не только выразительно, но и изобразительно. В творчестве писателей, совмещающих в себе словесный и живописный дар, проявления экфрасиса особенно очевидны.

К таким авторам относится Петр Алексеевич Храмов (1939-1995), уфимский писатель и художник второй половины XX века. В 2008-2009 гг. в журнале «Бельские просторы» был напечатан его роман «Инок», одно из самых значительных произведений современной русскоязычной литературы Башкортостана.

П.А. Храмов – сын известного уфимского художника Алексея Васильевича Храмова (1909-1978гг.) – окончил Строгановский художественно-промышленный университет в Москве и стал художником-монументалистом. Его мозаики украшают Дворец культуры и техники, железнодорожный вокзал и детский сад № 245 в Уфе.

И все они могут быть восприняты как иллюстрации к роману «Инок». Так, на одном из панно изображена фигура молодой женщины, с огромными «желтенькими» глазами на круглом, сурово-тревожном лице. Это Маша Миронова, главная героиня произведения П.А. Храмова. У нее крупные, как у бабушки мальчика, крепкие ладони, в них она, словно надежду на спасение, держит зеленую ветвь. Справа изображены мальчик и девочка за партой – это герои романа в детстве. Юноша-солдат – это автопортрет самого художника. Вся композиция переливается и горит под солнцем.

На другой мозаике изображена женщина с ребенком. Это опять Маша, а на панно напротив – мальчик. В этой композиции, символизирующей счастливое советское детство, тем не менее выделяются образы двух рыбок как символы христианства.

В середине 1970-х годов Петр Храмов создал четыре мозаичных панно для железнодорожного вокзала в Уфе. На них нет человеческих фигур, но многие важные предметные детали также связаны с романом «Инок». Это берег реки и холм – место у реки Белой около Монумента Дружбы, где стоял чудесный дом-терем, в котором вырос герой романа. На другом панно скачут свободные кони, их гривы струятся, как волны. Это образ, оставшийся в детской памяти рассказчика.

О литературном творчестве художника знали лишь самые близкие люди. Только после его смерти друзья смогли опубликовать роман «Инок». В произведении так объясняется его название: «Почему инок? Инок – это просто другой, иной человек – и-ной» [3, с. 80]. Таким был и П.А. Храмов.

В его романе много примеров словесной репрезентации визуальных образов. Авторское видение мира отличается именно экфрастическими особенностями.

Рассмотрим образцы экфрасиса в произведении писателя-художника. Оно наполнено многочисленными культурными аллюзиями и реминисценциями, в том числе разнообразными отсылками к произведениям великих русских писателей и поэтов, картинам художников, творениям скульпторов, кинематографистов и других деятелей искусства.

В связи с тем, что в романе важное место занимает описание «Троицы» Андрея Рублева, можно говорить о значимости религиозного экфрасиса в нем. Как считает Л. Геллер, экфрастический религиозный принцип может быть «приглашением-побуждением к духовному видению как высшему восприятию мира и восприятию высшего мира», что приводит к сакрализации художественности» [2, с. 19].

Обращаясь к данной иконе, Петр Храмов фокусирует внимание на позе Христа, который сидит, «завороженный святой истомой усталости» [3, с. 249]. Через восприятие его образа героями автор раскрывает их соприкосновение с божественным светом. Прежде всего, он «падает» на Машу Миронову. Главный герой, ориентируясь на нее, копирует ее жесты: «Как Маша... Маша» [3, с. 245].

Другая религиозная реминисценция связана с евангельским эпизодом чудесного воскрешения Иисусом Христом умершей дочери Ираира [3, с. 245]. Писатель использует в данном случае прием так называемого «обратного» интермедиального цитирования – словесный образ первичного текста поначалу воспринимается в живописной проекции и затем снова «возвращается» в текст.

Евангельское предание Петр Храмов актуализирует с помощью словесной цитаты «Встань и иди», которая в данном случае играет роль катализатора нужных ассоциаций, позволяющих перейти из сферы умозрительных представлений в область наглядных образных описаний.

Для самого героя-рассказчика словесная реминисценция становится отправной точкой размышлений о картине, которую он долго пишет: «на одном варианте – дитя стоит, на другом – сидит. Что лучше? «Встань и иди», – сказал Христос дочери Ираира, и девочка – мертвая – встала и пошла... Было ли в истории человечества более важное мгновение?» [3, с. 245].

Писатель воспроизводит здесь процесс своего творчества, выбора единственно точного варианта художественного изображения: «Встань»... Сидит – лучше...» [3, с. 245]. Встающее дитя – это пророческий символ: главный герой демонстрирует готовность встать и исполнять волю Бога.

В романе много и других примеров обращения Петра Храмова к визуальным религиозным образам. Один из самых ярких – это словесное описание картины М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею»: «По белому мелкозернистому холсту, в центре композиции был хорошо прорисован светловолосый худенький мальчик с печальным и вопрошающим профилем. Стиснув руки перед грудью, со сбруей на локотке, он стоял перед фигурой в плаще. Лицо взрослого, скрытое капюшоном, было в круге света-святой. Опушка, на которой стояли оба, была еще в карандаше...» [3, с. 146].

Картина оживает в восприятии героя-рассказчика и главной героини. Они находятся в музее со своими друзьями и крестной матерью Еленой Григорьевной: «Маша учтиво слушала, Агарь изображала преувеличенное и стремительное внимание, Степан же смотрел в окно, задумавшись» [3, с. 147]. Рассказчик акцентирует внимание на том, как воспринимает картину Маша Миронова: «Мы уже медленно подвигались к другой картине, но Маша от нас отстала и вновь подошла к «отроку». Постояла, склонив голову, посмотрела и, не отрывая подошв от пола, быстренько заскользила к нам» [3, с. 146].

Как справедливо замечает Нина Перлина, подобный экфрасис возникает тогда, когда герой, «находящийся в твердо очерченных пространственно-временных границах своего мира, переносит взгляд за раму – границу, отделяющую его от пространственного поля картины мира и жизни другого, и со своей точки зрения, со своей позиции пытается понять, что же он видит» [1, с. 24]. В данном случае экфрасис реализует психологическую функцию, позволяя обнаружить духовное родство «отрока» и «отроковицы».

В текстуальное полотно романа «Инок» экфрасис вплетается также как словесное описание образов из произведений других видов искусства. Это, например, переложение фильма итальянского режиссера Кристиана Жака «Пармская обитель» по одноименному произведению Стендаля. Его советский дубляж 1948 года был очень популярен: «Ах, какой это был фильм. Единственный и на всю жизнь. Полузнакомые, но легко узнаваемые его чувства – «чувства, похожие на нежные, изящные цветы», – удивили меня нерусским, хорошо взвешенным выражением. Красота и утонченность этого выражения превращали печаль фильма в прелесть ранее неведомых чувств – чувств благородных и возвышенных... Родные, убогие домики, древние камни Пармы, ранее неведомые чувства – цепенея, я о чем-то догадывался – «Сам не знаю о чем»... Два любящих и, конечно же, разлученных сердца. И смирение их перед судьбою. Какое смирение: неявная его сила была кроткой и спокойной, не выглядела не пугливой дурочкой, как в России, а была миловидна и благородна, убедительна и стройна, как все соразмерное. Сказочная природа, удивительные дворцы... – и никакой надежды на счастье. Как и у нас среди грязи, грубейших нравов, ватников, кирз, мата... Как и у нас... Не братья ли мы, не сестры ли...» [3, с. 206-208].

Этот фрагмент включен в третью, заключительную часть романа, в которой рассказывается о смерти Маши, возлюбленной героя. Судя по всему, данный яркий экфрасис использован автором как прием предвосхищения печальных событий. Мотив смирения, звучащий в фильме, переходит в сюжет романа. Аналогичным образом рассказчик впоследствии смиряется со смертью любимой девушки.

Таким образом, в романе П. Храмова экфрасисы, введенные в повествование, в первую очередь, расширяют его культурный контекст; во-вторых, выполняя различные функции, сакрализуют в той или иной степени образы главных героев. Это религиозные экфрасисы.

С психологической же точки зрения экфрасисы отражают самосознание как автора, так и его героев, в восприятии которых оживают те или иные артефакты искусства (картина, икона, фильм и т.п.).

Список литературы

1. *Перлина Н.М.* Тексты-картины и экфрасисы в романе Достоевского «Идиот». – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017.
2. *Геллер Л.* – М.: МИК, 2002.
3. *Храмов П.А.* Инок. – Уфа: Китап, 2012.

10.01.10

Р.Л. Зайни канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра национальных и глобальных медиа,
Казань, zaini@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ» КАК ПЛОЩАДКА ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В данной работе представлены результаты исследования деятельности татароязычных сообществ в социальных сетях. Необходимость изучения данных пабликов обусловлено тем, что гражданская журналистика расширяет свои горизонты, охватывая широкий круг читателей из числа подрастающего поколения.

Ключевые слова: *татарская журналистика, гражданская журналистика, социальные сети, «ВКонтакте».*

С появлением интернета журналистика начала переживать новые времена. Это очень интересный этап переноса печатной журналистики в цифровой формат, что позволяет традиционной прессе принимать характеристики глобальных СМИ, с другой стороны активизация гражданской журналистики, когда огромная масса людей, далеких от журналистики, начала создавать собственный творческий продукт. В связи с этим со стороны представителей журналистики возникает вполне закономерный вопрос: какое будущее ожидает традиционную журналистику? У этого вопроса есть и вторая сторона: во что может превратиться и перерости современная гражданская журналистика?

Особенно важно выявить, что происходит на рынке новых медиа на татарском языке: к сожалению, национальный язык не сильно востребован в обществе, в то время как татароязычные массмедиа оказывают особенное влияние на самоопределение представителей татарской нации как крупной этнической и культурной общности в России. Для развития новых медиа на определенном языке необходима востребованность на получение информации именно на этом языке, которая на сегодняшний день крайне низка. Например, как утверждает исследовавший этнические сообщества в социальных сетях З.А.Махмутов, «большинство публикаций во всех сообществах представлено исключительно на русском языке, что свидетельствует об интенсивных процессах языковой ассимиляции» [1]. Любой человек, родившийся и проживающий в Российской Федерации, вне зависимости от национальной принадлежности, в определенном объеме знает русский, ему вполне хватает чтения газет, журналов, прослушивания радио или подкастов, просмотра телепередач или видео-блогов на русском языке. Поэтому единственное условие развития татарской блогерской системы или сообществ в социальных сетях нам представляется в виде создания оригинального контента, того, чего нет больше ни на одном языке. Согласимся, это резонно. В этом случае у носителей национального языка возникнет желание потреблять медиaproдукцию именно на татарском языке; а у людей, не владеющих языком, может сформироваться желание его изучить. Как известно, спрос рождает предложение, а в этом случае предложение поможет сформировать информационные потребности общества.

Хотелось бы рассмотреть на конкретных примерах, как же всё обстоит на самом деле. С этой целью мы изучили сообщества в социальной сети «ВКонтакте». Была использована эта социальная сеть, поскольку она является достаточно популярной, при проведении различных опросов, проведенных в РФ, почти 99% респондентов признаются, что имеют аккаунты в данной социальной сети [3].

Для изучения аудитории и содержания сообществ был использован метод контент-анализа, в то же время мы прибегли к помощи приложений https://vk.com/compare_groups, <http://allsocial.ru/communities>, ресурса popsters.ru.

Для поиска сообществ, ведущих контент на татарском языке, были использованы ключевые слова «татарча» (по-татарски), «төркем» (группа, сообщество), «кызык» (интересно), «мәхәббәт» (любовь).

Среди сообществ определенное место занимают группы публичных людей (исполнители, актеры, писатели), формирующие их имидж, а также группы СМИ, созданные для популяризации изданий. Такие сообщества мы решили не включать в эмпирическую базу нашего исследования: они создаются, ведутся и заполняются контентом зачастую профессиональными журналистами или при их помощи. Поэтому наше внимание больше обращено к остальным сообществам, авторами которых являются представители нежурналистских профессий, то есть эти сообщества являются конечными продуктами деятельности гражданской журналистики.

Надо принять во внимание, что «в социальной сети ВКонтакте насчитывается около 77 млн. сообществ. ... Лишь около 70 тыс. сообществ можно назвать массовыми (аудитория более 10 тыс.), при этом миллионную отметку перешагнули менее 500 групп» [4]. По этой причине из выбранных и просмотренных сообществ выделим лишь те, где аудитория читателей превышает 10 тыс. человек.

Наибольшее количество подписчиков и просмотров набирают паблики на юмористические темы. Например, в сообществе «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» (в переводе на русский – Всякое разное интересное, юмор по-татарски) (https://vk.com/kizik_mizik) насчитывается более 202 тыс. подписчиков.

Причем, среди пабликов с большим количеством подписчиков попадают татароязычные группы, основанные на использовании нецензурной лексики. А вот сообщества с серьезной тематикой набирают меньше просмотров. Например, группа «Тәртипле Татарлар Төркеме» (Группа толковых татар) (<https://vk.com/tatars>) смогла пока набрать всего лишь чуть больше 12 тыс. подписчиков, хотя функционирует с 2015 года. То же самое происходит и с пабликами «УКЫ | Татарстан | Казань | Татарча» (Читай) (<https://vk.com/ukytatarstan>), у него 20 тыс. подписчиков и «МИН ТАТАРЧА СӨЙЛӘШӘМ» (Я говорю на татарском) (<https://vk.com/mintatsoy>) – неполных 10 тыс. постоянных читателей.

Если мы говорим о развитии гражданской журналистики, то нужно понять, что она будет развиваться не только в том случае, когда ее представители будут создавать мультимедийный контекст, но и тогда, когда они научатся доносить его до определенной аудитории. Если конкретному человеку не интересно читать материалы на страницах этого сообщества, он очень быстро перейдет на другое, ведь подписка ни к чему обязывает.

К сожалению, сообщества зачастую ведутся неграмотно, встречаются как фактические, так и лексические, орфографические и пунктуационные ошибки в текстах. Отдельно нужно отметить такой недостаток, как набор текста без татарских букв (на русскоязычной раскладке компьютера).

Для развития гражданской журналистики на татарском языке возможности социальных сетей высоки. Среди плюсов важно отметить, что в сети все равны, не прописаны четкие правила того, что «правильно», а что нет. Используя технологии приложения, возможности голосования, комментирования, перепосты, рассылки, уведомления, можно сравнить одно сообщество с другими, это отлично помогает при попытке улучшения контента, изучения спроса и качества предложения.

Независимость, бесплатность использования, отсутствие привязки к временным рамкам, не ограничивание объема размещаемой информации в «ВКонтакте» открывают широкое поле деятельности для развития гражданской журналистики. Да, безусловно, сообщества в социальных сетях создают возможности общения со старыми знакомыми и приобретения новых друзей, приятного времяпровождения, самообразования и даже зарабатывания денег. В то же время такая деятельность связана с некоторой долей риска, связанных с мошенниками.

Если судить по данным, представленным Brand Analytics, «ВКонтакте» является одной из популярных социальных сетей в России: ресурс ежемесячно размещает материалы чуть больше 13 млн. авторов (в этом случае так называется пользователь, написавший за месяц хотя бы одно публичное сообщение); около 318 млн. сообщений. При этом средний возраст пользователей «ВКонтакте» - молодежь в рамках 25-34 лет. Как указано в результатах исследования, Brand Analytics собирает и индексирует все публичные сообщения социальных сетей на русском, татарском, украинском, казахском и некоторых других языках, а также данные их авторов [5].

Самое интересное, что «ВКонтакте» на сегодняшний день является одной из главных молодежных площадок русскоязычного интернета. Ресурс, по данным результатов исследований Brand Analytics, возглавляет топ самых цитируемых молодежью источников, вдвое опережая Facebook, Youtube и Instagram по цитируемости [2]. Учитывая, что татароязычные социальные сети способствуют этническому возрождению, возврату к традициям, усиливают интерес к своим истокам, мы должны обратить внимание на развитие гражданской журналистики в данной социальной сети и более детально отнестись к вопросу формирования контента. Аудитория завтрашнего дня формируется именно здесь. Будущее предсказать невозможно, мы можем лишь предложить версии развития журналистики. Но сегодняшние реалии, изменения в медиасфере могут подсказать, на что стоит обращать внимание.

Список литературы

1. *Махмутов З.А.* Татарские субэтнические группы в социальной сети "ВКонтакте" // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. - 2018. – С. 300-303.
2. Мобильные видеоплатформы наступают / Brand Analytics. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/mobilnye-videoplatformy-nastupayut/> (дата обращения 10.04.2019).
3. *Морозова А.А.* Социальная сеть: к вопросу о безопасности пользователя // Проблемное поле медиаобразования. – Челябинск. - 2017. - №3(25). - С. 201-205.
4. *Степанов В.А.* Сообщества в социальной сети "ВКонтакте" как СМИ: особенности типологии и перспективы развития // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. - 2015. - № 2. - С. 86-90.
5. Социальные сети в России, осень 2016 / Brand Analytics. URL: <http://blog.brandanalytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-osen-2016/> (дата обращения: 10.04.2019).

10.01.10

Л.Ф. Имамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, lilia.liliafoto@yandex.ru

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Сегодня внимание к проблеме специализированных СМИ повышается, в связи, с чем возникла актуальность изучения типологии специализированных изданий. А чтобы изучение было более эффективным, нужна опора на предыдущие опыты.

В начале XX века, с зарождением татарской периодики произошло и создание специализированной печати. По принадлежности аудитории и по тематической направленности религиозная пресса была самой большой типологической группой того времени, обзору чего и посвящена данная статья.

Ключевые слова: *типология прессы, татарская журналистика, религиозная пресса, журналистика XX века, специализированные издания.*

Аудиторию можно собрать воедино вокруг одной темы: в зависимости от пола, возраста, социального положения, доходов, вероисповедания, хобби, профессии, сфере деятельности и т.п. На сегодняшний день есть тенденция развития, как качественного, так и количественного, СМИ духовно-просветительского характера, в том числе религиозного. Поэтому очень важно изучить предыдущий опыт специализированных изданий.

В данной статье рассмотрим специализированную татароязычную религиозную прессу (самую большую за указанный период типологическую группу по количеству) в ее историческом контексте, начиная с появления первой (1905 г.), до закрытия последней Советской властью.

Катализатором появления религиозной мусульманской прессы послужило экономическое развитие страны. Среди мусульман появляются капиталисты, которые в последующем будут спонсорами национальной прессы. Все газеты и журналы того времени (с 1905 до 1918 года) издавались на средства татарской буржуазии.

В указанный период воздействие религиозных деятелей на общество было в разы сильнее, чем сегодня. Мусульманская фракция и татароязычная печать формировали общественное сознание. Депутаты фракции совершали командировки в деревни, устраивая собрания, объясняя работу своей партии. В период 1900-1910 гг. растет количество мусульман, которые обучаются за рубежом (в Каире, Мединской школе, и Стамбульской), в религиозных и светских институтах [7, с.143].

Практически во всех существовавших тогда татароязычных изданиях затрагивалась религиозная тема. Тема образования, воспитания, женские разделы и любые другие - рассматривались через призму ислама. Г. Алисов в издании «Русская жизнь» в публикации «Мусульманский вопрос» (1909 год) затрагивает разные стороны культурной жизни мусульман и их печати. Автор рассказывает, что время от времени в татарских газетах помимо других тем появляются публикации, затрагивающие религиозные вопросы, например на тему поста. По мнению автора, в течении многих столетий чтение татар заключалось в нравоучительных и религиозных трактатах и поэтому «чем консервативнее газета, тем ярче она подчеркивает именно религиозно-догматическую сторону своего мусульманства»[1]. Но несмотря на многочисленные издания универсального типа, периодически публикующие статьи религиозного характера, существовали узкоспециализированные газеты и журналы, обозревающие сугубо эту тему.

По принадлежности аудитории и по тематической направленности религиозная пресса была самой большой типологической группой того времени. В начале XX века их насчитывалось 15: это газеты «Аль-галями муслимин» («Мусульманский мир») (1906-1907), «Хамият» («Спасение») (1907-1908), «Борханитаракки» («Доказательство прогресса») (1906-1911), «Нур» («Луч») (1905-1914), «Ислах» («Реформа») (1907), «Баянелхак» («Вестник правды») (1906-1914), «Өлфэт» («Дружба»), «Иттифак» («Союз») (1917-1918 гг.), «Мөхбир» («Корреспондент») (1918 г.), журналы «Дин вә мәгыйшәт» («Религия и жизнь») (1906-1918), «Әд дин вә әл әдәп» («Религия и нравственность») (1906-1917), «Нажат» («Спасение») (1907), «Мәгълүмәт Жәдидә» («Новые сведения») (1908-1917), «Ислах кәтепханәсе» (1913 г.). В Стамбуле также издавался журнал на татарском языке «Тааруфуль-аль-муслимин» («Взаимное знакомство мусульман друг с другом») (1910 г.).

В основном шли жаркие споры между кадимистскими (консерваторскими) и джадидистскими течениями. Первые, сторонники догматизма и схоластики, твердо стояли за старый уклад, религиозный фанатизм, тогда как джадидисты придерживались светских и прогрессивных убеждений. Одним из кадимистских изданий того времени считают «Дин вә мәгыйшәт» (Религия и жизнь) (в 1906-1917 гг., Оренбург). Журнал в основном освещал религиозные вопросы и предназначался религиозным деятелям. Авторы публикаций выступали против джадидистских идей в школах и медресе, в то же время много статей посвящены истории ислама, философии и религии, моральным и воспитательным темам. В журнале «Дин вә мәгыйшәт» можно встретить даже заявления о более «высокой» природе мужчин в сравнении с женщинами: «Всевышний Аллах создал мужчин превосходящими женщин во многих вопросах. Вот несколько прав, дарованных мужчинам в связи с их более высоким положением: разум и религиозность мужчин совершенны, в то время как женщины в этом отстают. То есть мужчины благодаря своему уму лучше разбираются в торговле, ремеслах и других способах добывания на жизнь. Женщины же не знают столько. Мужчины и в религии безупречны»[4]. Журнал жестко критиковался многими татарскими общественными деятелями, в частности Г. Тукаем. Известно, что за 9 лет существования вышло всего 555 номеров. Восстановлен в 1993 году ДУМ РТ под этим же названием, отпраздновал свое 110-летие, чему и был посвящен первый номер 2007 года.

Журнал «Нажат» (Спасение) (1907, Петербург) позиционировал себя как литературно-политический журнал для мусульман. Его издатель А. Ибрагимов призывал российских мусульман к изучению русского языка и литературы, а также высказывался против старых устоев в мусульманском мире. Издатель был сторонником джадидизма, когда речь шла о обучении в медресе и школах, но также настаивал, что старые методы (кадимизма) необходимо использовать.

Одним из популярных журналов среди татароязычной мусульманской прессы XX века был «Әд дин вә әдәп» («Религия и нравственность»), который выпускался периодичностью 2 раза в месяц (1906-1908, 1913-1917 гг, Казань). В 1908 году, журнал был запрещен властями, а издатель обвинен в распространении панисламистских идей и сослан в Вологодскую губернию. По возвращению журнал возобновил работу. Постоянными авторами стали педагоги, работники и ученики медресе «Мухаммадия» («Мөхәммәдия»). На страницах своего журнала издатель и редактор Галимжан Баруди пытался показать близость религии и науки. Наука, по его мнению, должна служить религии, а религия – науке. Главной целью воспитания, по Баруди, является воспитание религиозно - нравственного человека, живущего народными и общечеловеческими интересами. Религиозно-нравственное воспитание занимает главное место в педагогической мысли Баруди, и оно неразрывно связано с умственным и трудовым воспитанием. Редакция выступала против распространенной практики школ того времени - заучивания и схоластики.

«Тааруфуль-аль-муслимин» («Взаимное знакомство мусульман друг с другом») - еженедельный журнал российских младотатар. Несмотря на то, что издавался всего год (1910 г.), прославился панисламистскими публикациями: «Наша цель», «Пантуранизм», «Пантуранизм и соединение тюркского народа», «Единение ислама» и т.д. Издавался в г.

Константинополь (Стамбул) и запрещен к ввозу в Россию. Известно письмо П. Столыпина министру иностранных дел с просьбой содействовать закрытию этого журнала, т.к. он подрывал авторитет русской державы в глазах российских мусульман, в частности татар.

Также можно отметить недолгую жизнь религиозного Оренбургского журнала "Ислах көтепханәсе». Его издавал и на него возлагал большие надежды в создании религиозного самосознания религиозный деятель, журналист Х. Махмудов, который являлся и автором работ о правах мусульман и модернизации мусульманского общества. Но редакция порадовала всего двумя номерами [5].

Февральская революция, как известно, убирает многие проблемы в утверждении свободы вероисповедания. Временное правительство своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.), «Свободе совести» (14 июля 1917 г.) и рядом других провозглашает равенство граждан в экономической, социальной и политической областях вне зависимости от их отношения к религии, свободы вероисповедания. Вакуум духовной власти, создавшейся после смещения ненавистного татарской демократической общественности муфтия М. Баязитова, не мог не привести к созданию новых общественных структур и газеты «Иттифак» («Союз») – органа Всероссийского мусульманского общества ученых. Девиз «Объединяйтесь, мусульмане» говорит о возвышенных надеждах после этих событий. Она издавалась в г. Казани, всего успело выйти 14 номеров, издание прекратилось 7 июня 1918г. Также известно о газете «Мөхбир» («Корреспондент») – органа Уральского комитета мусульманского национального шуро. Редактор Абдулсагит Ишмухаметов смог издавать ее недолгое время - в 1918 г. в г. Уральске.

Татарская мусульманская специализированная пресса, сделав первые шаги, только вставала на ноги, как 27 октября 1917 г. на первом заседании Советского правительства был принят Декрет о печати. На следующий день власть специальным постановлением узаконила мероприятия по закрытию небольшевистских изданий. На заседании ВЦИК 4 (17) ноября утвердил резолюцию в области печати. Таким образом, с октября 1917 г. до сентября 1918 г. в России была ликвидирована многоязычная небольшевистская периодика.

Подводя итог нашему обзору, следует отметить, что специализированная религиозная пресса начала XX века была самой значительной по количеству. Она же отличалась и большей продолжительностью, издавалась по 11-12 лет, вплоть до 1918 года.

Специализированная пресса издавалась преимущественно в журнальном формате, хотя специализированные на религиозной теме издания имели обратную тенденцию (из рассмотренных нами 15 изданий 9 газет против 6 журналов).

Таким образом, можно утверждать, что рассмотренные нами религиозные издания стали тем фундаментом, благодаря которому в течении XX века активно функционировала разветвленная система специализированных СМИ на татарском языке и развивается современное национальное медиапространство.

Список литературы

1. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России//Русская жизнь.1909 №7. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_3_4/09/09_3/
2. Ахмадуллин В.К. Мусульманская интеллигенция уфимской губернии: генезис, численность, структура. Издательство «Грамота». No 4 (42) 2014. С. 20-26.
3. Гарифуллин В.З. Роль мусульманских СМИ в обеспечении этноконфессиональной толерантности в Татарстане // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21. С. 13
4. Ирлэрнең хатынларга караганда хокукы// Дин вә мәгыйшәт. 1907. №4. Б. 53–54.
5. «Ислах көтепханәсе [https://tt.wikipedia.org/wiki/Ислах_көтепханәсе_\(журнал\)](https://tt.wikipedia.org/wiki/Ислах_көтепханәсе_(журнал))
6. Нуруллина Р.М. Голос времени: газеты и журналы на татарском языке 1905-1990 гг. Казань: Юлвар, 1992. 60 с.
7. Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 214 с.

10.01.10

Л.Ф. Имамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, lilia.liliafoto@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Популярность узкоспециализированных СМИ за последние годы легко объяснить - общество изголодалось по изданиям на определенные, сугубо его интересовавшие вопросы, без навязанных универсальных тем. Этим и объясняется внимание к изучению специализированных изданий. В данной статье рассмотрена специализированная татароязычная пресса в ее историческом контексте.

Ключевые слова: специализированная пресса, типология татарской прессы, история татарской журналистики, тенденции в журналистике, журналистика начала XX века, медианпростанство Татарстана.

Специализированная пресса - это издания, целью которых является ориентация на определенную узкую специальную тематику. Сегодня интерес к проблеме специализированных изданий повышается. Проблемой изучения их типологии занимаются многие исследователи. Информацию о типологии специализированных изданий можно встретить в работах А. И. Аكوпова, С. Г. Корконосенко, В. В. Тулупова, Чукова П. и остальных.

Специализированные издания делятся по тому, какой аудитории они адресованы и по тематическим критериям. Если универсальные издания удовлетворяют информационные потребности массы или большинства читателей, то специализированная пресса удовлетворяет потребность в дополнительном, узкоспециализированном контенте.

Аудиторию можно собрать воедино вокруг одной темы: в зависимости от пола, возраста, социального положения, доходов, вероисповедания, хобби, профессии, сфере деятельности и т.п. Наиболее популярно деление специализированной прессы по возрастному и половому признаку. Например, на такие, как женские, мужские, молодежные, детские издания, а также газеты-журналы для пожилых людей. По тематической направленности специализированную прессу можно делить на сатирические, юридические, медицинские, экономические, научные, литературные, религиозные, корпоративные и т.д. При этом каждый вид может делиться еще на множество подвидов. К примеру, в женской прессе можно выделить свои 8 подвидов.

Если обратиться в объединенный подписной каталог «Почты России» можно посчитать около 30 видов специализированной прессы, существующей сегодня. В связи с нарастающими объемами информации, поступающих с разных ресурсов на общество, спрос на специализированную литературу и прессу еще более возрос. Поэтому можно предположить еще большее развитие специализированных изданий. Именно поэтому важно изучить типологию специализированных изданий. А чтобы это изучение было еще эффективнее, необходима опора на предыдущие опыты.

В данной статье рассмотрим специализированную татароязычную прессу в ее историческом контексте, начиная с появления первой (1905 г.) до закрытия последней Советской властью.

Возникновение татароязычной специализированной прессы шло в одну ногу с зарождением татарских изданий. В начале XX века происходит трансформация многих сфер татарской культуры и общественности. События первой русской революции, Манифест октября 1905 г., Временные правила о периодической печати от ноября 1905 г. упразднили цензуру и дали возможность начать выпускать издания на татарском языке. С 1905 до 1918

года, вплоть до того, как советская власть запретила выпуск этих печатных изданий, существовало 125 татароязычных газет и 45 журналов.

Ускорителем роста татарской культуры послужило резкое финансовое развитие страны. В соответствии с «Положением о государственном промысловом налоге» с 1898 года казанские купцы получают свидетельства на право торговли. Татары приступают к коммерческой деятельности, открывают торговые центры и магазины, заводы. Нарастает потребность в новых, прогрессивных национальных идеях, а также спрос на площадки для их обсуждения. Среди татар появляются капиталисты, которые в последующем и будут спонсорами и передовыми национальной прессы и ее развития.

Наиболее большой типологической группой является специализированная религиозная пресса. Изданий специализирующихся на исламской тематике было 15. Подробнее мы их рассмотрели в другой статье. А в данной статье рассмотрим светские издания.

Одним из самых значимых типов среди специализированных изданий того времени можно считать сатирические. Изначально, за неимением самостоятельной площадки, они выпускались в виде приложения к русским. К таким можно отнести и «Чикерткэ» («Кузнечик»), которая выпускалась в Оренбурге с 23 апреля 1906 году приложением к журналу «Саранча». Вслед эстафету приняли в Уральске, где в июне того же года начали выпускать «Уклар» (Стрелы), позднее в Оренбурге «Чүкеч» («Молот»), «Карчыга» («Ястреб») и «Кармак» («Крючок»). Также в Астрахани в 1907 году открыли журнал «Туп» («Пушка»), но он прекратил существование спустя 3 номера. В марте открылся журнал «Яз» («Весна»), который успел выпустить всего 2 номера. В Троицке запустили выпуск юмористического журнала «Акмулла» (1911-1916 гг.), который являлся одним из долгожителей юмористической прессы и в течении пяти лет смешил своих читателей.

«Уклар» («Стрелы») является первым самостоятельным сатирическим изданием на татарском языке. Именно на его страницах Г. Тукай проявился как сатирик. В основном освещая повседневные проблемы, редакция высмеивала невежество и другие негативные стороны жизни татар. Некоторые исследователи рассматривают журнал «Уклар» неким сборником произведений Тукая. По заголовкам несложно догадаться, на чем именно нацелились «стрелы»: «Двое пьяниц», «Лживые ишаны», «Различие между исламом и татарской религией», «В водочном магазине. Г. Тукай в журнале «Уклар» большое внимание уделял иллюстрациям, привлекал русских художников-самоучек, мечтал о появлении профессиональных татарских мастеров.

«Карчыга» («Ястреб») успел выпустить всего 9 номеров журнала, но стал известен широкой пропагандой революционно-демократических идей. «Карчыга» высмеивала фанатическое следование за религиозными деятелями, взяточничество, казнокрадство. Издавалась под редакторством Ш. Мухаммадова с сентября 1906 до июня 1907 года. «Карчыга» не пыталась скрыть негативное отношение к власти. Вот один из многих подобных цитат «Карчыга»: «Передают из Варшавы: “Одна половина населения города сбежала, другая половина повешена и расстреляна, поэтому теперь, слава богу, очень спокойно. На улицах людей нет, бродят только собаки» (1906, №1).

С 1908 года специализированная юмористическая пресса появилась и в Казани. Журнал закрылся в 1909 году из-за финансовых трудностей и политических преследований, выпустив всего 10 номеров. Вместо него в 1910 году начал издаваться «Ялт-йолт» («Блеск молнии»), который «блестел» дольше (1910-1918 гг.).

На страницах юмористических журналов большое внимание и место уделялось карикатурам, рисункам. Например, известно, что «Ялт-йолт» сотрудничал сразу с 8 художниками: Г. Камал, С. Яхшыбаев и мастера, представившиеся инициалами «И.А», «Б.Э», «W» и еще одна подпись в виде жука. А автором всех рисунков в «Яшен» был сам Г. Камал. Например, в первом же номере журнала «Яшен» читателей встретила карикатура политика Габдрашита Ибрагимова в образе плотоядной птицы с человеческой головой. Образ появился у автора в связи с поездкой политика в Японию с целью заинтересовать японцев в исламе. Автор подписывает картинку как «Охотник за капиталом птица

Гибрагим». В «Театр консерваторов» автором высмеиваются религиозные деятели, которые пропагандируя целомудрие, сами себе позволяют запрещенное. Герои находятся в питейном заведении и рассматривают танцовщицу[3].

К этому времени возрос интерес к дизайну и учредители искали новые способы привлечь подписчиков. Так журнал «Кармак» («Удочка») начал публиковаться красочно, в трех цветах. Свои произведения: фельетоны, статьи, стихотворения публиковали З. Башири, М. Гафури, Ш. Камал, А. Максуди, С. Сунчелей и др. «Кармак» во главе с издателем и редактором Махмутом Марджани на протяжении двух лет (1914-1917 гг) пропагандировали новые идеи, высмеивали религиозный фанатизм, критиковали отдельных авторов.

Вся сатирическая пресса начала XX века выпускалась недолгое время, причина этому разоблачительная подача материала. Г. Тукай в первом номере «Ялт-йолт» так и писал, что редакция будет выводить «на чистую воду подхалимов», «подлецов-паразитов, «ленивых мулл», «баев-кровососов». А Членов ЦК «Союза мусульман», избранных на третьем съезде партии, «Чүкеч» назвал «самозванцами», «дармоедами» и «шарлатанами». Прототипы персонажей с журналов любыми способами препятствовали дальнейшим выпускам сатирической прессы, обращались с заявлениями в вышестоящие инстанции, добиваясь закрытия. Так жизнь «Туп» оборвалась после 3 номера, «Яз» после двух, а «Уклар» закрылся после 6 номеров. Для более долгого существования им необходимо было принять более «мягкую» позицию.

Одной из влиятельных групп по тематической направленности – специализированная детская пресса. Первыми татароязычными детскими специализированными изданиями можно считать 2 газеты и 3 журнала.

«Тәрбиятел- Этфаль» («Воспитание детей») – литературный, научный детский журнал. Издатель и редактор Загид Шамил. Велись рубрики «Тәржемәи хәлләр», «Бабайлар сүзе», «Хайванат», «Хикәят», Бу көннәрдә». Издавался в 1906 г. в г. Москве. Журнал проживет недолгую жизнь- выйдет всего 5 номеров, после чего Г. Тукай посвятил стихотворение ««Тәрбиятел- Этфаль»гә», где есть слова (дословный перевод) «Я тебя потерял и теперь у меня горе размером в гору. Ты где? Дай знать: я волнуюсь».

На страницах детских журналов особое внимание уделялось развитию кругозора, обучению таким дисциплинам, как биология, астрономия, физика, археология, история др. Печатались статьи по биологии и изучению окружающего мира. Например, посвященные экзотическим животным, миграции птиц, изменениям окружающего мира, полезным ископаемым. Также можно отметить внимание экологии: речь шла об охране природы, заботе о растениях и животных. Произведение «Маленький тюремщик» Ш. Ахмадеева в «Ак юл» 1914 году (№ 12) яркий тому пример: в нем автор объясняет детям, что птиц и животных нельзя заключать в клетку.

На страницах шло знакомство с выдающимися личностями татарского народа, страны, Европы, к примеру в рубрике «Тәржемәи хәлләр» в журнале «Тәрбиятел-Этфаль» писали о И. Гаспринском, Г. Исхаки и др., а также наравне с ними о турецких султанах, об Иранских шахах. Именно здесь «Гадкий утенок» и «Улитка и розовый куст» Датского сказочника Г. Андерсена впервые увидели свет на татарском языке (перевод самого Ф. Амирхана). В «Ак юл» и «Балалар дөньясы» речь заходила не только о Г. Тукае, Г. Исхаки, но и о таких ученых как Д. Менделеев, Т. Эдиссон, Л. Пастер. Внимание уделяется и художественному воспитанию. Например, в «Тәрбиятел этфаль» в каждом номере печатается одно стихотворение, а в «Ак юл» и «Балалар дөньясы» - по два либо больше.

В детских изданиях того времени детям предлагалось решить кроссворды и чайнворды. Например, в «Ак юл» велись рубрики: «Башваткычлар бүлмәсе» («комната головоломок»), «Уен бүлмәсе» («игровая комната»).

Стоит упомянуть, что детские журналы, например «Ак юл» позволял себе выпускать подарочные книги. Допустим, к номеру 17, 1914 года юные читатели получили книгу-приложение Ф. Амирхана («Хикәяләр: 1. Нәжиб. 2. Балалар атавына сәфәр». Казань: Типо-литография «Умид», 1914), состоящую из двух рассказов автора.

Также стоит упомянуть приложения для детей «Мәктәбе сабиян» и «Галәме сабиян» к газете «Тәржемән» («Переводчик»), которые издавались в 1909-1910 гг. в Бахчисарае И. Гаспринским. Из-за самостоятельного внешнего вида и содержания их по праву можно назвать газетами. У «Мәктәбе сабиян» и «Галәме сабиян» первая полоса была иллюстрирована, а дальше шли главная публикация номера, письма читателей, реклама, рассказы, новости, анекдоты. Так, к примеру в «Галәме Сабиян» в №45 1910 года на первой странице размещен комикс из 9 иллюстраций. В картинках друг за другом находится маленький смешной рассказ про котенка. На первой из них котенок замечает клубок, на второй приближается к ней, дальше начинает играть и рисунок за рисунком полностью заматывается в клубок. В номере 50 того же года выпуска расположены несколько иллюстраций с физическими упражнениями: наклоны направо-налево, взмах руками, наклон вниз и т.д. Вторая страница полностью посвящена рекламе, к примеру таких учреждений как книжный магазин «медресе усубекк усубеккова», книжная торговля Али Тарпи в Бахчисарае и банкирская контора в Варшаве.

К концу XIX века в культурной жизни татар намечается постепенный перелом, характеризующийся стремлением к сближению с европейской культурой и переустройству жизни в соответствии с новыми потребностями. Возросла необходимость реформы системы преподавания в татарских медресе на основе изучения и анализа передового опыта российских, европейских, американских, турецких педагогов. В целом в дореволюционный период татарская национальная система образования переживала период своего расцвета и бурного роста. Возник спрос на специализированную прессу образовательной тематики. Истоком таковой можно считать 1908 год – выпуск первого педагогического издания на татарском языке. Журнал «Тәрбия» начиная с февраля 1908 года выпускает всего 4 номера, но в них внимание уделено таким темам как образование, педагогика, медицина, биология и др.

Следующий журнал «Мөгаллим» («Учитель») издается в Оренбурге в 1913-1914 гг. Печатались образовательные методики, освещалась жизнь татарских школ, вопросы национального языка и литературы. Выходит всего 9 номеров. Журнал «Мәктәп» («Школа») проживает более долгую жизнь – в печать выходит 25 номеров. Редакция смогла привлечь в качестве авторов просвещенных людей того времени – это были педагоги, учителя, религиозные деятели, а также ученые университетов (Г.Исхаки, М.Корбангалиев, Х.Атласи, М.Акчурина, Муса Бигиев, Ахметхади Максуди и др). Освещались такие темы как особенности обучения в русско-татарской школе, обзоры зарубежных школ, образование женщин, история различных школ и медресе.

После был выпуск двух журналов под названием «Мәгариф» («Образование») – один в Астрахани, другой, позже – в Казани.

Астраханский «Мәгариф» издавался муллой Г. Галиевым в 1909-1910 гг. и касался таких тем как обучение, педагогика и религиозное воспитание.

В 1918 году известный татарский писатель и государственный деятель Г. Ибрагимов при Комиссии по делам просвещения учреждает журнал «Магариф», который ориентирован на узкий круг читателей –преподавателей и работников системы образования. «Магариф», функционируя в качестве одного из первых изданий Советской власти, освещал широкий спектр проблем педагогики того времени. В 20-ые годы, являясь единственным татароязычным журналом, писал о состоянии татарской культуры, образования, библиотек, школ, театров. Также стоит отметить влияние журнала на местную систему в целом. Журнал содействовал и пропагандировал переход образования на идеологизированную советскую систему. Журнал выходит по сей день.

Особое место среди других типов специализированной прессы занимала экономическая пресса. В Российской империи того периода быстрыми темпами шло развитие капитализма. Это было весомым толчком для создания специализированной экономической прессы.

Первым в мире мусульманским журналом по экономике стал «Икътисад» («Экономика»). После эстафету приняли журнал «Россия сәүдәсе» («Торговля России») и «Рус вә мөселман мөхбире» («Русско-мусульманский вестник»). Структура этих изданий отображалась в названиях разделов – торговля, экономика, производство, промышленность, сельское хозяйство.

Большее половины публикаций в журнале «Икътисад» были посвящены теме экономики [7, с. 34]. В том же журнале «Икътисад» (1908-1913 гг, Самара) вопросы экономики рассматривались всесторонне, т. к. его основатель и редактор Ф. Муртазин сам с экономикой был знаком не понаслышке: являлся членом правления Самарского кредитного банка. Не единожды высказывалась мысль, что бедную нацию ждет исчезновение. Публикации часто были посвящены вопросам религии и экономики, описанию уровня жизни мусульман на территории России и в других странах, проблемам отношения религии к разным экономическим сферам (страхование, ссуда, долговые расписки, вопросам формирования исламского банка и т.д.)

Каждый номер состоял из 70-150 страниц. Можно было узнать как начать предпринимательскую деятельность, какие ярмарки посетить, также печатались новости о новинках техники вместе с картинками, например напечатали фотографии нового доильного аппарата, для того времени это было довольно прогрессивно. Тираж журнала указан 11 тысяч экземпляров.

Редакция старалась максимально охватить все события, имеющие отношения к экономике. Например, в 1910 году приезжает турецкий государственный деятель Хильми-паша, который находится с деловым визитом в России. Редакция «Икътисад», дождавшись его прибытия в Самару, берет у него интервью, задавая вопросы экономического характера. Редактору гость рассказывает о том, что по приезду домой он планирует отправить в Россию своих торговцев, так как видит перспективу дружбы с мусульманами России.

Журнал «Россия сәүдәсе» (1912-1917 гг., Казань) была не менее профессиональной в сфере освещения финансовых вопросов. Стоит прочитать названия некоторых статей, как все становится ясно: «Деловая Европа и Америка», «Торговец и покупатель», «Таможенные власти» (№ 1, 1914 год), «Краткая информация о двойной бухгалтерии» (№3, 1914 год), «Торговля глазами американских миллионеров», «Торговля и ремесленничество казанцев», «Фабричная выделка меха» (№3, 1915 год), «От убытков до прибыли» (№4, 1915 год), «Конкуренция и казанские торговцы-мусульмане» (№3, 1915 год), «Почему мы отстаем?», «Рынок мануфактуры» (№3, 1916 год) и др. На страницах журнала можно было встретить большое количество библиографических публикаций об учредителях различных компаний. В публикации «Торговля у российских татар» даже было заявление о том, что у татар талант в торговле в крови. Постоянный автор публикаций Гафуров на страницах журнала рассказывает о торговой деятельности пророка Мухаммада, как бы доказывая, что мусульманам стоило бы больше уделять внимания на финансовую часть, ради блага нации. В каждом номере издания писалось о ценах на разные продукты: хлеб, муку, рыбу, нефть, масло, лен, чай и сахар в разных городах, например, в Казани, Самаре, Оренбурге, Бухаре и т.д.[8].

Также известно о газете «Игъланәт» («Объявления»), которая определяла себя как рекламная газета государственных и частных торгово-промышленных предприятий. И выпускалась под редакторством Ш. Шагидуллина в г. Казани на двух языках: на татарском и русском с января 1909 до 1910 года.

Существенный след в истории татароязычной прессы оставили первые женские издания. Одной из самых животрепещущих вопросов татарского общества начала XX века было место женщин в обществе. На Западе женщины уже требовали избирательных прав, а татарки избавлялись от чапанов, открывали женские школы. Поэтому вопрос выпуска женского издания стоял задолго до его появления и попытки создать специализированный женский журнал были предприняты еще в 1887 г. И. Гаспринским. Два раза попыткам удачу и получив отказ, он приостановил попытки. Но в 1905 году цензура в стране упразднилась и он в июле

же этого года вновь написал прошение об организации журнала, в этот раз «Галәми нисван». Программа была довольно богатой: правительственные постановления и законы, касающиеся прав, обязанностей, работы и образования женщины, практические сведения по хозяйству, бытовой и детской гигиене и обучению, домашняя деятельность: вышивание, ткачество, изготовление ковров и шелководство с объяснением - рисунками и чертежами, рассказы, сведения о путешествиях, стихотворения, письма и вопросы читательниц, новости науки, объявления. Гаспринский получил разрешение. Стоит упомянуть, что «Галәми нисван» стал первым в мире тюрко-мусульманским журналом. За пять лет своего существования (1906-1911 гг.) «Галәми нисван» то выходил как приложение к «Тарджеману», то как самостоятельное издание. «Галәми нисван» также призывал читательниц получать образование: были объявления о наборе на женские курсы, в медицинский, другие институты. В. Ю. Ганкевич утверждает, что журнал «Галәме нисван» и его материалы были популярны не только в России, но и за рубежом. Автор приводит пример того что «авторитетный французский журнал «Revue du monde musulman» часто пользовался известиями, почерпнутыми из «Галәме нисван». Выпустив 51 номер журнала, редакция решила закрыть журнал, «чтобы дать отдых «Тарджеману».

Второй женский журнал на татарском языке - «Сөембикә» («Сююмбикэ»). Журнал «Сөембикә» выходил в Казани с периодичностью два раза в месяц (всего вышло 115 номеров). Первый номер журнала вышел 27 октября 1913 г., а последний 18 января 1918 г. На страницах затрагивались бытовые проблемы татарской женщины, поднималась тема духовного развития, печатались стихи и рассказы на многочисленные вопросы. О высокой значимости женщин и их свободе писали многие просветители. Например, в 1914 году в первом номере журнала в публикации «Идеи Мусы Бигиева о женской свободе», автор утверждал, что общество, где нет уважения ко второй половине человечества, никогда не сможет стать достаточно развитым. За свою пятилетнюю историю в журнале было опубликовано 1 427 статей. С 1926 года, после перерыва журнал возобновил работу вновь, но уже с новым названием и «воспитывал» коммунистических товарищей. В 2014 году журнал отметил свой 100-летний юбилей.

А вот журнал «Азат ханым» порадовал всего 3 номерами. На страницах издания можно было прочесть призывы активнее участвовать в политической жизни во имя своего народа. К примеру в первом номере в статье «Ханымларга хитап» редактор журнала Муслимов Г. писал: «Сестры-мусульманки и товарищи! Как вам всем известно, в скором времени из числа всего русского народа вне зависимости от религиозных, национальных и классовых различий, будут избраны представители в Учредительное собрание. Там будут озвучены пожелания всех классов. Все будут заявлять о своих нуждах. Иными словами, будет происходить раздел благ. Люди, которые смогут рассказать о своих потребностях, смогут этим воспользоваться и облегчить свою жизнь [11]. В последнем номере журнала в статье под названием «Идарәдән игълан вә игътизар» сообщалось, что по причине неустойчивой ситуации в г. Астрахани редакция задерживает свежие номера (Азат ханым. 1918. № 3. 16 б).

В 1918 году в Казани выходило в свет еще одно специализированное издание для женщин. «Шәрык кызы» («Восточная девушка»), который позиционировал себя как «литературный, научный, общественный, экономический и политический женский журнал, издаваемый раз в месяц Центральным бюро Российских мусульман».

В татароязычных женских журналах начала XX века («Сөембикә», «Галәми нисван», «Азат ханым») в пример приводятся такие европейские и русские женщины, которые не боятся ни голода, ни холода, ни тюрьмы, идут к своей цели, призывая к революции.

В начале XX века с возрастающей образованностью местного народа появился спрос и на информацию юридического плана, чем и воспользовался Казанский адвокат Шаехгаттар Иманаев, начав выпускать журнал «Хокук ва хаят» («Право и жизнь»). Издавался в 1913-1914 гг. в г. Казани. Тематика охватывала все сферы жизни административных и судебных органов дореволюционной России. Уже появление подобного журнала в те годы было знаменательным.

Журнал был сугубо специализированного характера, адресовался образованным татарам, интересующимся как юриспруденцией, так и житейскими юридическими вопросами. В документе, выданном учредителю Иманаеву, приведена программа с такими разделами: передовые статьи по юридическим вопросам, судебная хроника, справочник по судебным делам, судебные письма, судебная медицина, критический разбор юридических статей, отчеты о деятельности юридических сообществ, административная юстиция, отдел практических советов по действующим законам, отдел статей - извлечений из 16 томов Свода законов, касающихся татарского населения России и т.д.

В разделе «Хокук» в разных выпусках разъясняются юридические термины и различия между ними и при каких случаях куда необходимо обратиться. В номере от 30 апреля 1913 года в этом разделе автор говорит о новом законе, который вышел 3-го июня 1912 г. о наследстве. В начале статьи автор пишет, что в древней Руси женщина почти ничего не получала из наследства, а по новому закону она получает ту же долю, что и мужчина. В конце статьи автор ссылается на статьи 1130, 1135 и 1148. А в номере от 31 мая того же года автор объясняет термины присяжный поверенный и присяжный заседатель, и утверждает, что эти понятия необходимо четко различать.

К слову, журнал «Хокук ва хаят» был возобновлен правительством республики Татарстана в 1998 году и выпускается до сих пор, правда уже на смешанном русско-татарском. Стоит отметить, что публикаций на русском превышает число татароязычных.

Татарская специализированная пресса, сделав первые шаги, только вставала на ноги, как во время Октябрьского переворота 1917 г. и позднее большевики установили меры по подавлению оппозиционных СМИ, закрытию ее типографий и изъятию резервов бумаги. Таким образом, с октября 1917 г. вплоть до сентября 1918 г. в России была ликвидирована национальная периодика.

Подводя итог нашему обзору, следует отметить, что специализированная пресса начала XX века имеет большой вес в системе татарской периодической печати как по количеству, так и по проблемно-тематическому разнообразию. Самой значительной по количеству группой специализированных изданий была религиозная пресса. Она же отличалась и большей продолжительностью, издавалась по 11-12 лет, вплоть до 1918 года. Специализированная пресса издавалась преимущественно в журнальном формате (из рассмотренных нами специализированных изданий всего 12 газет против 31 журнала). Это соответствует и современным тенденциям развития специализированных медиа.

Таким образом, можно утверждать, что рассмотренные нами издания стали тем фундаментом, благодаря которому в течение всего XX века активно функционировала разветвленная система специализированных СМИ на татарском языке и развивается современное национальное медиапространство.

Список литературы

1. *Брилева Д.О.* женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С.17-36.
2. *Вагапов Н.А.* Проблемы образования и воспитания в татарской периодической печати (1907-1916 гг.): дис. канд. ист. н. Казань, 2006. 201 с.
3. *Вагапова Ф.Г.* Синтез традиций в оформлении дореволюционных татарских сатирических журналов // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. 4 (26). С. 277-280.
4. *Гарифуллин В.З.* Роль мусульманских СМИ в обеспечении (см. ГУГЛ) этноконфессиональной толерантности в Татарстане // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21. С. 13.
5. *Гимадиев У.И.* Сила сатирического слова. Роль и значение татарских сатирических журналов дооктябрьского периода в развитии национальной литературы. Казань, 1987. С.52-65.
6. *Дерягина С.И.* Типологическая характеристика периодических изданий и их воздействие на читателя // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 1. Б. 82-84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17443479>
7. *Зарипов И.* Обзор публикаций по исламской экономике татарских богословов конца XIX - начале XX вв // Минбар. 2011. № 1(7). С.33-44.
8. *Калганова Г.Ф.* Роль журнала «Русия сәүдәсе» в развитии торговли у татар в начале XX века // Вестник КазГУКИ. № 4. 2011. С.96-99.
9. *Насыров Т.М.* Репрессии против меньшевистской татарской прессы в 1917–1919 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 170-179.
10. *Нуруллина Р.М.* Голос времени: газеты и журналы на татарском языке 1905-1990 гг. Казань: Юлвар, 1992. 60 с.
11. *Мөслимов Г.* Ханымлара хитап // Азат ханым. 1917. № 1. Б. 3.
12. *Тулупов В.В.* Теоретический и практический аспекты типологии печатных периодических изданий // Научно-культурологический журнал «RELGA». №8 [153] 05.06.2007. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D1970%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>
13. *Усманова Д.М., Гильмутдинов Н.В.* Из опыта издания специализированного юридического журнала в Казани: "Хокук ва хаят" // Научный Татарстан. 2009. № 1. С.100-105.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук, ¹Р.Н. Зигитбаев,
¹А.Д. Абдуллина, ¹К.А. Хисамутдинов, ¹Д.К. Казалова, ¹Д.А. Рахматуллина,
¹С.А. Батанин, ¹А.Ф. Мухлисов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет

ВЛИЯНИЕ УФИМСКОГО ЭВАКУАЦИОННОГО ПЕРИОДА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ПИСАТЕЛЯ, ПАТОЛОГОАНАТОМА Л.Б. ЦЫПКИНА

Автор известной книги «Лето в Бадане» врач, патологоанатом, писатель Леонид Борисович Цыпкин в годы Великой Отечественной войны учился в Башкирском государственном медицинском институте имени 15-летия ВЛКСМ, в котором активно действовал литературный кружок. В период эвакуации в Уфе находились литературные деятели Украинской ССР (писатели, поэты, драматурги), которые оказали значительное влияние на формирование литературных взглядов кружковцев медицинского института.

Ключевые слова: *писатель, литературный кружок, эвакуация, Украинская ССР, Башкирский государственный медицинский институт.*

Леонид Цыпкин родился в Минске в 1926 году в еврейской семье. Родители его были врачами. Мать, Вера Пуляк, занималась туберкулезом легких. Отец, Борис Цыпкин, был хирургом-ортопедом. Минск пал через неделю после вторжения в 1941 году. Мать Бориса Цыпкина, сестра и два малолетних племянника погибли в гетто. Ему с женой и пятнадцатилетним Леонидом помог бежать председатель соседнего колхоза. В прошлом благодарный пациент, он приказал снять с грузовика несколько бочек соленых огурцов, чтобы разместить в кузове уважаемого хирурга семьей [1, с.6]. Семья эвакуировалась в г. Уфа. Отец стал работать в Эвакогоспитале №3765 ортопедического профиля. В 1942 году Леонид Борисович поступает в Башкирский государственный медицинский институт имени 15-летия ВЛКСМ. В медицинском институте с активно функционирует литературный кружок, который был организован 20 мая 1933 года, который был открыт по рекомендации Союза советских писателей Башкирской АССР (председатель Афзал Тагиров). Изначально он бы создан для ликвидации безграмотности и повышения культурного уровня студентов, т.к. среди поступивших были учащиеся, имеющие образование в диапазоне 3—10 классов. Литературный кружок проводил коллективное чтение и разбор произведений выдающихся писателей, как русских, так и национальных (А.Тагиров, Д.Юлтыев, Г.Ибрагимов и т.д.), изучали творческие методы отдельных писателей. Великая Отечественная война внесла свою лепту в деятельность литературного кружка Башкирского государственного медицинского института.

В Уфу были эвакуированы более 20 НИИ Академии наук Украинской ССР. Директор Института языка и литературы выдающийся украинский поэт академик АН УССР П.Г. Тычина занимался историей башкирской литературы. С помощью башкирского писателя и ученого А. Харисова он за короткий срок изучил башкирский язык и произведения нашего классика М. Гафури читал в оригинале. Уже в январе 1942 г. на сессии Академии наук он выступил с докладом о народном поэте Башкирии и в том же году написал книгу "Патриотизм в творчестве Мажита Гафури", которая была опубликована на русском, украинском и башкирском языках. Поэт С. Кудаш заметил, что эта книга "стала для молодых

башкирских литературоведов и критиков никогда не стареющим прекрасным образцом в области литературоведческих исследований". Следует заметить, что завязавшаяся в военные годы дружба П. Тычины и С. Кудаша длилась потом долгие годы. В составе Института общественных наук в тот период работала большая группа украинских поэтов, писателей, драматургов, композиторов, архитекторов, художников. В Уфе плодотворно трудились видные украинские поэты и прозаики М. Рыльский, В. Сосюра, И. Кочерга, Н. Рыбак и другие. Они создали здесь новые значительные произведения, обогатившие культуру украинского народа и оказавшие благотворное влияние на творчество башкирских коллег. За время пребывания в Уфе украинские литераторы перевели на родной язык немало произведений башкирских писателей. Были опубликованы стихотворения и поэмы С. Кудаша, Б. Бикбая, Р. Нигмати, Г. Амири. В свою очередь, башкирские поэты и писатели переводили на родной язык произведения М. Рыльского, П. Тычины, И. Кочерги, А. Корнейчука [3]. Практически на всех встречах литераторов Украинской ССР и Башкирской АССР присутствовали члены литературного кружка, в числе которых был и Л.Б. Цыпкин — это было обусловлено центральным расположением в исторической части города Уфа Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ. Студенты проводили заседания литературного кружка с приглашением на него поэтов, писателей и драматургов. За правило было введено писать стихи прозу с элементами фантазии, вымысла, сна [4, 5]. Л.Б. Цыпкин всегда страстно любил литературу, всегда немного писал для себя — стихи и прозу. Еще студентом, в двадцать с небольшим он думал оставить медицину и заняться изучением литературы, чтобы посвятить себя писательскому ремеслу. Разрываемый вечными русскими вопросами — как жить без веры? Без Бога? — он боготворил Толстого, которого со временем вытеснил Достоевский. Другим его увлечением было кино. Здесь главным кумиром был Микельанджело Антониони, но так и не стал А. Тарковский. В начале 1960-х он стал собирался поступать на вечернее отделение ВГИКа, чтобы стать режиссером, но, как он признавался позже, надо было обеспечивать семью [1, с.7].

Тогда же, в начале 1960-х гг., Л.Б.Цыпкин начал писать всерьез. Его стихи написаны под сильным влиянием М.Цветаевой и Б. Пастернака, фотографии которых висели над его маленьким рабочим столом. В сентябре 1965 года он решился показать кое-что Андрею Синявскому, однако за несколько дней до назначенной встречи Синявского арестовали. Ровестники (Синявский был на год старше) так и не увиделись, а Цыпкин стал еще осторожней [1, с.7].

После защиты докторской диссертации в 1969 году в сорок с лишним лет он снова сел писать — но уже не стихи, а прозу. За оставшиеся тринадцать лет жизни Л.Б. Цыпкин создал не так уж много произведений, но размеры его литературного наследия не дают ни малейшего представления о размахе, глубине и сложности его прозы. Вслед за короткими этюдами появились более длинные, с более сложным сюжетом рассказы, потом — две автобиографические повести («Мост через Нерочь» и «Норартакир»), и, наконец, его последняя и самая большая работа «Лето в Бадане», своего рода роман-сон, в котором спящий — сам Цыпкин — силой воображения переплетает свою жизнь с жизнью Достоевского в потоке неостановимого, страстного повествования [1, с.8].

Литературный труд был всепоглощающим, отчуждающим. «С понедельника по пятницу, — сообщает Михаил Цыпкин (прим. авт. — сын Л.Б.Цыпкина), — ровно без четверти восемь отец отправлялся на дальнюю (почти во Внуково) работу в Институт полиомиелита. Он возвращался домой ровно в шесть и после ужина и короткого сна садился писать — если не прозу, то научные статьи. В 10 часов он ложился, а перед этим иногда выходил погулять. В выходные тоже обычно писал. Вообще отец искал любую возможность, чтобы писать, но это было болезненно трудно. Он мучился над каждым словом, бесконечно выправляя рукопись. Закончив редактирование, перепечатывал тексты на старенькой, сияющей чистотой немецкой трофейной «Эрике», которую ему в 1949 году подарил дядя. В таком виде и сохранились его рукописи. По редакциям он их не рассылал и не хотел давать в самиздат,

боялся «разговоров» с КГБ и остаться без работы». Как же надо верить в литературу, чтобы писать без надежды на публикацию? При жизни Л.Б. Цыпкина читали несколько человек — жена, сын, парочка университетских товарищей сына. С московскими литературными кругами он связан не был [1, с.7-8].

Выводы:

1) Сформировать литературные взгляды будущего писателя студента Л.Б. Цыпкина позволило регулярное посещение литературного кружка Башкирского государственного медицинского института, где выступали известные поэты, писатели и драматурги Украинской ССР и Башкирской АССР.

2) Оценка жизненной позиции и политических взглядов будущего писателя Л.Б. Цыпкина произошла именно в период уфимской эвакуации его семьи в г.Уфа, где он стал писать изначально стихи под влиянием украинского поэта академика АН УССР П.Г. Тычина.

3) Писатель Л.Б. Цыпкин создал самую лучшую книгу о Ф.М. Достоевском «Лето в Бадане» — это своего рода роман-сон, взяв за основу принцип, которому он обучился в литературном кружке при Башкирском государственном медицинском институте.

Список литературы

1. *Цыпкин Л.Б.* Лето в Бадане. Роман / Вступ. Статья Сюзан Зонтаг. Послесловие Андрея Устинова. - М.: Новое литературное обострение. 2003. - 224 с.
2. Литературный кружок при Башгосмединституте / А.А. Киньябулатова, А.У. Киньябулатов, А.С. Рахимкулов // Материалы Респ. конференции молодых учёных РБ «Медицинская наука - 2007», посвященной Году Единства Башкортостана с Россией, 75-летию БГМУ, Дню мед. работника — Уфа, БГМУ, 2007. - С.110-111.
3. Украина-Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993.
4. *Киньябулатов А.У.* Медицинские работники Республики Башкортостан (биографический энциклопедический справочник). Уфа, 2019. — С.4-20.
5. Первый медицинский в годы Великой Отечественной войны / под ред. П.В. Глыбочко. // — М.: Практическая медицина, 2015. — 176 с. // Балалыкин Д.А., Карпенко И.В., Киньябулатов А.У., Хазиманова А.А., Черниченко М.Ю., Чиж И.М.

10.01.10

Ш.С. Магомедова канд. филол. наук, М.И. Джабраилова

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
отделение журналистики,
кафедра печатных СМИ

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МЕСТНОЙ ПРЕССЫ

В работе проанализированы особенности проблематики выступлений дагестанских политических деятелей, а также реакция местной аудитории на освещение ситуации в республиканских СМИ.

Ключевые слова: политика, власть, СМИ, медиа, Дагестан.

Политическая журналистика и, соответственно, политические выступления в СМИ набирают в республике оборот. Нельзя сказать, что дагестанский читатель никогда не увлекался политическими новостями. Однако с приходом социальных сетей и переходом медиа в интернет-пространство, мы можем с уверенностью говорить о «вхождении» политики в медиасферу и ее формирование.

Политическая журналистика принадлежит к числу наиболее развитых и популярных направлений профессиональной деятельности. Исследователь С. Г. Корконосенко справедливо отмечает: «Как бы не менялись векторы общественной жизни, какие бы новые веяния не приходили в профессию, как бы не усиливался интерес аудитории к другим направлениям тематики, политика остается приоритетным объектом внимания со стороны редакций. Это естественно и понятно, ибо осуществление власти и управления составляет важнейшую часть социального бытия, равно как и гражданская активность населения». [1].

Дагестанское медиапространство достаточно разнообразно. Газеты, новостные порталы и даже телеканалы «вышли» в онлайн и могут предложить своей аудитории намного больше, чем просто чтение материалов – сопричастность к происходящим событиям. Теперь отношения «газета – читатель» выстраиваются не по вертикали, а по горизонтали. Мы становимся свидетелями гибридизации СМИ, когда даже традиционные и национальные газеты понимают важность освоения онлайн-пространства, постепенно переходя в «сеть».

За последний год такие издания, как даргинская газета «Замана» и лезгинская «Лезги газет», освоились в сети, и по посещаемости давно обогнали своих конкурентов (и даже некоторые общественно-политические СМИ).

За последние полтора года и на политической арене Дагестана произошло много изменений. Сменился руководитель региона – на смену эксцентричному Рамазану Абдулатипову пришел, как его называют журналисты и коллеги, «стальной кулак в лайковой перчатке» Владимир Васильев. Черeda громких арестов и назначений: смена премьер-министра республики Дагестан на экс-министра экономики Татарстана А. Здунова, новое руководство Администрации Главы и Правительства РД в лице В. Иванова, а также ряд других изменений, которые не прошли мимо республиканского медиа-пространства.

Если «эпоху» Р. Абдулатипова можно охарактеризовать как время громких и пафосных речей, его портрет в СМИ – это политический лидер, чье мнение является истиной в последней инстанции, то «эпоха» В. Васильева, безусловно, – работа в команде и ориентированность на совместную работу.

Об этом сам В.Васильев прямо заявляет во время своей речи на представлении Народному Собранию РД 5 октября 2017 года:

«У меня есть преимущество – я не принадлежу ни к одной из дагестанских национальностей. У меня отец – казах, а мать – русская. И думаю, мы, уважая друг друга, чтя традиции, будем выбирать не по национальной квоте, а по таланту, по способностям. При этом хочу сказать: за мной нет никакой группы поддержки, я могу лишь опираться на вас всех. На всех»[2].

Там же уходящий со своего поста Р.Абдулатипов делает акцент на себе. В его речи междометие «Я» перевешивает «МЫ»:

«Уважаемый Владимир Абдуалиевич, когда я приехал в 2013 году в свой родной Дагестан, при посадке самолета на нас упала его обивка. Сегодня вы прилетели в очень комфортный аэропорт. Когда я вышел на привокзальную площадь, там стояли бетонные плиты и закуток, а дальше – в лужах и в мусоре территория. Дальше я ехал по колдобинам, никакого света электрического. Как будто прилетел на отгонные пастбища. Сегодня вы приехали по устроенной дороге, вы увидели баини, которые символизируют многовековое единство Дагестана с Россией. Когда я заезжал на площадь – все было в бетонных плитах и заборах. Я убрал их. Я поменял третьего уже мэра города для того, чтобы навести элементарный порядок.[там же]

Со сменой руководства в республике меняется и градус политических выступлений. Так, все чаще СМИ дают цитаты В.Васильева о требовании работать честно и по закону. К примеру, на одном из последних оперативных совещаний 26 ноября 2018 года, он четко дает понять: *«Мы будем беспощадно наказывать за воровство! Особенно в здравоохранении»*. Или обрушивается с критикой в адрес главы Роспотребнадзора Элеоноры Омариевой:

«Значит, я вам предлагаю написать ... заявление об уходе. Устраивает? Вы взрослый человек. Вы что нам здесь рассказываете? У нас Совет безопасности. Поэтому эти выступления ни о чем, они мне не интересны»[3].

С чем связан интерес СМИ к таким «обвинительным речам» руководства республики в адрес чиновников? Это свидетельствует о желании повлиять на сознание аудитории, обращаясь к ее мифологическому мышлению – когда текст строится по принципу «чем страшнее ситуация, тем лучше». Мы находим в таких текстах и ориентированность на гедонистическое мышление аудитории, ведь, как известно, народ требует хлеба и зрелищ. [4] Ярким примером подобной направленности может служить первая полоса газеты «Свободная республика» – пестрая, напоминающая западные таблоиды, использующая «кричащие» подводки к текстам. К примеру, «Осенние посадки» – материал об акции «Зеленые километры», в которой принял участие В. Васильев, или же «И вновь продолжается бой» – об отмене фестиваля анимэ в Дагестане [5].

Начало нового, 2019 года в Дагестане было ознаменовано еще одним крупным событием – в Махачкале прошли выборы мэра. Депутатам городского собрания было предложено выбрать из 40 кандидатов всего одного. Впервые местные СМИ использовали в освещении события текстовую трансляцию. К примеру, муниципальная газета «Махачкалинские известия» приглашала своих читателей на онлайн-трансляцию выступления претендентов на пост мэра, а республиканский еженедельник «Молодежь Дагестана» ежедневно делал обзоры самых ярких выступлений с добавлением видео. Надо отметить, что это были первые открытые для прессы выборы в истории современного Дагестана.

Новый мэр Махачкалы Салман Дадаев на пресс-подходе после избрания сразу обозначил свои позиции: «Работы будет много, неизбежен ряд кадровых решений. Особое внимание будет уделено борьбе с наружной рекламой, которая бросается в глаза».

Пятого февраля С. Дадаев встречается с активом города, после чего, особенно яркие высказывания градоначальника моментально распространяются как в СМИ, так и в социальных сетях.

Например, газета «Новое дело» в материале «Упаси вас Всевышний бросить тень на мое имя» [6], приводит слова мэра о борьбе с коррупцией: «Я хочу, чтобы вы все и махачкалиницы меня слышали – никаких денег никто ни с кого собирать не будет. Упаси вас Всевышний бросить тень на мое имя – каждый из вас будет привлечен к ответственности».

Примечательно, что если раньше дагестанская власть «закрывалась» от СМИ, то сейчас активно комментирует происходящие в регионе события как через прессу, так и в социальных сетях. К примеру, заместитель председателя Правительства региона Гаджимагомед Гаджигусейнов часто комментирует в социальных сетях вопросы пользователей касавшиеся финансовой ситуации в регионе.

Пока одни СМИ пытаются всячески привлечь читательскую аудиторию громкими, «кликабельными» заголовками и повысить тем самым посещаемость своих интернет-ресурсов; другие же делают ставку на аналитику. Традиционно такие материалы часто выходят на полосах независимых газет «Черновик» и «Новое дело».

Нельзя не упомянуть и популярность интернет-пабликов, телеграм-каналов, набирающую оборот площадку «Яндекс-дзен». Теперь новостное пространство намного шире и ближе к аудитории.

Интересен феномен пабликов в социальных сетях, которые в республике воспринимаются как самостоятельные СМИ. Аудитория легко верит написанной и ничем не подтвержденной информации. После волны так называемых «фейков», следует волна опровержений от официальных пресс-служб различных министерств и ведомств.

Говоря о проблематике выступлений наших политических деятелей, мы можем сделать вывод, что сегодня дагестанский читатель готов не только читать, но и активно обсуждать политическую ситуацию в регионе. Понимая это, власть в республике пытается донести через информационные каналы свою точку зрения и умело расставляет акценты на том, что ей кажется важным и приоритетным.

Список литературы

1. Корконосенко С.Г. Политическая журналистика. – М., 2016. – 317 с.
2. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. – М., 2003. – 43 с.
3. газ. Махачкалинские известия. – №40 от 06.10.2017
4. РИА «Дербент» [Интернет-ресурс] <https://riaderbent.ru/vladimir-vasilev-ukazal-na-dver-rukovoditelyu-dagestanskogo-rospotrebnadzora.html> Дата запроса: 30.11.2018
5. газ. Свободная республика. – №48 от 30.11.2018
6. Новое дело [Интернет-ресурс] <https://ndelo.ru/makhachkala/upasi-vas-vsevyshnij-brosit-ten-na-moe-imya> Дата запроса: 12.03.2019

10.01.10

Ф.С. Маммаева, Г.А. Магомедов

Дагестанский государственный университет,
Махачкала, mammaevaf@rambler.ru, mgamid@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Немалую роль в формировании и «подогреве» враждебных отношений между конфликтующими группами играют средства массовой информации. Мы проанализировали речевые особенности описания межнациональных конфликтов в ряде российских СМИ и выдвинули гипотезу, что использование языка вражды может использоваться для усиления назревающих конфликтов в обществе.

Ключевые слова: *СМИ, язык толерантности, язык вражды, этническое общество, национальные меньшинства.*

Межнациональные конфликты являются тормозом в социальном развитии национальных меньшинств. Причиной этому, как правило, являются стереотипы, существующие в обществе. Поэтому перед СМИ, на наш взгляд, стоит задача как можно более объективно и толерантно подходить к освещению межэтнических (или каких-либо иных) споров.

Языковую интолерантность, т.е. язык вражды. И.М. Дзялошинский в своей работе «Язык вражды в российских СМИ» определяет термин hate speech как «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [3].

Автор также выделяет две формы проявления речевой агрессии: [Там же]

1. Прямой призыв адресанта к агрессивным действиям. Пример – агрессивные лозунги («Россия — для русских»);

2. Формирование или поддержание у адресанта агрессивного состояния. Например, подача информации в намеренно искаженном виде.

Рассмотрим классификацию «языка вражды», предложенную А. М. Верховским [2]:

1. **Жесткий «язык вражды»:** прямые призывы к насилию;

2. **Средний «язык вражды»:** оправдание исторических случаев насилия той или иной этнической группы;

3. **Мягкий «язык вражды»:** упоминание этнической группы в уничижительном или оскорбительном контексте; цитирование ксенофобских цитат.

Исследователь Коробкова, рассуждая о маркерах языковой интолерантности, пишет, что «из всех экспрессивных этнонимов к языку вражды относятся лексемы со значением чуждости и агрессии» [4]. Такую лексику обозначают термином этнофолизм.

Н.О. Автаева, заверяет, что использование языка вражды «приводит к выплескиванию языковой агрессии, как и со стороны автора, так и со стороны потребителя информации, который принимая или отвергая позицию автора, пропускает этот поток агрессии через собственное восприятие». [1].

Наталья Муравьева в статье «Язык толерантности и язык вражды» приходит к интересному выводу, что не существует толерантных, либо не толерантных слов и высказываний — «есть их использование, которое делает высказывание толерантным, или наоборот». И затем выводит два значимых с этой точки зрения уровня речевой структуры текста: обозначение предмета и приписывание предмету некоторых признаков (качеств или действий). [5].

Под обозначением предмета автор понимает возможность назвать один и тот же предмет по-разному, используя синонимы, приближенные по смыслу слова и т.д. И из всех возможных вариантов мы выбираем для текста тот, который больше всего нам подходит. Важно, чтобы эти наименования имели смысл, вписывались в концепцию текста, показывали те характеристики объекта, на которые читатель должен обратить внимание. Но, как уточняет Муравьева, важно понимать смысл наименований, как и внутри текста, так и вне его. В качестве текста она приводит вопрос, заданный Николаем Сванидзе: «Можно ли назвать террористов, захвативших театральный центр на Дубровке — чеченцами?» [Там же].

Наталья Муравьева выделяет две причины использования языка вражды [см.там же].

Первая причина — необходимость завоевать читательский интерес.. Одним из самых часто используемых языковых средств является сравнение двух объектов: между ними устанавливается сходство, либо разительный контраст. Но контраст больше усиливает конфликт и, следовательно, интерес аудитории.

Вторая причина — «интуитивный учет нашей эмоциональности». [Там же].

Мы решили исследовать использование языка вражды в печатных СМИ на примере трех публикаций, посвященных событиям на Манежной площади в 2010 году. Рассмотрим репортаж в журнале «Русский репортер» Андрея Молотова. колонку журналиста Дмитрия Соколова – Митрича в газете «Взгляд» и статью в газете «Завтра».

Репортаж с заголовком «Русские пришли» в журнале «Русский репортер» вышел четырнадцатого декабря 2010 года № 49 (177). Первое, на что обращаем внимание — это грозный заголовок: акценты уже расставлены. Сразу можно понять, что речь идет о национальном конфликте, в котором одна нация доминирует над другой. Конфликт, который привел к смерти, описан в репортаже одностороннее и совсем нелогично. По словам друга Егора Свиридова, никакой ссоры между молодыми ребятами не было — кавказцы просто подошли и стали избивать. Сам журналист воздерживается от комментариев, но у читателя уже вырисовывается образ «дикарей», которые ни с того ни с сего могут подойти и убить.

В тексте также автор два раза привел цитаты участников событий, которые кавказцев называют «черными».

Далее в тексте образ «плохих кавказцев» вырисовывается с новой силой. Один из собеседников, называет дагестанцев «преступной силой», которая тянется в Москву.

Колонка журналиста Дмитрия Соколова-Митрича в газете «Взгляд», датированная двенадцатого декабря 2010 года, вышла под заголовком «Манежное правосудие». В отличие от автора предыдущего материала, Соколов-Митрич не спешит открыто «обзывать» кавказцев, он в своем материале использует много иронии. Так «черные» кавказцы становятся у него «смуглыми соотечественниками», что звучит мягче, но не менее враждебно. Автор использует по отношению к «согражданам» такие эпитеты, как «добрые» и «замечательные»,

Автор колонки пытается оправдать такое явление как «русский фашизм» и ищет проблему в «выходцах из некоторых северокавказских республик». Два раза приводятся неполиткорректные лозунги и подчеркивается превосходство одной нации над другой. «... а это значит, что любой человек, читающий эти строки, может сегодня же в ответ на попытку объяснить своему смуглому соотечественнику, что он не прав, получить резиновую пулю в голову. Мы как-то к этому не привыкли, правда?». Тут происходит типичный для агрессивных текстов дежес на «своих» и «других».

«Время, вперед!» — под таким заголовком пятнадцатого декабря 2010 года №50 (810) вышла статья в газете «Завтра». В отличие от предыдущих материалов, заголовок здесь менее угрожающий, зато вначале статьи с помощью различных приемов автор умело создает атмосферу угрозы, нарастания «мятежных дней». Но, как и авторы предыдущих статей, журналист сразу указывает на численное превосходство одних над другими. Русские националисты на Манежной площади громко и пафосно названы здесь «Его Величество большинство». И сразу же делается акцент на то, что этому народу принадлежит подавляющее большинство населения России. «...народа, который вынес на своих плечах

колоссальный груз строительства российской державы, а теперь вынужден оправдываться за свою историю, бесконечно просить прощения у всех за то, что ещё не исчез с лица земли». Кавказцы, или как их обозначили в статье, «гости из юга», представлены как преступные группы людей, которым не дает покоя победа России над Кавказом и ими «бредят мечты о господстве». Видимо, автор имеет в виду события Кавказской войны (1817-1864 гг).

Использование «языка вражды» журналистами, несмотря на все этические и правовые ограничения, может нести за собой серьезные последствия. Проанализировав вышеописанные материалы, мы можем сделать вывод, что журналисты хоть пытаются сохранить объективность и правило «двух мнений», но до конца поддержать равновесие не получается. Как отметил Иосиф Дзялошинский в своей работе «Язык вражды в СМИ», «целенаправленное нарушение данного хрупкого равновесия, особенно имеющей массовый характер, говорит о назревшем общественном конфликте, о болезненном состоянии общества» [см 3]

Список литературы

1. *Автаева Н.О.* Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект. Вестник ННГУ, № 4-2, 2010
2. Язык вражды против общества: сб. статей/ сост.: . Верховский А. М. – М. Центр «Сова», 2007.
3. *Дзялошинский И.М.* Язык вражды в СМИ: социальные, культурные и профессиональные факторы. Учебно-методическое пособие для студентов факультета журналистики. М. 2006.
4. *Коробкова О.С.* Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект. Известия РГПУ им. А.И. Герцена, №111. 2009
5. *Муравьева Н.* Язык толерантности и язык интолератности. [Интернет-ресурс] Библиотека СМИ. <http://www.tolerance.ru/Yazyk-tol-intol.php?PrPage=SMI>. Дата запоса: 15.11.2018.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**Е.А. Барменкова, А.Т. Гайткулов, И.А. Кудашева, А.Ш. Тазетдинов, П.Ю. Тимофеев,
А.О. Федосова, Т.Р. Шагимов, Г.А. Ягафарова канд. педагог. наук**

Филиал ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»,
в г. Стерлитамаке

**РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ»**

В статье даются различные определения термина «профессиональная речь». Нередко исследователи применяют в своих работах термин «профессиональная речь», но неправильно его толкуют. Причиной этому является тот факт, что авторы толковых, энциклопедических и языковедческих словарей зачастую не приводят формулировку определения «профессиональная речь».

Содержание статьи направлено на выявление различных подходов к формулировке и определению термина «профессиональная речь». Представленные различные подходы исследователей могут быть использованы при подготовке специалистов и бакалавров, так как профессиональная речь является одной из приоритетных составляющих успеха специалиста в любой области.

Ключевые слова: *профессиональная речь, подход, общение, специалист.*

На сегодняшний день лингвисты проявляют заинтересованность в исследовании профессиональной речи, и с каждым годом этот интерес только лишь увеличивается. Это понятие можно найти в академических и исследовательских трудах и статьях в таких областях науки, как психология, психолингвистика, этнолингвистика и педагогика.

Исследователи часто применяют термин «профессиональная речь» в своих работах, но без обоснованного определения данного понятия. Это происходит из-за того, что авторы толковых, энциклопедических и языковедческих словарей чаще всего не приводят формулировку термина «профессиональная речь». В одной из энциклопедий «Русский язык» данное понятие обозначено как «специальная речь», которая входит в состав литературного языка, то есть принадлежит тем его сферам, в которых отображена тесная языковая деятельность людей различных специальностей и квалификаций [Караулов, 1997, с.226]. В справочнике «Культура русской речи» имеется упоминание о профессиональной речи в научной статье о профессионализмах. Её авторы привели следующие слова: «Профессиональная речь не считается самостоятельной языковой концепцией, которая складывается из подсистем разных степеней (лексическая, синтаксическая, синтагматическая, деривационная). Она формируется на базе элементов разных стилей: диалектов, разговорной речи и т.д. Кроме того, в ней объединяются элементы разных уровней художественного стиля, однако, весьма значительное воздействие проявляет просторечие. Профессиональная речь по тематике ограничена проблематикой соответствующей области практики. Главными условиями её формирования являются скорость передачи информации, экспрессивность и понятность в небольшом кругу специалистов» [Иванов, Сковородников, Ширяев, 2003, с.524]. Подобное положение дает нам возможность проанализировать имеющиеся формулировки термина «профессиональная речь», выделить его основополагающие особенности и аргументировать подбор понятия, отражающий более точно его смысл. В исследованиях лингвистов можно увидеть различные подходы к рассмотрению дефиниции «речь специалистов». Например, В.Г. Наер характеризует общение профессионалов как некую «смену языкового регистра». Но, язык в целом остаётся тем же национальным

литературным языком, однако в определенных условиях содержательно изменяясь, в зависимости от предмета общения и области знания, становится монотематичным, обогащаясь специальными терминами и выражениями.

В.П. Даниленко и Н.В. Новикова указывают, что у «профессионалов» конкретной области знания подобная «смена регистров» выполняется автоматически, но в общении профессионалов разных сфер деятельности механизм включения языка для специальных целей не срабатывает автоматически, в том случае, если области профессиональных интересов достаточно далеки друг от друга [Даниленко, Новикова, 1995, с.149]. Н.К. Гарбовский же, напротив, придерживается других правил: он полагает, что значимым составляющим профессионального речевого акта является адресат, партнер по коммуникации. Психологические и социальные особенности статуса отправителя речи и адресата позволили ученому выделить в качестве самостоятельных составляющих интерпрофессиональную и интрапрофессиональную коммуникации. «Интерпрофессиональная коммуникация представляет собой речевые акты, в которых профессиональные роли коммуникантов не совпадают» [Гарбовский, 1989, с.85]. К примеру, общение вида преподаватель – студент, врач - пациент, продавец - покупатель, учитель - родители.

«Интрапрофессиональная коммуникация осуществляется внутри определенной социально-профессиональной общности» [Гарбовский, 1989, с.91]. Однако следует учитывать, что коммуникация по типу «специалист - специалист» разнородна, она содержит и однодисциплинарные, и разнодисциплинарные стороны. В профессиональном общении специалист употребляет устоявшиеся слова и выражения специального языка. А.Т. Федоров проанализировал данную отличительную черту общения и создал специфические «Многослойные модели» профессионального стиля речи, в которых выделил следующие пласты языка специалистов:

- 1) научный язык;
- 2) профессиональный разговорный язык, заключающийся, в первую очередь, в конкретных профессиональных словах, выражениях и жаргонизмах, и которые предназначены, в большей степени, для ежедневной коммуникации людей, работающих в этой сфере;
- 3) распределяющий язык, в который вступает язык рекламы, язык торговли [Федоров, 1974, с.4].

В модификации коммуникации «специалист - неспециалист» язык общения представляется лингвистом как неоднородный комплекс, разделение которого на горизонтальные слои обуславливается параметрами речевой ситуации.

Н.К. Гарбовский определяет профессиональную речь как «языковую коммуникацию, осуществляемую в процессе профессиональной деятельности», и его можно понимать следующим образом: любое языковое общение в ходе профессиональной деятельности есть профессиональная речь [Гарбовский, 1989, с.88]. Данный аспект языка специалиста вытекает из классического понятия о профессиональной речи, которая выделяется определенной специальной лексикой. Большая часть лингвистов, занятых вопросами стилистики и социолингвистики, полагает, что отличительная черта коммуникации в профессиональной работе заключается в применении слов-терминов [Лотте, 1971, с.80]; [Петушков, 1972, с.25]; [Реформаторский, 1959, с.91]. Более распространенный, хотя и узкий подход к профессиональной речи как языковому общению, который характеризуется использованием профессиональной лексики, осуществляется в исследованиях, посвященных проблемам особой номинации, в частности, в терминоведении [Сейгер, 1984, с.76]; [Шеллов, 1984, с.77]; [Головин, 1987, с.45]; [Кобрин, 1987, с.63]. В отдельных случаях профессиональная речь выводится за границы художественного стиля. Характеристики этой речи ограничиваются сферой лексики и сводятся, в большей степени, к использованию профессионализмов. Л.С. Никольский отмечает: «Речь представителей профессионального объединения отличается от общенародной лишь наличием большего или меньшего количества производственных терминов и оборотов речи» [Никольский, 1976, с.81]. Н.К. Гарбовский анализирует

профессиональную речь не как комплекс профессиональных единиц языка, а как многожанровую вариацию речи [Гарбовский, 1989, с.60].

О.М. Орлов отмечает, что профессиональная речь рассматривается многими учеными как периферийная область научного стиля речи и ограничивается, в основном, пределами устной формы общения специалистов на научные и профессиональные темы в условиях неофициального общения, то есть трактуется как такая разновидность речи, в которой, наряду с признаками стиля научного изложения, выявляются и признаки разговорной речи. Профессиональная речь предстает в этом случае как стилистически сниженный вариант стиля научного изложения, как такая его сфера, где научные понятия подменяются своими стилистически сниженными дублетами-профессионализмами. Она противопоставляется стилю научной прозы как сфере функционирования научных определений и трактуется как один из «видов языкового функционирования сравнительно слабо выраженной вариативной окрашенности» [Орлов, 2001, с.163]. Вариативные характеристики профессиональной речи ограничиваются, как правило, областью лексики и сводятся, в большей степени, к использованию профессионализмов. Н.К. Гарбовский отмечает, что подобная трактовка профессиональной речи вновь выводит нас на ту ступень обобщения, где акцентируются маркированные единицы языка: термины и профессионализмы, то есть на уровень профессионально-коммуникативной системы. Ученые, вслед за О.М. Орловым, полагают, что в данном случае исследование профессиональной речи может сводиться только к анализу стилистически маркированных единиц языка.

Терминолог Е.И. Голованова предлагает такую структуру языка профессиональной коммуникации, «позволяющую рассматривать его не только как функциональную разновидность литературного языка, но и гораздо шире как функциональную разновидность национального языка». Основой языка профессионалов, отмечает ученый, составляет терминология, его основная область распространения – профессионализмы, затем располагаются профессиональные жаргонизмы и на периферии номенклатурные единицы [Голованова, 2004, с. 186-192].

Изучению профессиональной речи сегодня придается большое значение. Эта проблема находится в центре внимания лингвистов, педагогов, психологов и т.д. Объясняется это тем, что профессиональная речь является одной из приоритетных составляющих успеха специалиста в любой области, в том числе и инженерной сфере.

Нами были изучены различные подходы к определению профессиональной речи.

Профессиональная речь это, прежде всего, устная форма речи, хотя она функционирует и в письменной форме, и это не только деловая документация, но и различные виды письменного делового общения, причем профессиональная речь, реализующаяся в официальной и неофициальной обстановке, остается профессиональной, если главная задача общения - обеспечение профессиональной деятельности. Отличительными признаками профессиональной речи, является связь с использованием терминов, профессионализмов, профессионального сленга. Мы также считаем, что при определении понятия «профессиональная речь», прежде всего, должна учитываться основная сфера функционирования профессиональной речи - сфера официальных отношений.

Список литературы

1. *Гарбовский, Н.К.* Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект). Функционирование языка и речи. / Н.К. Гарбовский. – М.: Наука, 1989. – 156 с.
2. *Голованова, Е.И.* Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (Лингвокогнитивный анализ): дис. д-ра филологических наук. / Голованова Елена Иосифовна. – Челябинск, 2004. – 359 с.
3. *Голованова Е.И.* Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте: монография. / Голованова Елена Иосифовна. — Челябинск: Энциклопедия, 2013.
4. *Даниленко, В.П.* Профессиональная речь / В.П. Даниленко, Н.В. Новикова. – М.: Наука, 1995. – 354 с.
5. *Даниленко, В.П.* Дисциплинарно-методологический подход в лингвистике. /Даниленко Валерий Петрович. – СПб. : Алетейя, 2013.
6. *Наер, В.Г.* К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации / В.Г. Наер. - М., 1987. – Вып.2. – С. 48-62.
7. *Новикова, Н.В.* Культура научной и профессиональной речи // Культура русской речи: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев. – М., 2000. – С. 169-197.
8. *Орлов, О.М.* Устные профессионально значимые жанры речи экономиста// Теоретические основы экономической риторики / О.М. Орлов. – Саратов: СГСЭУ, 2001. – 220с.
9. *Федоров, А.Т.* Пути унификации русской и немецкой терминологии / А.Т. Федоров // Научно-техническая терминология. – М., 1974.–Вып. 9.–С. 3-7.
10. *Чучалина А.И.*Формирование профессиональной речи у студентов отделения "Физическая культура" педагогического колледжа: дис. канд. пед. наук. / Чучалина Александра Ивановна. – Омск, 2001. – 218 с.

10.02.01

**Г.М. Боваева канд. филол. наук, Т.В. Бураева канд. филол. наук,
Д.В. Дорджиева канд. филол. наук**

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
гуманитарный факультет,
кафедра германской филологии,
Элиста, galaelista@yandex.ru, tatyana_buraeva@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХОТ-ХОЛ» В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящена исследованию содержания этнокультурного концепта «Хот-хол»/«Пища» в калмыцкой лингвокультуре. Предметный кластер анализируемого концепта представлен лексемами: «хот», «хот-хол», «идэн», «тежэл». При исследовании образного и ценностного кластеров этнокультурного концепта «Хот-хол» нами были выявлена лингвокультурная специфика идиоматических выражений и глуттонических паремий.

Ключевые слова и фразы: *концепт, предметный кластер, образный сектор, ценностная составляющая, специфика, глуттоническая коммуникация.*

Актуальность обращения к теме репрезентации этого концепта в лингвокультуре калмыцкого народа обусловлена устойчивым интересом исследователей к детализации концептосферы как к результату когнитивного освоения калмыцким этносом окружающего его мира и наделения элементов этого мира языковыми знаками. Целью данной статьи является исследование концепта «Хот-хол»/«Пища» в калмыцкой лингвокультуре. Изучение предметного, образного и ценностного кластеров анализируемого концепта, а также выявление их лингвокультурной специфики являются задачами данной статьи.

Концепт является одним из базовых терминов лингвокультурологии и отражает результаты деятельности человека, его опыт познания окружающей действительности. По мнению В.И.Карасика, «концепты – многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образная, понятийная и ценностная стороны».[2, с.154]

«Пища» является базовым этнокультурным концептом, так как является наиболее значимой для этнически маркированной глуттонической коммуникации. Именно культура определяет формы питания, пищевой этикет и стереотипы пищевого поведения, согласно мнению Н.П.Головницкой. Концепт «Пища» как важнейшая смысловая область обыденного сознания находит свое многомерное воплощение в языковой картине мира.

Рассмотрим лингвосемантические особенности вербализации данного концепта в калмыцкой лингвокультуре. Для народа Калмыкии пища (еда) представляет собой жизненно важную константу. Как отмечает А.В. Олянич, «Система потребностно релевантных концептов, сложившаяся за его многовековую историю, ярко характеризует взаимосвязь языковой семиотики, семантики и культурных установлений этноса в целом» [4,с. 31].

В предметном секторе когнитивного пространства калмыцкого культурного концепта «Пища» («Еда») сконцентрированы смысловые кластеры, рефлексированные рядом дефиниций и зафиксированные в толковых словарях Г.Ц. Пюрбеева, Б.Д. Муниева, Б.Х. Тодаевой и БАМРС.

По данным этих словарей пища – это:

идэн идх, уух юмн, хот-хол, күмсн

– еда, кушанье, пища,

- продовольствие, продукты; цаһан идэн молочная пища, молочные продукты

- идш-ууш, идх, уух юмн, эдлх хот-хоолын зүүл

продукты питания, продовольствие.

- калорийная пища; амтн-шимтн уга хот безвкусная пища;

- хот-хол идх-уухин тоот, күмсн; эдл-ууш продукты питания, провизия [5, с.106]

идэн – 1.пища, еда, кушанье, продовольствие; цаһан идэн – молочная пища (продукты); идэ амсад һарх – отведасть молочную пищу -тежэлһн 1)кормление скота 2) содержание (кого-либо на иждивении);тежэлтэ күн- 1)состоятельный человек 2) имеющий корм [3,с. 263]

идээн I пища, еда, кушанье, продукты, продовольствие

идээни деежи болсан улаан цээ - крепкий чай –цаһан идээн – молочная пища; идехе 1) есть, кушать, съедать идехе, уухе хото пища, чтобы есть, пить 2) тежээл-пища, питание; [6, с.171]

хото – пища, еда; идээн-еда,кушанье,пища, снедь; идээ зооглх-кушать; идээ-хоол-пища. [7,с. 264]

Из дефиниций следует, что глуттоническая составляющая концепта сконцентрирована в вербализации основных значений лексем, являющихся именами концептов и репрезентирована в калмыцкой языковой системе как единичное когнио-ментальное образование; метафорическая зона, выходящая за рамки глуттонии, представлена не так широко как в русской лингвокультуре. Номинация пища вербализована в калмыцком языке следующим синонимическим рядом: хот, хот-хол, идэн, тежэл.

Калмыцкая лингвокультура адекватно и бережно рефлектирует ценностное отношение народа к пище как к средству и способу здорового бытия. В жизни и быту калмыцкого кочевника с давних времен сложилась стройная, но, в силу простоты и неприхотливости калмыцкого быта – несложная и неразветвленная глуттоническая (гастрономическая) система, тем не менее, позволявшая народу выживать в трудных условиях степного существования. Это отношение семиотизировано в парадигме глуттонических знаков:

– отдельных лексем (арк «молочная водка», архд «1. большой бурдюк; 2 большой деревянный сосуд (для кумыса, айрана)», бортх «кожаный сосуд для хранения жидкости», борв «кожаная фляжка, т.е. небольшой сосуд для молочной водки», боз «густая творожная масса, остающаяся после перегонки молочной водки», чиидмг «напиток из бозо или кумыса, разбавленный холодным молоком или водой», чигэн «кисломолочный напиток», цөгц «чарка», борцлсн махн «вяленое мясо», хээсн «котел», шанһ «половник», утхур «кожаное ведро», шүүрмг «сушеный творог», шар тосн «топленое масло», булмг«блюдо, приготовленное из муки, смешанной с маслом», джомба «чай», шөлн «бульон», күр «мясо в собственном соку, готовится на жару без пламени», дотр «блюдо из внутренностей овцы», боорцг «мучное изделие,которое жарится в кипящем масле»;

Образный компонент этнокультурного концепта «Пища» в калмыцкой лингвокультуре представлен парадигмой фразеологических единиц,семантическим центром (внутренней формой) которых являются глуттонимы: масло «тосн», жир «өөкн», мясо «махн».Семантика этих этноспецифических глуттонимов рефлектирует в ниже приведенных фразеологизмах благополучие, богатство, пресыщение,достаток, использование обстоятельств в корыстных целях, кровное родство и способствует образной актуализации концепта пища:

Тосар илэд, торһар ораһад; тослх кергтэ «задобрить кого-либо»; *һал деер тос кех* «подливать масло в огонь»; *Цаһан махнь өөклжсэх күн* «человек, который бесится с жиру»; *өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет* «словно почки в сале, словно желток в яйце»;*Тасрсн махн, асхрсн цусн* «о дальних родственниках»; *Гер-мал болх* «жениться, создать семью»; *Махан идх* «истязать себя, мучиться»; *Махсг, махсч* «любитель мяса». Образность коммуникативной ситуации малодушия, робости реализуется при помощи глуттонической идиомы *келсн үгэн идх* «отказываться от своих слов, забрать свои слова назад». Сугубо глуттоническая ситуация одобрения вкусно приготовленной пищи семантически актуализована во фразеологизме *Кел-ам долам* «о чем-либо вкусном – пальчики оближешь». Пресыщение, переедание – в центре фразеологизмов предельного значения *белн хотын эзн* -нахлебник; *хотрхг күн* «обжора».

Семантика следующих этноспецифических фразеологизмов выражает

- обеспечение или удовлетворение потребностей (*һолан девтэх* «насытить себя калорийной пищей»; *хорха көндрх (күрх)* «почувствовать аппетит»; *гесндэн зэнг орул*; *араһан харһулх* «слегка закусить», *бахнь хантлан, цадтлан хот идх* «есть пищу до

пресыщения»; *һанһһ улалһж ирх* «возвращаться с добычей»; *ундан хэрүлх* «утолить жажду»; *гесән тежәх*

«прокормить себя»; *өлян авх, дарх* «утолить голод»; *нег киһһәр уух* «выпить одним залпом»;

– рефлексии человеческих качеств:

а) положительных, - например, ум, прозорливость, догадливость – *уснд хэләсн мет* «как в воду глядел»; красноречивость - *хар усн деер өрм тогтам келтә* «и с воды может снять сливки»; добропорядочность-*үсн цаһан седклтә күн* «человек с чистой, как молоко, душой».

б) отрицательных, – медлительность, неповоротливость – *Аман аңһаһад суух* «быть разиней»; болтливость – *Кель-аман бүлүдх* «точить ляды»; *амарн саатулх* «убаюкивать пустыми обещаниями»; лицемерие – *Элкн деер өөкиарх* «на печени жарить сало, т.е. лицемерно поддакивать кому-либо, поступив впоследствии жестоко»; *Келсн үгән идх* «отказаться от своих слов»; *Амтнго элмр* «человек, потерявший доверие людей к себе и свою совесть».

Образный компонент этнокультурного концепта «Пища» в калмыцкой лингвокультуре также репрезентирован лингвосемиотическими средствами разрешений и запретов, которые метафорически рефлектируют хорошие и плохие приметы (Сән /Му йор), наполненные глуттоническим смыслом. Так, считается доброй приметой, если:– «Человек пришел во время подачи горячей пищи»; *Болсн хотла харһад орж ирхлә*;

– «На пороге пролилась горячая пища»; *Үүднә хоорнд идән асхрхла*. [1,с.79]

Ценностный компонент этнокультурного концепта «Пища» широко рефлексирован в обширном паремиологическом (пословично-поговорном) фонде калмыцкого народа. Именно поэтому глуттоническая или пищевая составляющая так обширно представлена в многочисленных паремиях. Пословицы с глуттоническим компонентом метко характеризуют те непреходящие ценности, которые встроены в общую концептосферу жизни этноса. Эти ценности паремиологически отражены в следующих конструкциях (фреймах), насыщающих семантику коммуникации:

1) «Мудрость – умеренность в питии и чревоугодии» – пословицы

Цадхла цаһан хурһна сүл һашун «Как говорят, когда насытишься и курдюк белого ягненка кажется горьким»; *Хуваж идсн хот амтәхн болдг* «Разделенная пища вкуснее».

2) «Мудрость- трудолюбие- сытость и достаток, лень- голод и бедность» пословицы: *Мал тежәхлә* – *амн тоста* - «Когда выращиваешь скот-рот в масле»; *Урч күүнә урл тоста* - «У мастера – губы в масле»;

3) «Всеу свое время – мудро поступает тот, кто все делает вовремя» –пословицы: *Альмн темсн амтта цагтан сән, әәрг, тарг шин цагтан сән-*

«Кумыс и простокваша хороши, когда они свежие, а яблоко – в соку»;

4) «Мудрость – в понимании и соблюдении порядка вещей» пословицы: *Керүлин экн-цусн, эвин экн- тосн* - «Начало ссоры- кровь, начало мира – масло»; *Сурһулин амнь-тосн, харһһуһин амнь –цусн* «Результат учебы- масло, результат темноты- кровь».

5) «Мудрость – в совершении добра и возмездие тому, кто вершит зло»– пословицы: *Чолуһар шивсн күүг - өөкәр шив* - «На зло отвечай добром. *Өшәтә кү - өөкәр шивдг* - «Врага оплати добром»; *Керуляс-цусн,эвяс-тосн* -«От ссоры-кровь, от мира-масло».

6) «Мудрость – в гостеприимстве, хлебосольстве, поддержании очага»– пословицы: *Хотынь сәәг гишчд өг, хувцна сәәһинь эврән өмс-* «Лучшую еду отдай гостю, лучшую одежду носи сам».

7) «Мудрость – в извлечении пользы из любой ситуации» – пословицы: *Уснас өрм унһаж авдг күн-* «О проныре: даже с воды снимет сливки».

8) «Мудрость – в понимании богатства, достатка»: *Тоһацаһан-тоснд, өвдгүдәһән-өөкнд-* «По локоть- в масле, по колено-в сале»; - «Валяться в жиру,кататься в масле»; *Салаһарнь хорһн, тосн һоожжә,сахларнь әәрг, чигән һоожжә бәәтхә-* «Пусть текут между пальцами жир и масло,а по усам-кумыс и айран».

Итак, в результате исследования структуры концепта «Хот-хол» в калмыцкой лингвокультуре нам удалось установить, что данный этнокультурный концепт вербализован в языковой картине мира как сложное когнито-ментальное образование. При реализации задач исследования нами были выявлены:

- предметная составляющая данного концепта, вербализованная в форме спектра лексических единиц-глюттонимов: «хот-хол», «идэн», «тежал»;
- образный кластер, представленный этноспецифическими фразеологизмами (*келсн үгэн идх; холын хорсах; үсн цаһан седклтэ кун*) и лингвосемиотическими средствами разрешений и запретов (Сэн /Му йор);
- ценностные установления, репрезентированные большим количеством паремиологических образований.

Результаты исследования данной статьи могут служить основой для лекционных и факультативных занятий по этнолингвокультурологии.

Список литературы

1. Амбекова Б.П. «Цецн булг» Родник мудрости.- Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006.- 190с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002.- 477с
3. Муниев Б.Д. Калмыцко-русский словарь.:263 -М.: Издательство "Русский язык" 1977.- 760с
4. Олянич А.В. Потребности - дискурс - коммуникация: монография.- Волгоград: Перемена, 2006. - 264с.
5. Пюрбеев Г.Ц. 1996:106,109] Толковый словарь Традиционного быта Калмыков..-Элиста.: Калмыцкое книжное издательство, 1996.- 89с.
6. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2001.- 494с.
7. БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с.

10.02.01

¹Н.А. Бурмакина канд. филол. наук, ¹Т.В. Мамаева канд. филол. наук,
¹А.Г. Тимченко канд. филол. наук, ²О.С. Хлякин канд. филос. наук

¹Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания,
Красноярск, nata-burmakina@yandex.ru, mamaevatv@yandex.ru, tiana-89@mail.ru,
²Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
кафедра латинского и иностранных языков,
Красноярск, khlakine_oleg@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю.Ю. ШЕВЧУКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПЕТЕРБУРГ»

В статье проводится анализ лингвокогнитивного уровня на базе лексического воплощения концепта «Петербург» в стихотворениях Юрия Юлиановича Шевчука. Анализ семантических компонентов показал, что в своём понимании города Ю. Шевчук опирается на традиционное толкование, вкладывая в него индивидуальное видение.

Ключевые слова: языковая личность, индивидуальная языковая картина мира, концепт, лингвистический анализ, стилистика художественного текста, идиостиль.

Для современной науки характерно активное развитие антропоцентрического направления, что «приводит к перемещению фокуса сосредоточения исследовательских усилий с проблем описания языковой структуры в область, центром которой становится человек говорящий» [3, с. 4]. Теория языковой личности уже достаточно разработана. При этом выявляется совокупность вопросов, требующих научного разрешения. К числу таких проблемных вопросов относятся: индивидуальная языковая картина мира, речевой портрет. Отмеченные аспекты изучения являются, на наш взгляд, особенно интересными, так как позволяют судить о речевых предпочтениях языковой личности. Одним из перспективных подходов является лингвокогнитивный подход. Когнитивная характеристика связана с интеллектуальной сферой личности, познавательной деятельностью человека. У каждого индивидуума в процессе его развития вырабатываются идеи, концепты, которые отражают его видение картины мира [1, с. 53]. В сознании личности они представлены как некая иерархия ценностей, которая сформировалась в конкретных условиях социального опыта и деятельности. Это отражается в использовании излюбленных речевых формул, оборотов, по которым мы часто узнаем известную личность.

Целесообразным является рассмотрение индивидуальной языковой картины мира Ю. Шевчука на материале корпуса стихотворений, который насчитывает 234 единицы (сборники «Защитники Трои», «Сольник» и стихотворения разных лет). Как и в творчестве ряда авторов, в стихотворениях Ю.Ю. Шевчука, Петербург – это историческое, географическое пространство, это «город-миф» (цит. по [2, с. 111]). В стихотворениях можно наблюдать следующие топонимы; *Москва, Санкт-Петербург* (автор использует различные варианты номинаций: *Петербург, Петроград, Ленинград, Петроградище, Петров град, Северная Пальмира*), *Уфа, Рязань, Вологда, Париж, Рим* и др. Номинация Санкт-Петербурга является наиболее частотной в творчестве Ю. Шевчука (47 употреблений в 234 поэтических текстах, в том числе в 7 заглавиях).

Ориентируясь на лексическую экспликацию концепта «Петербург», выявленную В.Ю. Прокофьевой («город как феномен», «город как миф»; «город как структурированное пространство»; «город как фиксированное в пространстве образование»; «город как

временное пространство»; персонифицированные гештальты города, антропоморфные и зооморфные) [2, с. 106], отметим, что в картине мира Ю. Шевчука реализуются все семантические компоненты интересующего концепта. Так, «Дефиниции города» представлены 1) двусловными конструкциями: *Чёрный Пёс Петербург; Этот зверь никуда не спешит* («Чёрный Пёс Петербург»); *Город рваных жил ...* («Одноразовая жизнь») и 2) распространёнными конструкциями, которые содержат семы 'климат', 'история', 'камень': *...А над городом – туман* («Песня ржавой воды»); *город штормит* («Суббота»); *Северный ветер рвёт ваши тени – Че Гевара, Вольтер, Гарри Поттер и Ленин* («Контрреволюция»); *Отпрыск России, на мать не похожий, Бледный, худой, евроглазый прохожий...* («Ленинград»); *Мсье Ленинград, революцией меченный...* («Ленинград»); *...Догорают на дне петербургских болот* («Век»); *В эту ночь я вдыхаю твой каменный запах* («Чёрный Пёс Петербург»).

Однако в парадигме № 2 «Наименования петербургских ландшафтов и их составляющих» отсутствуют лексическое представление ключевых слов «Аничков мост», «Сады», «Адмиралтейство», «Сфинксы». В картине мира Ю. Шевчука актуальным является вербализация ключевых слов «Нева», «Фонтанка», «Невский», «фонари», «Медный всадник». Лексическое представление ключевого слова «**Нева**» обусловлено такими языковыми единицами, как «волна», «вода», «отражение», «небо», «осень», «камни», «верность», «чернеющий», «тёмный» / «чёрный», «чернявый», «раны»: *Вы молчите вдвоём, вспоминая иное Расположение волн на Неве...*; *В это й тёмной воде отражение начала Вижу я, и как он не хочу умирать* («Чёрный Пёс Петербург»); *...Что такое осень – это камни. Верность над чернеющей Невой...* («Что такое осень»); *За Васькин остров выпить предлагаешь, А сам застыл, как Пётр, над Невой* («Коммунальная 91 года»); *Из раны бьёт Нева в пустые рукава...* («Свадьба»); *Искали ветер Невского да в Елисейском поле* («Свадьба»);

Несмотря на мрачность тонов, ключевое слово «**Фонтанка**» в лексической структуре встречается с кратким прилагательным «симпатична»: *...Шла гражданка по цветной «Гражданке» Симпатична, как река – Фонтанка* («Гражданка»); *И привыкли звать Фонтанкой – Енисей ...* («Свадьба»). В стихотворениях Ю. Шевчука по традиции городское пространство, представленное ключевым словом «**Невский**», которое вербализовано 1) в лексико-семантической группе «здания»: *В Питере главное – стены, А у стенки поёт человек* («Живой»); *...Город, стена да стена. Голый – по горло в зиме* («Песня о людях героических профессий»); и 2) в мифологизированных конструкциях: *Старый город, зевая поднялся с земли. Он стряхнул с себя мусор, разогнал корабли. Засадил голый Невский зелёной травой* («Любовь»). Кроме того, реализуется актуальная для авторов XX века семантика перевернутого пространства: *Мои небеса тебе кажутся лужей, В которую смотришь...* («За круглым столом»); *Что такое осень – это небо. Плачущее небо под ногами...* («Что такое осень»).

В цветовом воплощении концепта в ключевом слове «**фонари**» у Ю. Шевчука (отличие от цветовой гаммы поэтов XX века: желтый и черный, синий и золотой) доминирует черный, серый и бесцветный: *...Распухшая ночь сдавила виски, На лице её фонари отцветают* («Фома»); *Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили Два чёрных фонаря под выбитым пенсне* («Свадьба»); *...Фонари грызут аллеи, паровоз как глыба льда, Чёрной копотью на рее Воронёная орда* («Лерёк»); *Небо, улицы, люди – всё в серой золе* («Любовь»). Изваяние Петра Великого на берегу Невы, представленное ключевым словом «**Медный всадник**», имеет антропоцентричные характеристики: *Медный Пётр в увольнении. До сих пор нет! Пошел вразнос, говорят, ведь конь стоял столько лет* («Любовь»); *...Смотрит грозно, как смерть, как гора, Восковая фигура Петра <...> И по улицам шумного града Он прошёл леденящею былью* («Сказка-быль»). Парадигма № 3 «Лексическое отражение географических и климатических особенностей города» имеет общие традиционные черты: 1) актуализирована лексико-семантическая группа «водная стихия»: *...Слышишь, я снова живой, Морем дышу у окна* («Песня о людях героических профессий»); *Город штормит, ухмыляется криво,*

Штиурмом взяв финскую финку залива, Режется насмерть чухонской водой («Суббота»); 2) северный приморский климат эксплицирован в лексемах «ветер», «холод», «зима», «небо», «дождь», «туман», «ночь»: А чернявая ночь подложила луну («Четыре окна»); Плюс один, ноль, плюс два, почернела Зима («Ленинград»); черный ветер рвёт паруса («Предчувствие гражданской войны»); Рано утром в тумане теплом отражается холод («Расстреляли рассветами»). Петербургское небо семантически коррелирует с лексемой «муть»: *Мои небеса тебе кажутся лужей, В которую смотришь и муть поднимаешь со дна («За круглым столом»); С неба рвёт хмельная муть («Осень, мёртвые дожди»); 3) климатическая особенность – белые ночи – контрастирует с темными временами («Белая ночь»).*

«Лексическое представление истории и культуры» – эта парадигм не представлена в истории строительства и становления города, однако культурная память вербализована в именах собственных (*Пушкин, Достоевский, Мандельштам*). Парадигма № 5 «Персонафицированные гештальты города и его ландшафтов» имеют по традиции зооморфное представление: *Черный Пёс Петербург – морда в лапах («Черный Пёс Петербург»)*, а также индивидуальное ихтиоморфное: *Но этот город с кровотокающими жабрами надо бы переплыть («Песня ржавой воды...»)*

Мы выявляем 6-ю парадигму в индивидуальной картине мира Ю. Шевчука «Персонафикация концепта “Петербург” в семе ‘болезнь’»: *Расцветает январь язвой неба <...> Пожирает, дохляк, пересолённый снег («Ленинград»); я бреду по больным мостовым («Питер»); ночи без сна Вызывают старческий коклюш («За круглым столом»).*

Ю.Ю. Шевчука интересуют такие объекты действительности, которые обладают исторической значимостью. Тема Петербурга является одной из основных в русской литературе на протяжении более чем трёх столетий [2] и др. Лексическое воплощение концепта «Петербург» в стихотворениях творческой языковой личности Ю.Ю. Шевчука выражена в шести парадигмах, пять из которых являются традиционными для поэтов XX века.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
2. Прокофьева В.Ю. Концепт «Петербург» в поэзии Серебряного века в его лексическом представлении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. – № 4. – С. 106-114.
3. Седов К.Ф. О природе художественного текста АРТ. Альманах исследований по искусству. – Саратов, 1993. Вып. 1. С. 5-15.

10.02.01

¹А.Г. Гатауллина канд. филол. наук, ²Р.Р.Залялова канд. филол. наук¹Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева–КАИ,

кафедра русского и татарского языков,

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра русского языка подготовительного факультета для иностранных учащихся,
Казань, mullagalieva@yandex.ru, zalalova.regina@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВ *ГИМНАЗИСТ* И *ЛИЦЕИСТ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению и описанию семантических изменений в современной лексической системе сферы образования. На материале ряда словарей русского языка и примеров «Национального корпуса русского языка» выполнен анализ лексем гимназист и лицеист. Определяются направления семантического развития слов гимназист, лицеист и особенности их функционирования в русском языке.

Ключевые слова: *семантические изменения, лексика сферы образования.*

В последние годы активизировался интерес ученых к так называемой возвращенной лексике [1]. Динамические процессы, происходящие в современном обществе, и их отражение в языке, несомненно, требуют научного осмысления. Процессы неологизации тесно переплетаются с различными способами номинации и сегодня можно отметить значительное количество слов, некогда входивших в основной фонд языка, а затем ушедших на периферию языкового сознания. Сегодня они вновь возвращаются в словарный состав языка. Тематические группы возвращенной лексики включают в себя такие разделы, как: медицина, экономика, политика. Заметное место среди них занимает лексика образования. Исследование современной лексической системы сферы образования является перспективным и актуальным, поскольку образование – это одна из важных и обширных сфер человеческой деятельности, занимающая большую часть жизни людей на протяжении всей истории человечества, а на современном этапе является одним из основных и наиболее социально значимых институтов общества. Изменения, произошедшие в сфере образования на современном этапе развития общества (конец XX – начало XXI века), повлияли на состав, содержание и функционирование словесных единиц, входящих в тематическую сферу «Образование». В работе Л.А. Зайцевой отмечается, что в корпусе актуализированных слов, связанных со сферой современного образования, присутствуют собственно актуализированная лексика (лексические единицы, которые употреблялись для обозначения реалий, существовавших в жизни общества, но в настоящее время получили новое осмысление) и номинативно переориентированная лексика (лексические единицы, которые ранее обозначали предметы и явления зарубежной и / или дореволюционной российской действительности, а на современном этапе стали средством обозначения реалий современной России) [5, с. 9]. В частности, языковые изменения коснулись ряда названий учебных заведений (гимназия, лицей, прогимназия), а также некоторых форм обучения (бакалавриат, магистратура) [6]. О.В. Паничкина указывает, что интеграция российской образовательной системы в общеевропейскую является тенденцией развития современного образования, и считает, что одной из задач является согласование образовательной терминологии. [8, с. 3].

Объектом данного исследования являются лексические единицы русского языка, образующие лексико-семантическую группу наименований лиц, учащихся определенных учебных заведений. Цель исследования – выявить изменения, произошедшие в процессе

семантической эволюции конкретных наименований лица, относящихся к тематической сфере «Образование», а также определить их семантические и функциональные особенности в русском языке.

Исследование выполнено на материале примеров, извлеченных из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) [7], а также ряда словарей русского языка (в том числе современных, словаря языковых изменений XX века) [2], [4], [8], [10]. В работе использованы описательный метод, элементы сравнительно-типологического метода, а также метод словарных дефиниций.

К наименованиям лица по месту осуществления образовательной деятельности относятся слова *гимназист* и *лицеист*. Рассмотрим функциональные особенности и изменения, произошедшие в семантике данных лексем.

По частотности употребления наиболее распространенным является слово *гимназист*. По данным этимологических словарей, лексема *гимназист* отмечается как немецкое заимствование с конца XVIII века, слово *гимназистка* появляется в конце XIX века [11, 1: 188]. Прототипическое значение роднит их с лексемой *гимнастика*, поскольку *гимназия* представляла собой школу физического воспитания. В дореволюционной России *гимназия* являлась средним учебным заведением для детей дворянского сословия. В современном русском языке *гимназией* называют общеобразовательное среднее учебное заведение с углубленным преподаванием ряда предметов, обычно гуманитарного цикла.

В «Национальном корпусе русского языка» отмечено 3007 примеров употребления лексемы *гимназист*. В первую очередь следует обратить внимание на особенности сочетаемости данной лексемы с прилагательными. Существительное *гимназист* употребляется в сочетании с прилагательными, указывающими на местоположение учебного заведения: *брянский, датский, пермский, саратовский, таганрогский, харьковский, эстонский, ялтинский* и другие (22 употребления). В одном случае лексема *гимназист* функционирует в составе сложного слова *гимназист-тамбовец*.

В семантической структуре наименований лица выделяется признак «внешность человека». Материалы НКРЯ содержат большое количество определений, характеризующих гимназистов по их внешности: *безусый, бородатый, веснушчатый, долговязый, краснощекий, коротконосый, миловидный, плотный, нестриженный, пухлогубый, румяный, худощавый, ясноокий* и другие (44 прилагательных, 62 употребления).

Были отмечены и прилагательные, определяющие характер, внутреннее состояние гимназистов. При описании характера использовались такие прилагательные, как *благонравный, веселый, вспыльчивый, грубый, добродушный, застенчивый, мстительный, плаксивый, прилипчивый, самоуверенный, скромный, хвастливый* и другие (25 слов). Для характеристики внутреннего состояния учащегося находим определения: *взволнованный, влюбленный, счастливый, грустный, несчастный, одинокий, озабоченный, отчаянный, расстроенный, смущенный* (11 слов).

Нельзя не обратить внимания и на то, каким способом выражался возраст гимназистов. В данном случае использовались прилагательные *великовозрастный, взрослый, малолетний, старший, юный*. Но наиболее распространенными при обозначении возраста учащихся гимназии являются сложные слова: *гимназист-первоклассник, первоклассник-гимназист, гимназист-третьеклассник, шестиклассник-гимназист, гимназист-семиклассник, гимназист-старшеклассник, гимназист-одноклассник, малыш-гимназист, мальчик-гимназист, мальчишка-гимназист, мальчуган-гимназист, подросток-гимназист, юноша-гимназист, мужчина-гимназист* (44 употребления).

Отмечается большое количество примеров употребления сложных слов, в составе которых используется лексема *гимназист* (35 слов). Одни такие слова определяют род занятий учащихся: *гимназист-дирижер, гимназист-репетитор, торговец-гимназист, учащийся-гимназист, гимназист-велосипедист, гимназист-распорядитель, делегат-гимназист, поэт-гимназист, шпион-гимназист*, другие указывают на сословную принадлежность: *барич-гимназист, гимназист-буржуй, гимназист-дворянин*. Слова

стинозист-гимназист и *гимназист-доктринер* говорят о приверженности учащихся гимназии какой-либо теории. В основе сложных слов употребляются и другие существительные, так или иначе определяющие учащегося гимназии: *гимназист-волонтер*, *гимназист-доброволец*, *гимназист-кавалер*, *оборотень-гимназист*, *гимназист-спаситель*, *гимназист-шантажист*, *подсказчик-гимназист*, *поклонник-гимназист*, *приятель-гимназист*, *проводник-гимназист*, *силач-гимназист*, *товарищ-гимназист*, *фрачник-гимназист*, *гимназист-квартирант*, *гимназист-пансионер*, *гимназист-бедняк*.

К особой категории относятся сложные слова, образованные на основе имени собственного и нарицательного существительного. Были отмечены следующие слова: *Чехов-гимназист*, *Ульянов-гимназист*, *Гоголь-гимназист*, *Ленин-гимназист*, *Брюсов-гимназист*. В этих словах произошло слияние определяемого существительного и приложения в одно сложное интонационно-смысловое целое.

Лексема *гимназистка* встречается в НКРЯ гораздо реже соответствующего наименования лица мужского пола, зафиксировано 814 случаев употребления. Данное наименование, как и лексема *гимназист*, употребляется в сочетании с прилагательными, характеризующими гимназисток по возрасту: *взрослая*, *невзрослая*, *молоденькая*, *юная*; по внешнему виду: *легко-краснеющая*, *темноглазая*, *пухляя*, *рыжеватая*, *худенькая*, *толстая*; по характеру: *благовоспитанная*, *бойкая*, *веселая*, *самоуверенная*, *серьезная*, *смешная*, *строгая*.

Встречается лексема *гимназистка* и в составе сложных слов. Такие слова указывают на возраст: *второклассница-гимназистка*, *гимназистка-третьеклассница*, *гимназистка-выпускница*, *девочка-гимназистка*, *гимназистка-подросток*, или другие характеристики гимназисток: *подруга-гимназистка*, *сирота-гимназистка*, *гимназистка-гостья*. Было отмечено также употребление лексемы *гимназистка* в качестве имени собственного, обозначающее прозвище: *Полина Гимназистка*.

Перечисленные особенности употребления слов *гимназист* и *гимназистка* относятся к языку XIX века – начала XX века. В современной речи лексема *гимназист* почти не определяется прилагательными: *В этом году участие в них приняли более 70 школьников и гимназистов образовательных учреждений города и Новгородского района* (Надежда Вылегжанина. Выбирая лучшего (27.11.2012) // «Новгородские ведомости», 2012) [7]. Встречаются словосочетания данного слова с прилагательным, указывающим на местоположение гимназии: *казанские*, *сыктывкарские гимназисты* и т.д. Для уточнения возраста учащихся используются словосочетания: *гимназист младших*, *средних*, *старших классов*.

Кроме употребления в прямом значении, в разговорной речи распространенным являлось использование слова *гимназист* в переносном смысле «молокосос, незрелый юноша» [10]: *Влюбился, как мальчишка, как гимназист* (А.П.Чехов). Подобное метафорическое значение данной лексемы является устаревшим и уже не фиксируется в современных словарных статьях. Хотя в художественных текстах современных авторов встречается употребление слова *гимназист* в переносном значении: *И что это он расчувствовался, как гимназист?* (Дарья Симонова. Без Россини. 2002) [7].

В отличие от широко распространенного слова *гимназист* однокоренное слово *прогимназист*, называющее учащегося прогимназии, на современном этапе развития системы образования только начинает входить в активное речевое употребление. Это прежде всего связано с возрождением в российской системе образования учебного заведения нового типа – прогимназии [6]. На данный момент слово *прогимназист* зафиксировано только в одном словаре современного русского языка: *прогимназист* – «ученик прогимназии» [4]. Однако данная лексема часто встречается в текстах современных СМИ, а также на страницах официальных сайтов современных российских прогимназий: *посвящение в прогимназисты*, *клятва прогимназиста*, *жизнь прогимназистов*, *стипендиат звания «Лучший прогимназист»*, *старшие прогимназисты*, *прогимназисты поздравили защитников Отечества*, *анкета прогимназиста*, *День прогимназиста*, *встреча с прогимназистами* и др.

Для наименования учащихся учебного заведения лицей используются слова *лицеист*, *лицеистка*. Историю слова лицей мы рассматривали ранее [3], [6]. Примеров употребления лексемы *лицеист* – 628, а лексемы *лицеистка* – 6. Малоупотребительность существительного *лицеистка* объясняется тем, что первоначально лицей являлся мужским учебным заведением. Семантическое развитие слова *лицеист* тесно связано с историей названия самого учебного заведения. Так, в дореволюционной России лицеистом называли человека, обучающегося или воспитывающегося в лицее – мужском привилегированном среднем учебном заведении [2]. Так говорили о воспитанниках дворянского лицея: В XX веке лицеист – это человек, обучающийся в лицее – среднем общеобразовательном, чаще профессионально ориентированном учебном заведении, работающем по собственной учебной программе [2].

Как и лексема *гимназист*, существительное *лицеист* употреблялась в сочетании с прилагательными, указывающими на месторасположение лицея: *петербургский*, *царскосельский*, *ярославский*; с прилагательными, характеризующими внешность учащихся лицея: *румяный*, *мрачный*, *широкоплечий*, *плотный*. Распространенным являлось функционирование существительного *лицеист* в составе сложных слов, в которых определяющее слово указывало на возраст лицеиста (*мальчуган-лицеист*, *отрок-лицеист*), на отношения между лицеистами (*лицеист-одноклассник*, *братья-лицеисты*, *друзья-лицеисты*, *приятель-лицеист*, *сосед-лицеист*) или характеризовало учащихся по другим признакам (*лицеист-эмигрант*, *геркулес-лицеист*, *слушатель-лицеист*, *поэт-лицеист*, *зритель-лицеист*, *лицеист-актер*, *любимец-лицеист*, *новичок-лицеист*, *арестант-лицеист*).

В русском языке новейшего периода лицеистом называют учащегося «среднего учебного заведения с углубленным изучением ряда предметов (обычно гуманитарного цикла)» – именно такое значение имеет слово лицей в системе современного российского образования [9]. В современной русской речи можно встретить такие словосочетания, как *всероссийский день лицеистов*, *лицеист года*, *петербургский лицеист*.

Проведенное исследование показало, каким образом изменения в семантике названий учебных заведений (*гимназия* *прогимназия*, *лицей*) оказали влияние на особенности функционирования наименований лица, используемых для обозначения учащихся данных учебных заведений. Для исконных *гимназист* и *лицеист* характерны высокая частотность их употребления, широкая сочетаемость с разными тематическими группами прилагательных (обозначающих возраст, внешность, характер, внутреннее состояние учащихся и др.), функционирование в составе большого количества композитов, возможность употребления в переносном значении. Современные наименования учащихся гимназии и лицея не имеют подобных особенностей. В активное употребление начинает входить новое слово *прогимназист*, что связано с популярностью в настоящее время прогимназий.

Список литературы

1. *Андрейченко Е.В.* Возвращенная лексика русского языка конца XX века: лингвистический статус, социокультурная детерминированность: функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Алматы, 2007. – 23 с.
2. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание Синонимы. Антонимы. – АСТ-Пресс, 2008. – 864 с.
3. *Габдреева Н.В., Залялова Р.Р.* Об одной компетенции в процессе формирования преподавателя-словесника // *Казанская наука*. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – №1. – С. 40 – 44.
4. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в трех томах. – Т. 2. М-П. – СПб.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. – 1168 с.
5. *Зайцева Л.А.* Актуальная лексика образовательной сферы современной России: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Орел, 2015. – 24 с.
6. *Залялова Р.Р., Гатауллина А.Г.* Семантические изменения лексики сферы образования в современном русском языке // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. – 2018. – № 4(100). – С.55-62.
7. *Национальный корпус русского языка* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
8. *Паничкина О.В.* Национальная специфика семантики наименований лиц, занятых в сфере образования: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Воронеж, 2008. – 22 с.
9. *Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения* / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. – XLVI, 849 с.
10. *Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Т. 1: А-К* / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Репр. воспр. изд. 1939 г. – М.: Русские словари, 1994. – 844 с.
11. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т I. А – Пантомима. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.

10.02.01

А.Н. Ерёмин д-р филол. наук, О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, eremin.an55@yandex.ru, poks1990@yandex.ru

МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА У ГЛАГОЛОВ

Основная задача нашей работы – проиллюстрировать метонимические модели у глаголов. Цель обусловлена недостаточным описанием такого рода моделей при огромном числе работ, посвященных метонимии. В настоящем исследовании представлено и проиллюстрировано значительное число схем глагольного метонимического переноса. Рассмотрены прямые и метонимические значения глаголов разных тематических групп. Приведены как продуктивные модели переноса, так и непродуктивные.

Ключевые слова: *глагольная метонимия, модели метонимического переноса, модификация концептуальной структуры глагола.*

В своем описании мы опирались на базовые положения регулярной многозначности, предложенной Ю.Д. Апресяном [1: 203 - 210].

Для глаголов Г.И. Кустова отмечает два типа метонимической смежности, вытекающих из знаний ситуации: «производные значения... соответствуют той же самой ситуации, что и исходное, и «акцентируют», выдвигают на первый план разные фрагменты этой ситуации: *застегнуть молнию на куртке - застегнуть куртку на молнию...* «Производное значение имеет другой набор аргументов (и ролей) и соответствует другой ситуации, но наследует какие-то компоненты исходного значения ...» [2: 54, 56].

В нашем понимании модификации-акцентированию подвергаются:

I) часть ситуации, отраженная в семантике исходного, чаще прямого значения глагола;

II) часть ситуации, не отраженная в семантике исходного, чаще прямого значения глагола.

I. Он *пьет* – в метонимическом значении к базовому прямому значению глагола *пить* ‘потреблять жидкость’ добавляется в качестве центральной семантика ‘потреблять спиртные напитки больше нормы’.

Одни считали, что он *пил*, потому что пьяница, другие находили, что по семейным причинам. [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)].

II. Она *гуляет* от мужа – семантика ‘изменяет’ дается посредством смежной ситуации, обозначенной глаголом *гулять*.

- Он *дружит* с ней ‘ухаживает за ней и, возможно, имеет интимные отношения’: актуализируется другая смежная ситуация под экспонентом *дружить*.

Гасилова тебя не любит, она *дружит* с тобой потому, что ты отличник и очень красивый». [Виль Липатов. И это все о нем (1984)].

Также:

Прямое значение глагола сидеть

1. *Быть в таком положении, при котором туловище опирается на что-н. нижней своей частью (о человеке, животном, птице).*

Собака села у пулемета и пошевелила хвостом, обещая этим свою бдительность и усердие. [А.П. Платонов. Чевенгур (1929)].

Метонимические значения глагола сидеть

1. *Находиться долгое время дома, на даче, не выходя на работу или живя безвыездно.*

Прилетев в Париж из Москвы, я *сидел* дома, пил вино и переживал неудачу. [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)].

2. *Выполнять работу, в которой работник имеет возможность или вынужден значительную часть времени сидеть.*

Жена *сидит* с больным ребенком, ждет, и, наконец, получается записка – прислать ему белье и вещи... [Л.Н. Толстой. Живой труп (1900)].

3. *Отбывать наказание в местах лишения свободы (с точки зрения массового сознания «сидеть, не работая»).*

- Он *сидел* по 58-й статье, пункт 10 – контрреволюционная агитация и пропаганда, и написал ровно 58 рассказов о солдагерниках, сидевших по той же статье и на волю уже не вышедших. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002)]

Е.В. Падучева описывает метонимию так: «Метонимия, или сдвиг фокуса внимания... Имеется исходная, или базовая, концептуальная структура, которая свойственна ядерной части тематического класса и исходным значениям глаголов...»

Модификация концептуальной структуры может получаться за счет перемещения центра внимания с одного участника на другой - диатетического сдвига, который повышает в ранге одного и понижает другого. Это семантическая деривация, которую можно отнести к разряду метонимических переносов» [3: 158].

С.М. Толстая отмечает, что инициировать появление нового значения у слова может ряд причин: коммуникативный запрос на обозначение ситуации, который находит отклик в семантической структуре слова, в словах, коррелирующих с данным, в системе языка, включающей среди прочего культурные коннотации. И не все значения выводятся по модели – одно из другого [4: 305 и след.].

Мы солидарны с данным положением и учитывали его при описании материала. Можно отметить значения, которые являются очевидно метонимическими, и значения, о которых можно сказать: «да... нет... может быть».

Наверное, наиболее определенными в качестве метонимических значений носителями языка осмысливаются значения, образованные по продуктивным моделям. Причем дробление семантического пространства лексемы носителями языка (составителями толковых словарей) может быть разным как количественно, так и качественно.

Сравни выделенные нами *прямое* и *метонимические значения* у глагола *говорить*, образованные: А) по продуктивной модели; Б) по непродуктивной модели:

Прямое значение глагола говорить: Выражать мысли и эмоции словами.

- Никто из ребят, кроме меня, не понял, о чем *говорят* эти двое. [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)].

Метонимические значения глагола говорить:

А) Иметь способность выражать мысли и эмоции словами.

- Приходил к нам индус — всего три месяца побыв в Москве, а уже *говорит* по-русски. [Н.К. Рерих. Листы дневника (1943)]

Б) Выражать мысли как убеждения устно и/или письменно в связи с какой-то значимой проблемой.

- В целом Москва— довольно-таки зелёный город, — *говорит* старший научный сотрудник кафедры морфологии и систематики высших растений МГУ Елена Северова. [Дмитрий Анохин. Березовая каша для аллергиков (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.05.16]

По нашим наблюдениям, характер модификации концептуальной структуры глагола может быть разным, и, в частности, формировать такие модели:

1) действие → свойство: нож легко *режет* овощи → нож тупой и не *режет*;

2) действие → способность к действию: ребенок *читает* сказку → в 3 года она уже *читает*;

3) действие → внешнее свидетельство (проявление) действия: *стреляли* из пушки → слышно, как *стреляют*; они *курят* и *дымят* под окном → под окном *дымят*; она *смутилась* и *покраснела* → она *покраснела*;

4) действие → потенциальное сопутствующее действие: они *гуляли* у реки → она с ним *гуляет*;

5) непосредственно осуществляемое действие → опосредованно осуществляемое действие: лошадь *поскакала* → агроном *поскакал* в поле;

6) восприятие каналом А → восприятие каналом Б: она *видит*, что он идет → она *видит*, что он глуп;

7) действие-воздействие → действие-созидание или действие-разрушение: *резать* бумагу → *резать* фигурки; *лечить* больного → *лечить* язву;

8) произвольный процесс → намеренно создаваемый процесс-аналог: лампа *коптит* → он *коптит* мясо;

9) физический процесс → результат физического процесса: белье *сохнет* → цветы *сохнут* без воды;

10) интеллектуальный процесс → его физическое воплощение: она *соображает*, что приготовить → она быстро *сообразила* закуску;

11) физическое действие → нефизический аналог исходного действия: он *дал* ручку – он *дал* надежду;

12) непрофессиональное действие → профессиональное действие: *стелить* простыню → *стелить* линолеум;

13) номинация физического действия → номинация физического действия в качестве оценки: я стоял и *плевал* на забор → я *плевал* на угрозы (меня это не интересует). Я *аплодирую* (я в восхищении);

14) действие → действие, ограниченное инструментом: он *курит* → он *курит* трубку;

15) действие → действие, ограниченное объектом своего приложения: он хочет *пить* → он *пьет* безбожно;

16) действие → действие, ограниченное состоянием объекта своего приложения: *кормить* мужа → *кормить* больного;

17) действие → действие, ограниченное локально: люди *живут* в среднем до 70 лет → обезьяны *живут* на деревьях;

18) внутренняя энантиосемия построена в опоре на метонимию:

Занять денег (у кого-то, кому-то);

19) произвольное действие → случайное или намеренное действие субъекта (во внелитературной речи): шарик *лопнул* → зачем ты *лопнул* шарик?;

20) действие → его субъективная интерпретация: Коля *ждет* Машу → чего ты *ждешь*?

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры». Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. – (Studiaphilologica).
3. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004. – 608 с. – (Studiaphilologica).
4. Толстая Т.М. Многозначность слова в свете ономазиологии // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 305 – 313.

10.02.01

Э.А. Китанина д-р филол. наук, Нилуфар Гезельбаш

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
EAKitanina@pushkin.institute; niloofarghezelbash@mail.ru

НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ В ОППОЗИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ

В статье рассматривается нарушение лексической когерентности в оппозиционных российских политических блогах. Автор даёт краткий обзор основных подходов к категории лексической когерентности и представляет результаты анализа семантической структуры лексических единиц в различных оппозиционных политических блогах.

Ключевые слова: *лексическая когерентность; политический блог; текст; коммуникация; оппозиционный дискурс.*

Оппозиционные российские политические блоги способствуют повышению степени участия граждан, пользующихся интернетом и читающих блоги, в обсуждении политических процессов. В значительной степени оппозиционный политический блог увеличивает политическую рефлексивность, которая играет важную роль в выражении и создании новых политических ценностей в условиях, когда происходит политическое участие граждан страны в выработке и реализации политики принятия решений. Сегодня повышается роль оппозиционного российского политического блога как средства коммуникации между политическими деятелями и населением страны.

Многие политики используют блог в качестве средства коммуникации для повышения своей популярности. Среди политиков, ведущих блоги, в большей степени известны не представители официальной власти, а оппозиционеры, для которых основной задачей ведения блога становится привлечение сторонников своих взглядов с целью информирования, координации действий, пропаганды своих идей, контрпропаганды и борьбы против политических оппонентов.

Как отмечает Е.В. Какорина, современный оппозиционный политический дискурс сохраняет характерные черты публичной речевой деятельности этого типа, который сложился на постсоветском пространстве в 90-х годах прошлого века: активность отрицательной оценочной номинации, заранее заданный характер оценок, многообразная манифестация узнаваемых адресатом оценок, преобладание интерпретации над фактом и др. [4, с. 409-426]. Оппозиционный политический дискурс очень изменился, поскольку сейчас происходит поиск баланса между областями внутренней и внешней сторон российской политики, определяется содержательная структура множества политических сил.

Важно заметить, что основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление [8, с. 31].

По словам М.В. Луканина, политическая коммуникация, как никакая другая, связана с экстралингвистическими мотивациями и с фактором адресанта и адресата. Оппозиционные дискурсы подтверждают прогнозы футурологов о прекращении эпохи традиционных СМИ, обращённых к универсальной по составу аудитории, происходит поиск «своей» аудитории, которую намного легче найти в интернете [5, с.125].

Рассматривая понятие лексической когерентности, отметим, что когерентность вообще охватывает «семанτικο-прагматические, в том числе и тематические и функциональные аспекты смысловой и деятельностной связности дискурса, как локальной, так и глобальной»

[4, с. 195]. Когерентность означает понятийно-смысловое единство, обеспечивает целостность и единство текста.

Язык и речь противостоят друг другу, в первую очередь, как система и ее реализация. Так, Г. Гийом пишет, что в структуре речевой деятельности всегда поддерживается общий закон когерентности означаемого и означающего [3, с.146-147]. Другими словами, происходит поиск симметрии формы и содержания, а изучение систем языка способствует открытию их организующей основы, при которой в системе происходит концентрация минимума означаемых при максимуме возможностей речевых реализаций.

С.А. Сасина пишет, что когерентность традиционно понимается как семантическая, то есть внутренняя связность текста, соединяющая его отдельные единицы в единое целое [7, с. 815].

Лексическая когерентность демонстрирует три подвида (смысловую, образную и ассоциативную) с последовательной либо параллельной связью смыслов, образов или ассоциаций.

Во-первых, смысловая когерентность предполагает, что смыслы, заложенные автором в тексте, последовательно связаны между собой. Смысловая когерентность выражается лексемами одной тематической группы (нерабочий – праздничный; двинуть предложения – задать вопросы - подискутировать).

Во-вторых, образная когерентность проявляется тогда, когда концепты связываются образной составляющей. Способ связи при образной когерентности может быть последовательным или параллельным. Образная когерентность связывается с образом, заключённым в метафору и реализующимся на уровне текста.

В-третьих, ассоциативная когерентность позволяет объединиться в одном тексте семантически далеким словам, которые, на первый взгляд, не имеют между собой ничего общего. Автор при помощи метафорических образов создаёт ассоциации, которые помогают читателю «объединить» разрозненные образы и осмысливать их как нечто схожее.

Смысловая когерентность с последовательной связью между концептами представлена в блоге Эдуарда Лимонова:

8 января, в среду, в ещё нерабочий, ещё праздничный день, состоится открытое собрание партии "Другая Россия", в котором и вы сможете участвовать. Выдвинуть предложения, задать вопросы, подискутировать. В том числе и о высказанных мною выше сомнениях, в том числе и о необходимости пересмотра итогов приватизации, о что делать после поражения оппозиционных сил. Кто виноват, мы уже знаем (блог Эдуарда Лимонова, Москва, 06.01.2014).

В данном высказывании смысл не повторяется, все высказывания следуют друг за другом, обуславливают друг друга, дополняют и усиливают друг друга. Так, сначала упоминается дата: конкретный день, его описание (выходной, праздничный), потом говорится о событии, которое должно произойти, высказывается предложение (сможете поучаствовать), говорится о том, какие возможности есть и тех, кто посетит собрание (выдвинуть предложения, задать вопросы, подискутировать).

Пример образной когерентности иллюстрирует запись в блоге Алексея Навального:

Со вчерашнего дня все возмущаются очередным идиотским законопроектом нашего "бешеного принтера" - Госдумы шестого созыва, которая, несомненно, войдёт в историю как страница позора отечественного парламентаризма (блог Алексея Навального, Москва, 01.04.2014).

Метафорический образ *бешеный принтер* придает пространству текста законченность, самобытность и таким способом вносит вклад в создание его когерентностных свойств.

Для ассоциативной когерентности характерна ассоциативная связь между концептами. Рассмотрим данный вид когерентности на примере:

Так что, если раньше кто-то и считал нашего Бабакова-Золушка очень богатым, то уверяем вас - это не так. Может повстречалась ему на пути Злая Волшебница и отняла все деньги? И такое случается в Рождественских Сказках, тем более, что мы точно знаем,

что жизненный путь Самого Бедного Депутата был труден извилист: он был лидером партии "Родина", потом слил партию в "Справедливую Россию", а потом сбежал из "Справедливой" в "Единую Россию" (блог Алексея Навального, Москва, 25.12.2013).

В данном случае ассоциативно объединены слова *Золушка* и *депутат*, *труден* и *извилист* и *лидер партии*, *злая* и *волшебница*. Когерентность в российских оппозиционных блогах во многом основана на выборе лексем, наиболее привлекательных для читателей, стилистической игре авторов, подборе образов для более выгодного описания ситуации, соответствующего цели блога.

Мы находим нарушение лексической когерентности в словосочетании *списанных госслужащих*, употреблённое оппозиционером по отношению к пенсионерам. Нарушением является употребление слова *списанный* в контексте описания человека:

И в отличие от многих других «списанных» госслужащих, он не становится сенатором, или советником, или помощником. Реально, вроде как, отходит от дел (блог Алексея Навального, Москва, 14.03.2019).

В контексте речь идёт о нарушении когерентности именно в контексте блога Навального, где оппозиция скорее проставляется, чем критикуется:

Нам нужен свой пул реальных кандидатов. Не выдвинуть неизвестных раздолбаев «либеральной ориентации» по всем 45 округам, а несколько человек, способных к работе и борьбе, про которых мы понимаем, что они делали несколько последних лет (Блог Алексея Навального, Москва, 14.03.2019).

Навальный называет кандидатов от оппозиции неизвестными раздолбаями *либеральной ориентации*, по сути отрицательно характеризуя и их трудовые заслуги, и сексуальную ориентацию. Также нарушение когерентности встречаем в блоге Геннадия Зюганова, где политик от КПРФ отзывается о новых законах РФ:

«ЕР» своим законом о наказании за «неуважение к власти» и «фейковые новости» затыкает рот молодёжи, всем равнодушным людям. КПРФ выступила против этого беспредела! Мы с вами обязаны всё сделать, чтобы сохранить свободу слова, прежде всего, в Интернете. Голос правды - не запретить! (Геннадий Зюганов, Москва, 11.03.2019).

Попытка власти перекрыть обсуждение гражданами накопившихся проблем в соцсетях аморальна и недостойна. Лучше бы развитием реального сектора экономики занялись, а не вбухиванием денег в цензуру с целью ограничить и запретить нормальные дискуссии в Интернете (Геннадия Зюганова в Твиттере, 15.03.2019).

Нарушениями когерентности в этих примерах можно назвать словосочетания *затыкать рот молодёжи* и *вбухивание денег в цензуру*. Они нарушают целостность смыслового содержания блога коммуниста, который хоть и выступает как ярый оппозиционер, но в большинстве случаев не использует выражения со сниженной стилистической оценкой.

Таким образом, рассматривая вопрос о нарушении когерентности в российских оппозиционных политических блогах, можно отметить, что, во-первых, когерентность в блогах во многом основана на выборе лексем, наиболее привлекательных для читателей, стилистической игре авторов, подборе образов для более выгодного описания ситуации, соответствующего цели блога, во-вторых, нарушения в большинстве случаев свидетельствуют о желании автора блога проявить экспрессию по отношению к сказанному, в-третьих, зачастую нарушения когерентности во многом способствуют созданию определённого «оппозиционного имиджа», создают речевую характеристику, выделяющую оппозиционеров среди других политиков.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с. С. 237.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс, 1992, С.146-147.
3. Зюганова Г.А. Твиттер, запись от 11.03.2019, [Электронный сайт]. режим доступа: https://twitter.com/G_Zyuganov.
4. Зюганова Г.А. Твиттер, запись от 15.03.2019, [Электронный сайт]. режим доступа: https://twitter.com/G_Zyuganov.
5. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). - М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 409-426.
6. Лимонов Э.В. Точечная правозащита // блог Эдуарда Лимонова, запись от 06.01.2014, [Электронный сайт]. режим доступа: <https://limonov-eduard.livejournal.com/415344.html>, (дата обращения: 10.02.2019).
7. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: Изд-во Тверс. гос. ун-та, 1998. 443 с. 7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С.139.
8. Навальный А.А. Тюрьма за нарушение на митинге и тарифы ЖКХ. Как это связано // блог Алексея Навального, запись от 01.04.2014, [Электронный сайт]. режим доступа: <https://navalny.livejournal.com/tag/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D0%96%D0%9A%D0%A5>, (дата обращения: 11.02.2019).
9. Навальный А.А. Рождественская сказка: "Лисий виноградник" для Золушка // блог Алексея Навального, запись от 25.12.2013, [Электронный сайт]. режим доступа: <https://navalny.com/p/3425/>, (дата обращения: 11.02.2019).
10. Навальный А.А. Пенсионер из Газпрома // блог Алексея Навального, запись от 14.03.2019, [Электронный сайт]. режим доступа: <https://navalny.com/p/6094/>, (дата обращения: 22.03.2019).
11. Навальный А.А. Есть кандидат! // блог Алексея Навального, запись от 14.03.2019, [Электронный сайт]. режим доступа: <https://navalny.com/p/6095/>, (дата обращения: 22.03.2019).
12. Сасина С.А. Фразеологические единицы терминологического происхождения в современном английском и русском дискурсах: автореф. дис. ... кандидата филол. наук / С.А. Сасина. – Краснодар, 2007. С. 25.
13. Сидоров, Е.В. Общая теория речевой коммуникации / Е.В. Сидоров. – М., 2016. – 244, С.6.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – С. 326.
15. Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich: Dudenverlag, 1995. S. 864.

10.02.01

Ю.С. Сабаева

Томский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Томск, juliyasab2014@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИБИРИ В КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РАДИОТЕКСТЕ

В статье проводится анализ языковых средств, формирующих образ Сибири в региональном радиодискурсе. На материале радиотекстов культурно-просветительской программы «Большая страна. Следуй за нами!» радиостанции «Радио Сибирь» выявляются функции, которые реализуются грамматическими средствами языка, участвующими в создании рассматриваемого образа.

Ключевые слова: языковые средства, репрезентация, радиотекст, культурно-просветительский радиодискурс, образ, Сибирь.

Просветительский дискурс направлен на «расширение речевого кругозора адресатов, формирование и стимулирование познавательной активности аудитории в сфере культуры коммуникации, повышение общего культурного уровня радиослушателей», – отмечается в работе Т.Е. Арсеньевой [1]. Культурное просвещение на радио посредством радиопередач о Сибири представляется эффективным инструментом в формировании культурно грамотной личности.

Сибирь как объект лингвистического изучения рассматривалась на материале отечественных [2, 4, 6] и зарубежных СМИ [3]. Создаваемый в культурно-просветительском аспекте образ Сибири исследовался на материале радиопередач государственных и региональных радиостанций («Радио России», «Радио Сибирь» «Благовест»). Радиопередачи об исторических событиях, истории конкретных мест («Исторические хроники», «Про Сибирь»), легендах и преданиях различных народностей, проживающих в Сибири («Легенды Сибири», «Здравствуйте, соседи!»), путешествиях и популярных туристических маршрутах по Сибири («Большая страна. Следуй за нами!») занимают значительное время в ежедневном радиовещании.

Целью данной работы является анализ культурно-просветительских радиотекстов программы «Большая страна. Следуй за нами!» (выпуски «Андреевские озёра», «Томь», «Бутылочная скала», «Джумалинские ключи», «Кузнецкий Алатау», «Долина Кызыл-Чин», «Томская писаница», «Чульчинский водопад», «Хребет Кадар», «Сулекская писаница», «Урочище Провал земли», «Хамар-Дабан», «Река Деринг-Юрях», «Дорога Чингисхана», «Долина семи озёр») на региональной радиостанции «Радио Сибирь» и выявление языковых средств, с помощью которых создаётся позитивный образ Сибири. Авторы радиопередачи подчёркивают мультимедийный формат данного проекта: «не просто цикл программ на радио, а самостоятельный онлайн путеводитель по географическим объектам России, как природным, так и созданным человеком» [5]. Выпуски программы продолжительностью 4-5 минут можно прослушать онлайн или скачать с сайта в Интернете, а также с официальной страницы в социальных сетях. Выпуски, посвящённые природным объектам из разных регионов Западной и Восточной Сибири, имеют определённую структуру:

1) Приветствие и обозначение «направления путешествия»: *Приветствуем любителей сибирского туризма. Сегодня мы отправляемся в Тюменскую область, наша цель – Андреевские озёра.*

2) Анонс программы: *Современные города и старинные крепости, живописные озёра и завораживающие горы, заповедные зоны и уютные курорты. Все красоты необъятной родины в проекте «Большая страна. Легенды Сибири». Программа создана при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».*

3) Презентация природного объекта, включающая описание внешних данных, исторических сведений, указывающих на возраст объекта, современное состояние объекта, его роль в экономике страны. Рассказ начинается после побудительной заставки «*Следуй за нами!*», которая подготавливает слушателя к восприятию информации.

4) Легенда, миф или мистический рассказ, связанный с данным объектом или описываемым местом. Обычно начинается после заставки «*Легенды Сибири*».

5) Заключение: *Путешествуем по России в сибирском эфире. Слушай Сибирь, следуй за нами.*

Глаголы в форме побудительного наклонения (*слушай, следуй*), приветствие (*приветствуем любителей*), глаголы в форме 2 л. мн.ч. (*путешествуем, отправляемся*) – выстраивают диалог со слушателем, знакомя с новыми местами в Сибирском регионе и побуждая к путешествиям.

Образ Сибири в радиотексте создаётся при помощи разнообразных языковых средств. Самую большую группу составляют именные части речи – имена прилагательные и имена существительные.

Имена прилагательные в исследуемых текстах:

– служат для описания внешних характеристик природных объектов: *Наиболее же приспособлено для отдыха Большое Андреевское озеро с **чистым** (здесь и далее жирным шрифтом выделены языковые средства, участвующие в создании рассматриваемого образа) песчаным пляжем; Привлекательность Долины семи озёр для туристов скрывается не только в удивительно **красивых** горных пейзажах, но прежде всего в **живописных** озёрах, отличающихся друг от друга не только месторасположением и **причудливыми** очертаниями, но ещё и оттенком воды;*

– описывают качественные характеристики природных объектов: *Пресная вода в нём признана учёными **очень чистой, вкусной и полезной**, особое значение имеет присутствие в её составе кремниевой кислоты; Она (Долина Семи озёр – С.Ю.) получила известность благодаря уникальному комплексу горных озёр, **разнообразной** флоре и фауне;*

– передают значение природных объектов для современной экономики Сибири: *Кемеровская область вот уже много десятилетий является **крупным промышленным** центром страны и **основным** поставщиком угля, металла, леса и ценных полезных ископаемых; Томь ещё с советских времён имела **большое народно-хозяйственное** значение; Это **прекраснейшее** место отдыха, но в первую очередь это **ландшафтно-гидрологический природный заказник**;*

– акцентируют внимание на уникальности природных объектов: *Среди скалистых гор станового хребта и непроходимой тайги находится **легендарная** Бутылочная скала; Эти природные ключи представляют из себя **редкий** тип термальных источников, в которых преобладает родон; Много в Горном Алтае **поистине уникальных** мест, чего только стоят каменные грибы или **великоленная** Белуха;*

– подчёркивают загадочность и таинственность представляемых объектов: *Помимо поразительных красот гор, лесов и ложбин, ущелье поражает своей **сакральной** силой; Существует также утверждение, что долина не пускает в себя людей с ущербно искривленной моралью, и это неудивительно, ведь именно в этом **волшебном** месте растёт **самый чудесный** цветок на свете – эдельвейс, а ведь это растение символизирует мудрость и тайну, которая действительно, скорее всего, живёт в этих **сказочных** местах.*

Посредством имён существительных в исследуемых радиотекстах:

– даётся оценка природным объектам и историческим достопримечательностям, расположенным в разных регионах Сибири: *Горный комплекс Кузнецкий Алатау – составная часть Алтае-Саянской горной страны, природного региона юга Сибири, важного центра*

биообразования не только Сибири, но и России в целом <...> Это действительно **драгоценность** России; Открытые только в пятидесятых годах ледники сразу же стали **изюминкой** района;

– характеризуются внешние данные объектов и достопримечательностей: **Красота пейзажей** горной тайги и альпийских лугов Кузнецкого Алатау не уступит прославленным Альпам; **Привлекательность Долины** семи озёр для туристов скрывается не только в удивительно красивых горных пейзажах; По **фантастичности пейзажей** одна из долин Горного Алтая Кызыл-Чын превосходит все известные природные достопримечательности этого края;

– описывается историческая значимость предметов и объектов: Этот утёс является настоящей местной достопримечательностью, потому по праву считается **памятником** природы областного значения; Его главной **достопримечательностью** является отвесная скала с древними рисунками первобытных людей; Недалеко от Кемерово расположился уникальный исторический **уголок природы и истории** – «Томская Писаница».

Важное место в изученных текстах занимают показатели историчности, древности, которые репрезентируются посредством:

– прилагательных, указывающих на возраст объектов, памятников: Его главной достопримечательностью является отвесная скала с **древними** рисунками **первобытных** людей, возраст которых равен примерно шести тысячам лет; Урочище «Провал земли» расположен на правом берегу великой реки Иртыш в Горьковском районе неподалёку от **древнего** села Серебряное, которое, кстати, тоже имеет особую историю;

– форм превосходной и сравнительной степеней сравнения прилагательных: **Хамар-Дабан** **одни из старейших** гор планеты; Как бы то ни было, стоянка Деринг-Юрях сегодня является **самой древней** на территории Евразии;

– существительных – наименований исторических эпох и событий, имён исторических личностей: Особый интерес вызывают наскальные рисунки **эпохи Средневековья**; Происхождение названия Томи теряется в веках. Однако известно, что славянские поселенцы жили на её берегах ещё задолго до **Ермака**;

– имён числительных, обозначающих временные периоды: Самые старые находки учёные относят к **5-му тысячелетию до нашей эры**; Сланцы, имеющие темно-серый окрас глинистого характера, на поверхности которых располагаются полосы светло-серого песчаника, свидетельствуют о древнем происхождении утёса, **около 360 млн лет назад**; Также археологи установили, что в **IX-XIII веках** на берегах озёр находились мансийские святилища.

Значительный пласт культурной информации содержится в народных наименованиях природных объектов: Один из подобных артефактов находится на северо-западе республики. **Местное население** называет его «**Дорогой Чингисхана**». Согласно легенде, здесь проходили войска Монгольской империи, во главе с великим завоевателем Чингисханом; Название хребта происходит от бурятского языка. **Хамар** – нос, **Дабан** – горный перевал, седловина. Иногда «хамар» переводят как кедровые орехи, в этом случае название звучит как **Ореховый перевал**.

Проведённый анализ радиотекстов программы «Большая страна. Следуй за нами!» позволяет сделать вывод о разнообразии языковых средств, создающих неповторимый образ Сибири на региональном радио. Репрезентация объектов и достопримечательностей в радиотекстах строится на большом количестве культурной информации, которая содержится и в названии объекта, и в его историческом прошлом, и в современном состоянии.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-6072.2018.6

Список литературы

1. Арсеньева Т.Е. Коммуникативная тактика сообщения новостей в просветительском радиодискурсе (на материале программы «Говорим по-русски») // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 11-14.
2. Ершова В.Е. Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // Вестник ТГУ. Филология. 2016. № 4 (42). С. 168-180.
3. Малёнова Е.Д., Терских М.В. Медиаобраз Сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 19-30.
4. Нестерова Н.Г., Фащанова С.В. Региональный радиодискурс как специфическое коммуникативное пространство // Мир науки, культуры, образования. 2016. №6 (61). С. 418-420.
5. «Радио Сибирь» будет работать над проектом при поддержке Русского географического общества. Федеральные новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fed.sibnovosti.ru/society/331649-radio-sibir-budet-rabotat-nad-proektom-pri-podderzhke-russkogo-geograficheskogo-obschestva>
6. Сабаева Ю.С. Медиаобраз Сибири на региональном радио (на материале радиопроекта «Про Сибирь» радиостанции «Радио Сибирь») // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. №1. С. 64-69.

10.02.01

Д.С. Труханова

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»,
Москва, DStrukhanova@pushkin.institute

**ПСЕВДОСОГЛАСИЕ С КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ
КАК МИТИГАТИВНАЯ ТАКТИКА И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

В статье рассматривается проблема функционирования коммуникативно-когнитивного феномена митигации в политическом дискурсе. Автор описывает формальное согласие с критикой в институциональном политическом дискурсе как одну из митигативных тактик. Особое внимание уделяется также различным вариантам и средствам её реализации.

Ключевые слова: *политический дискурс, митигация, тактика.*

Коммуникативно-когнитивный феномен митигации исследовался во второй половине XX века за рубежом [3], и получил разработку в более поздних трудах [например, 1, 2 и др.], а затем с начала 2000-ых годов стал предметом исследований российских ученых [7, 10, 11, 13, 17] и описывался исследователями с разных ракурсов и на разном материале, в том числе довольно узко как риторический прием [9]. Однако наибольшее распространение получил подход С.С. Тахтаровой, согласно которому митигация определяется как «коммуникативная категория, основным содержанием которой являются митигативные прескрипции, установки и правила, обусловленные максимами вежливости и реализуемые в общении стратегиями и тактиками смягчения, направленными на обеспечение эффективности и адекватности коммуникативного контакта в ситуациях кооперативного общения». Основными прескрипциями данной категории исследователи называют «антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификацию и эмоциональную сдержанность» [13, с. 334]. Данный подход позволил выделить и описать ряд разнородных по своей природе средств реализации митигации (или митигативных девайсов у А.О. Эзеха вслед за К. Каффи) в потенциально конфликтных ситуациях (выражение оценки, несогласия и побуждения) в разных типах дискурса и позволил говорить о том, что тип дискурса определяет специфику реализации категории митигации. Функционированию митигации в политическом дискурсе, который изучается в разных направлениях [14] и, как следствие, получает различные трактовки (от относительно суженной, когда к нему относятся только жанры, функционирующие в политической сфере для завоевания, осуществления и сохранения власти, до предельно широкого, когда любое речевое произведение, субъект, адресат или содержание которого относится к сфере политики [15]), посвящены лишь отдельные работы в российской лингвистике [7, 13]. Они выполнены на материале немецкоязычного политического интервью как наиболее диалогичном и ориентированном на кооперативное общение жанре. На русскоязычном материале таких таргетированных исследований не проводилось. В целом названный выше подход несколько нивелирует значение митигации для политического дискурса.

Однако учет результатов новейших зарубежных исследований митигации в когнитивном аспекте и эмпирический опыт показывают, что данный коммуникативно-когнитивный феномен функционирует в разных политических субдискурсах. Митигация с точки зрения зарубежных исследователей, чья позиция во многом нам довольно близка, трактуется «как динамический процесс оценки, в котором когнитивные и языковые операции связаны друг с другом и который включает процесс спасения собственного лица и реакцию на обвинение» (-перевод наш) [4]. Предполагаемый или реальный результат оценки активизирует копинг-стратегии, реализуемые узнаваемыми паттернами речевых действий, аргументов и речевых актов [2, 4]

Институциональный дискурс – довольно широкое понятие, это дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации [15, с.59]. Он связан с определенной сферой коммуникации и включает набор типичных для данной сферы ситуаций общения, типичные модели («стандарты») поведения коммуникантов, специфические интенции и т.д. [15, с.42]. При широком подходе к политическому дискурсу, ядро понятия будет представлено как раз институциональным дискурсом, к которому относится и парламентский дискурс.

На наш взгляд, чтобы говорить о каких-либо обобщениях и изоморфизме выявленных закономерностей функционирования митигации в политическом дискурсе требуется последовательное изучение политических субдискурсов с точки зрения реализации митигации с учётом прагматически (ведущая роль воздействующей функции, манипулятивность, стремление спасти лицо, намерение уйти от конфликта) обусловленных основных характеристик политического дискурса и его основной функции – функции борьбы за власть [5, 14, 15]. Причем особо стоит отметить манипулятивный потенциал феномена.

В качестве примера рассмотрим митигативные тактики формального согласия с критикой и признания проблемы в институциональном политическом дискурсе на примере заседаний Государственной Думы. Особо обращает на себя внимание такое коммуникативное событие как «Правительственный час» в рамках пленарного заседания Государственной Думы. В рамках правительственного часа заслушивается доклад представителя исполнительной власти РФ, особое место занимают вопросы депутатов Государственной Думы к докладчику-представителю исполнительной власти. Данная часть правительственного часа характеризуется относительно высокой диалогичностью, что продиктовано форматом общения (вопрос-ответ), но вместе с тем ограничивается набором правил (определенное время, отведенное на вопрос и на ответ, ограничение на свободную дискуссию). Участники коммуникативного события одновременно выступают как личности и как представители определенных политических институтов (органов власти и партий), то есть имеют институциональные роли (причем институциональные роли мы вслед за Е.В. Каблуковым [6] подразделяем на универсальные (статус депутата) и локальные (например, председательствующий, докладчик и содокладчик, выступающий от фракции, задающий вопросы)).

Относясь, с одной стороны, к единой властной структуре (олицетворяют государственность), с другой стороны, участники коммуникативного события представляют её разные ветви. Усложняет общение тот факт, что коммуниканты, выступая как представители партий, одновременно стремятся к борьбе за власть внутри Государственной Думы. Кроме того, на пленарном заседании присутствуют два незримых сторонних наблюдателя: это верховная власть в лице президента и клиенты институционального дискурса – граждане, народ. Президент относится к группе привилегированных клиентов пленарного заседания Государственной Думы (или по Е.В. Каблукову контрагентов), которые имеют право участвовать в заседании Государственной Думы (к таковым также относятся представители Совета Федерации, Правительства, судов, Счетной палаты и др. лица).

Высокая степень институциональности и одновременно агональность (противопоставление «свой-чужие» выстраивается, как отмечалось выше, по разным направлениям) рассматриваемого типа политического дискурса заставляют коммуникантов балансировать между стратегиями кооперации и доминирования [16, с. 138], актуализируют коммуникативно-когнитивный феномен митигации. Одной из ярчайших митигативных тактик является тактика формального согласия с критикой, которая реализуется в ответах представителя исполнительной власти на вопросы депутатов Государственной думы, которые в свою очередь довольно часто представляют в форме вопроса критику. Ответ представителя исполнительной власти направлен на сохранение собственного лица и статуса представляемого института, повышение собственной авторитетности и выхода из потенциально конфликтной ситуации. Таким образом, можно говорить о том, что согласие с

критикой является на самом деле псевдосогласием и представляет митигативную тактику, реализуемую в ситуации ответа на критику.

Вопросы депутатов всегда касаются острых проблем, ответственность за существование которых в той или иной степени несут представители органов исполнительной власти на федеральном уровне. Именно поэтому стоит отметить, что интенция критики в вопросе может градуироваться. Задавая вопросы на проблемные темы, некоторые депутаты прибегают к митигативным тактикам и стратегиям. Например, 11 ноября 2018 года Смолин О.Н. (от КПРФ), задавая вопрос О.Ю. Васильевой о бюрократии в сфере образования, использует митигативные стратегии: *«Уважаемая Ольга Юрьевна, <...> Одна из главных, системных проблем российского образования – это его бюрократизация. Понятно, что чрезмерная бюрократизация вообще плохо, а в образовании это плохо вдвойне, поскольку она убивает живую душу отношений учителя и ученика в широком смысле (1). <...> Ольга Юрьевна, мы понимаем, что на 80 процентов это зависит не от управления образованием, а от разного рода надзоров, и всё же (2): что делает министерство, чтобы уменьшить бюрократизацию и вернуть нам живое образование?»*. Депутат объясняет причину, по которой задаёт вопрос, подчеркивает его важность для министерства просвещения (1), демонстрирует, что данный вопрос не связан напрямую с деятельностью отчитывающегося министерства, указывает на особые обстоятельства, вынуждающие его задать вопрос (2). Сравним с вопросом А.В. Куриного М.А. Топилину, который был задан в рамках правительственного часа 15 марта 2017 года: *«Уважаемый Максим Анатольевич, хочу обратить ваше внимание на системное невыполнение положений Федерального закона № 178-ФЗ "О государственной социальной помощи". <...>. По вашей части, по санаторно-курортному лечению: в 2016 году было выделено 46,6 миллиона рублей, а это только 20 процентов от потребностей <...>. Я думаю, такая же ситуация практически во всех регионах. Долго ещё будет ваше ведомство вместе с Минздравом не замечать этой вопиющей проблемы...?»*. Учитывая просодические характеристики, сопровождавшие выступление А.В. Куриного, можно говорить об острой критике М.А. Топилина депутатом.

Отвечая на проблемные вопросы, содержащие в той или иной степени интенцию критики, представители исполнительной власти, часто прибегают к тактике согласия с предъявляемой критикой. Данная тактика реализуется разными способами в зависимости от того, насколько ярко выражена интенция критики у задающего вопрос: согласие с критикой, признание проблемы и подчеркивание её значимости и др. Рассмотрим примеры.

Отвечая на приведенный выше вопрос, О.Ю. Васильева соглашается с точкой зрения депутата, подчеркивает, что её, как представителя министерства просвещения, волнуют те же вопросы, что и депутата (1), при этом она подчеркивает, что проблема вечная и касается не только деятельности министерства (2): *«Так же как и вы, мы обеспокоены (1) той неувядающей бюрократизацией, которая исторически связана с нашей российской действительностью (2)»* и далее соглашается с критикой: *«Вы правы, когда говорите о большом количестве отчётов для органов надзора»*. М.А. Топилин отвечает на приведенный выше вопрос так: *«Наверное, вы правы в том, что потребности не удовлетворяются, но я вам со всей ответственностью заявляю, что закон выполняется в строгом соответствии с его буквой и духом»*, далее: *«Действительно, есть проблема с обеспечением»*. Отметим, что согласие с критикой сопровождается вводным словом, выражающим мягкую неуверенность – «наверное». В первом, устаревшем своем значении, оно имело иное значение – «точно, наверняка». Толковый словарь Д.В. Дмитриева (2003) так характеризует слово «наверное»: «Вы используете слово *наверное* или *наверно* (в разговорной речи), если вы не совсем уверены, что то, о чём вы сообщаете, является действительным фактом».

За выражением согласия с критикой следует разъяснение докладчика от Правительства РФ. Это разъяснение также ставит своей целью сохранить лицо выступающего (выступающий работает по закону).

В ответе О.Ю. Васильевой в качестве разъяснения своей позиции содержится это указание на путь решения проблемы и достигнутые успехи в данной области: *«Значит, на сегодняшний день **нам удалось** с коллегами договориться, что большую часть материала они берут на сайтах школы. Но самое важное произойдет и должно произойти – это в рамках осуществления национального проекта, потому что будет выстроена, и она готовится, система такова отчетности, что информация будет забита один раз, и достаточно будет одного клика...»*. У М.А. Топилина – указание на ограничение деятельности министерства рамками закона (возможно, скрытый упрек законодательного органа власти): *«В 2004—2005 годах, когда вступил в силу закон и проводилась монетизация, было принято решение, что часть льгот останется по желанию человека в натуральном виде. <...> Это дефект механизма? Может быть, **но закон так установил**»* и далее: *«но ещё раз повторю: ни один из чиновников Минздрава, Фонда соцстраха или Минтруда и региона закон не нарушает, а действует в **строгом соответствии с законом**. Возможно, эта система требует реформирования на законодательном уровне, и предложений здесь достаточно много <...> .Мы неоднократно задумывались над тем, как можно изменить систему санаторно-курортного обеспечения, о которой вы упомянули, но пока не нашли ответа на этот вопрос, здесь откровенно могу сказать, **однако закон исполняется в строгом соответствии с его буквой и духом**»*

Нужно заметить, что данная тактика может быть с определенной долей условности отнесена к тактикам митигации в ситуации выражения несогласия, но также стоит подчеркнуть, что это будет в определенной степени формальной классификацией. На практике, за формальным согласием с критикой следует демонстрация активного участия в решении проблемы, попытка вывести конфликтную тему из фокуса, снять с себя ответственность за проблему, о чем пойдет речь ниже. Только совокупность используемых тактик создаёт митигативный эффект и формирует сложный стратегемно-тактический рисунок диалога депутатов и представителей Правительства РФ.

Рассмотрим тактики формального согласия (псевдосогласия) и средства их реализации подробнее.

1. Тактика согласия с критикой в форме признания существования проблемы (*«Да, действительно, такая проблема/тема есть/существует»*) часто выступает в модифицированном виде и трансформируется в тактику подчеркивания важности рассматриваемой проблемы, вербализуемой односоставным номинативным предложением, в которых предикат имеет при себе согласованное определение, выраженное качественным прилагательным (Adj N₁). К наиболее частотным реализациям данной структуры относятся следующие: *Это (действительно) серьёзная/сложная проблема / сложная/важная/актуальная/острая/горячая/больная/болезненная/ чувствительная тема / серьёзный/сложный/важный/актуальный/острый/ больной/болезненный/чувствительный вопрос* и др. Можно назвать данную тактику тактикой объективации существующей проблемы.

Например, 7 февраля 2018 г. М.С. Орешкин, отвечая на вопрос О.Н. Епифанова (заместителя Председателя Государственной Думы, члена фракции «Справедливая Россия») о поддержке предпринимателей на Севере (так как их положение осложнено так называемыми «северными обязательствами», которые снижают их конкурентоспособность) и его просьбу помочь предпринимателям конкретного района, указывает на серьёзность затронутой темы: *«Это действительно очень серьёзная проблема»*. Интересно, что далее чиновник указывает на активное участие представляемого им министерства в решении данной проблемы: *«сейчас мы с Минтрудом очень плотно работаем над тем, чтобы найти выход из этой ситуации»*, аргументируя необходимость решения экономической проблемы тем, что за ней стоят *«реальные люди с реальными проблемами, и о них забывать нельзя»*. Аналогично поступает М.А. Топилин, отвечая 15 марта 2017 г. на вопрос И.К. Сухарева («ЛДПР») о проблеме безработицы среди молодежи: указывает на значимость данной темы (*«Тема действительно достаточно болезненная»*) и далее демонстрирует, что министерство

активно занимается решением проблемы («<...> я уже сказал об этом, мы работаем над формированием справочника, над формированием списка, на данный момент мы составили список пятидесяти наиболее востребованных профессий»). Причем министр, отвечая на вопрос, указывает как на уже запущенные механизмы, позволяющие решить проблему, так и на дальнейшие пути решения проблемы, используя безличное предложение («нам необходимо развивать»). Аналогично министр поступает, отвечая на вопросы И.И. Фирюлина («Единая Россия»): «Тема сложнейшая в принципе» (приём объективации, указание на важность поднятой проблемы), «Как я уже сказал, **мы начали просто с проверок**, с тем чтобы в регионах вообще задумались об этой проблеме, и, как мне представляется, **нам удалось организовать работу в регионах по этому направлению**» (описание работы текущих механизмов решения проблемы), «И первое, что я попросил... **сейчас мы практически уже завершили с комитетом по труду подготовку поправок в закон о персонифицированном учёте**, чтобы регионы смогли получить легитимное право доступа к данным персонифицированного учёта Пенсионного фонда... <...>» (указание на перспективы решения проблемы). То есть тактика признания проблемы (и подчеркивания её важности) сопровождается тактикой указания на текущую работу по решению данной проблемы и дальнейших предложений по решению данной проблемы.

Однако существует и иной сценарий тактического выстраивания речи-ответа на вопрос депутата, когда, признавая проблему, докладчик указывает на невозможность её решить в силу определенных причин. Например, 17 января 2018 г. И.В. Баринов, отвечая на вопрос И.К. Сухарева («ЛДПР») о проблеме обмана трудовых мигрантов российскими работодателями, указывает на важность и сложность поднятой проблемы «**Тема на самом деле очень острая**, и в последнее время в условиях экономического кризиса она становится особенно актуальной» и следом ссылается на отсутствие полномочий для её решения: «**Напрямую мы не можем на неё влиять**, потому что это всё-таки полномочие наших коллег по правительству, в первую очередь, конечно же, Министерства внутренних дел», но при этом указывает на готовность решать проблему: «**Мы можем решать этот вопрос только в рамках межведомственного взаимодействия <...> Я готов совместно с вами эту работу активизировать**». Иными словами, чиновник приглашает разделить ответственность за сложившуюся ситуацию. Аналогичный пример – ответ И.В. Баринова на вопрос О.Н. Смолина (фракция «КПРФ») о статусе русского языка и его изучении в школах республик, где русские являются представителями не титульной нации: «Естественно, тема, с одной стороны, **очень важная**, а с другой стороны, **очень чувствительная и болезненная**. Конечно же, это больше относится к полномочиям Министерства образования и науки Российской Федерации, и поручение было дано именно минобру и прокуратуре навести порядок в этой сфере, но мы понимаем, что, к сожалению, эта тема возникла не просто так и не на пустом месте <...>».

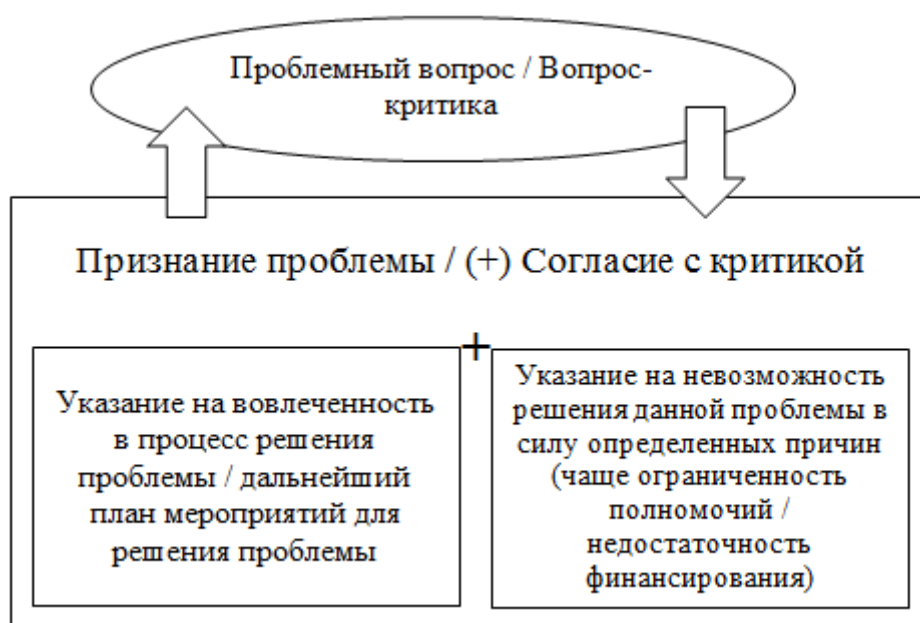
Интересно, что частотны ситуации, когда отвечающий на вопрос представитель правительства РФ, не просто соглашается с важностью и остротой поднятой проблемы, но и далее гиперболизирует оценку важности проблемы. Например, 7 ноября 2018 года О.Ю. Васильева на вопрос О.А. Нилова о низком уровне развития инфраструктуры школы («Ну и когда, скажите, пожалуйста, позорные неуды нашей системы образования за школы без спортивного зала, без канализации, извините, и водопровода будут исправлены?») отвечает так: «...вы подняли минимум пять проблем, которые являются **не просто злободневными, они являются сегодня трагическими**» и далее приводит цифры, которые показывают, что без финансовых вливаний решение обозначенной проблемы невозможно.

2. Тактика прямого указания на правоту собеседника («Вы совершенно/абсолютно правы», «Вы совершенно справедливо заметили», «Я совершенно с вами согласен/согласна» и др.) довольно частотна и реализуется утвердительными свободными двусоставными предложениями, как глагольными, так и без спрягаемой формы глагола. Эта тактика также сопровождается указанием на возможные пути решения проблемы или на невозможность решить данную проблему в силу определенных причин, а значит опять же представляет

собой формальное согласие, которое по сути является несогласием, попыткой вывести проблему из фокуса и попыткой снять с себя и представляемого института ответственность за проблемную ситуацию. Например, министр сельского хозяйства А.Н. Ткачёв, отвечая на вопросы депутата М.В. Емельянова («Справедливая Россия») об отрицательном влиянии вступления России в ВТО для сельского хозяйства, выражает согласие с позицией М.В. Емельянова: *«Объективно сельскому хозяйству вступление нашей страны в ВТО, наверное, не дало каких-то преимуществ, **вы абсолютно правы.** <...>. Что же касается сельского хозяйства, может быть, когда мы будем активно заниматься экспортом, присутствие в ВТО будет делать нас более или менее равноправными партнёрами»*. Интересно, что согласие («абсолютно правы») в речи министра смешивается со снижающими категоричность высказывания языковыми средствами («наверное», «каких-то преимуществ»), с указанием на выгоду вступления в ВТО для других отраслей (но также с вводным словом, демонстрирующим неуверенность), выражением надежды на дальнейшие перспективы благотворного влияния сотрудничества с ВТО для развития сельского хозяйства (также с вводным словом со значением неуверенности). В то же время обнаруживаем иные примеры. Например, 7 ноября 2018 г. О.Ю. Васильева, отвечая на вопрос Е.В. Строковой («ЛДПР») о повышении зарплаты учителям за счёт сокращения ставок в штатном расписании и сведения на нет работы школьных психологов, что в условиях увеличения количества трагедий в Керчи и Архангельске (когда школьники нападали на одноклассников и учителей) невозможно, прибегает к следующим тактикам: соглашается с позицией депутата Е.В. Строковой (*«**Я абсолютно согласна, что ставка 0,25 для психолога и один психолог на такое количество человек — это не то что ненормально, об этом даже не стоит говорить**»*), указывает на то, что ответственность за это лежит на плечах руководителей учреждения (*«**Но я хочу напомнить, что штатное расписание составляется руководителем учреждения, то бишь директором, и директор вправе решать сам — 0,25 или 1**»*), то есть проблема не может быть решена исключительно на министерском уровне.

Частотны случаи, когда признание проблемы и согласие с критикой сопровождаются выражением сопереживания задающему вопрос. (*«Разделяю Ваши опасения», «Нам понятны Ваши переживания»*). Например, 13 сентября 2017 г. А.Н. Ткачев ответил на вопрос И.В. Сухарева (фракция ЛДПР) о проблеме массовой гибели пчёл (90 процентов популяции) и принятии единого правового акта в данной отрасли так: *«**На самом деле разделяю ваши опасения, вопрос очень важный, исторически важный — у нас большие традиции производства мёда, ...**»*. Д.Н. Патрушев, отвечая на вопрос С.И. Казанкова («КПРФ») о необходимости регулирования процесса выбора культур для посева, отмечает: *«**Мы понимаем вашу озабоченность тем, что у нас, по сути дела, не создана система анализа регионов в части выбора культур, которые там правильнее было бы выращивать <...>**»*, а далее ссылается на «бюджетные ограничения», «которые заставляют нас принимать решения по тем вопросам, которые актуальны на сегодняшний день». Причём стоит отметить парадокс. За фразой «заставляют нас принимать решения» скрыто на самом деле сообщение об отсутствии реальных решений (системы анализа регионов с точки зрения выбора культур для посева на тот момент как таковой не существует). Нам представляется, что такая тактика эксплуатирует в той или иной степени значимую для политического дискурса оппозицию «свой/чужой». Например, О.Ю. Васильева, отвечая 7 ноября 2018 года на вопрос от А.Е. Загребина («Единая Россия») о бесплатной перевозке детей на школьных автобусах, которых катастрофически не хватает, подчеркивает это сближение следующим образом: *«Спасибо большое, Алексей Егорович. Вы затронули вопрос, который, безусловно, волнует каждого из нас»*, а далее ссылается на статистику, которая показывает, что работа министерства идёт, но требует дополнительных ассигнований.

Таким образом, схематически результаты нашего исследования можно представить следующим образом:

Предложенные нами к рассмотрению особенности реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации в политическом дискурсе оказались возможны только при реализации в полной мере дискурсивного подхода к анализу феномена, выделение отдельных митигативных тактик без их взаимодействия с другими тактиками представляется недостаточным, ведь «коммуникационный процесс устроен таким образом, что каждый последующий дискурсивный шаг опирается на предыдущий» [12].

Кроме того, такой подход позволяет поставить вопрос об уточнении дефиниции понятия «митигация». Митигация в политическом дискурсе представляется коммуникативно-когнитивным феноменом, а точнее, коммуникативной практикой, которая каждый раз заново создаётся в процессе общения посредством собственно языковых и риторических средств.

Список литературы

1. Caffi C. Mitigation. – Amsterdam: Elsevier. 2007. – 342 p.
2. Czerwionka Lori A. Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on: dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – The University of Texas at Austin, May, 2010. – 260 p.
3. Fräser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4. North- Holland, 1980. – P. 341-350.
4. Martinovski B. Mao W. Gratch J. Marsella S. Mitigation Theory: An integrated approach // Proceedings of the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society 2005. – [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/RTucze> (дата обращения: 05. 03. 2018).
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. – М., 2002. – С.32-43.
6. Каблуков Е.В. Пленарное заседание Государственной Думы: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 309 с.
7. Каракулова С.Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2016. – 224 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2008. – 477 с.
9. Марюхин А.П. Наука и язык. Опыт логического эмпиризма. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 328 с.

10. *Нестерова Т.В.* Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. – № 2 (219), 2010. – С. 57-65.
11. *Нестерова Т.В., Страхова О.А.* Средства и способы снижения категоричности при реализации речевых актов (обиходное общение русских) // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. Москва. – Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 157-169.
12. *Спиридовский О.В.* Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 161-169.
13. *Тахтарова С.С.* Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2010. – 350 с.
14. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Учеб. пособие / Москва: Флинта, Наука, 2006. – 254 с.
15. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
16. *Шляхов В.И. Саакян Л.Н.* Текст в коммуникативном пространстве. – М.: Ленанд, 2017. – 240 с.
17. *Эзех А.О.* Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах (на материале русско- и немецкоязычного диалогического дискурса): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 199 с.

10.02.01

Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
Москва, hongorzul9191@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

ФОРМУЛЫ ПРОЩАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье проанализированы этикетные выражения вежливости при прощании в русском языке. Рассматриваются специфика формул прощания в той или иной ситуации. Приведены примеры национально специфической культуры поведения в при разрыве коммуникации в бытовом общении и в социальной жизни.

Ключевые слова: *речевой этикет, устойчивые формулы общения, формулы прощания, русский язык.*

Речевой этикет немислим вне стили речи. *Стиль речи* - применение языкового стили в данной речевой среде. Различаются стили устной речи и стили письменной речи. К первым относятся *разговорный* С.р., характеризующийся преобладанием обиходно - бытовой лексики и значительной свободой синтаксических построений. К стилям письменной речи относятся стиль языка художественной литературы, деловой стиль (официально-документальный и обиходно-деловой), эпистолярный стиль и др. [1,с.294]

В русском языке обычно выделяют пять основных функциональных стилей: *научный, публицистический, официально-деловой, разговорный и художественный стиль*. Е.Ф.Киров, проанализировав три штиля М.В.Ломоносова, предположил существование трех языковых «штилей» (высокого, среднего, и низкого) для каждого из функциональных стилей речи. Полученная в результате технология стилистического описания (мультистилистика) может включать в себя пятнадцать вариантов, т.е. по три функциональных штиля для каждого из пяти функциональных стилей [2,с.94] .

Таким образом, мы можем определить стиль речи формулы этикета при прощании, а также применить понятие уместной ситуации в зависимости от функциональности стилей.

Особый интерес вызывает акт прощания. Прежде всего, *прощание* - это финальная ситуация общения, которая обязательно находит отражение в формуле речевого этикета, т.е. в финальной реплике, и означает не разрыв отношений, а лишь временный перерыв, после которого общение возобновятся.

Рассмотрим универсальные формулы и выражения, характерные при прощании в рамках высокого штиля многих функциональных стилей речи: Стилистически повышенными выражениями являются: *Разрешите попрощаться!; Позвольте попрощаться!; Разрешите откланяться!; Позвольте откланяться!; Честь имею (откланяться!).*

Также высоким оказывается штиль таких формул в ситуации, когда общающиеся встречаются и расстаются несколько раз в день (например, на работе) для оказания знака внимания при разлуке ненадолго избирают одно из выражений: *Я (с Вами) не прощаюсь!; Мы (с Вами) не прощаемся!; Мы ещё увидимся!; Я ещё увижусь с Вами!*

Однако формула как *Спасибо (благодарю) за внимание* - благодарность аудитории со стороны выступающего, лектора, докладчика характерны преимущественно публицистическому стилю.

Формулы и выражения официально-делового стили при деловой встрече имеют свою специфику: *Хорошо, что мы обо всём договорились...; Мы обо всём договорились.; Мы нашли общий язык.*, при деловой встрече со стороны младшего по положению: *Спасибо за ценные советы; Спасибо, что выслушали меня; Спасибо, что согласились встретиться со мной.* Такие формулы следует отнести к высокому штилю речи.

Для делового общения прощание может предшествовать извинение за отнятое время, достаточно типичное: *Извините, что (я) задержал(-а) Вас;*

Простите, что (я) отнял(-а) у Вас столько времени; Простите, но я не могу больше задержать Вас; К сожаленью, я отнял(-а) у Вас столько времени; К сожаленью, я очень задержал(-а) Вас; Не смею Вас больше задержать; Не смею Вас дольше обременять и др.

Соответственно для формулы и выражения высокого штиля разговорного стиля речи характерен упрощенный, но не лишенный изящества оборот при прощании: *Наше вам с кисточкой* и под.

Полистилистические варианты, возможные в разных функциональных стилях. Наиболее употребительным, нейтральным в стилистическом отношении (и всестилевым) является выражение: *До свидания!*, Но гораздо более осознаваемое говорящим указание на время содержат выражения: *До встречи!; До скорой встречи!; До завтра!; До воскресенья!; До вечера!; До праздника!; До лета!; До связи!* Эти формулы можно отнести к среднему штилю речи.

Особая формула употребляется двояко: в значении до свидания, но в том числе и с оттенком прощания навсегда, например: *Прощайте!*;

Семы скрытого пожелания содержатся в выражениях *Всего хорошего! Всего доброго!* (с устаревшим значением слова «добрый»). Особый (не в прямом значении) родительный падеж в выражениях образован при управлении от глагола *желать*: *Желаю здоровья! Желаю добра!* Тот же оттенок пожелания и в выражении: *Счастливо!* Такие формулы относятся к среднему штилю речи.

Прощению может предшествовать выражение удовлетворения встречей, беседой, проведённым вместе временем: *Я доволен(-льна) нашей встречей; Мы приятно провели время; Мне было приятно(интересно) с Вами поговорить; Хорошо, что мы провели этот вечер вместе. В гостях: У Вас было очень хорошо!; Мне у Вас очень понравилось!; Всё было очень вкусно!; (У Вас) было очень интересно! (приятно! весело!); Вечер удался на славу!*

Прощание может быть с сопровождением выражения сожаления, например: - *К сожаленью, мне пора идти. Я очень задержалась. До свидания,* часто такие выражения сопровождает извинение, например:

- *Извините, но мне нужно идти. Уже поздно. До свидания.* При дружеской встрече: *Спасибо за прекрасный вечер; Спасибо за доставленное удовольствие; Спасибо за всё.* Все эти формулы можно отнести к высокому штилю речи.

Для среднего штиля разговорного стиля характерны такие особенности могут быть применены и выражения прощания до определённого срока, типа: *До вечера; До связи; Ну, всего доброго!* (в последнем примере фактором понижения штиля является частица *ну!*).

Встречаются и ритуальные просьбы при прощании: *Не забывай(-те)(нас)!; Приходи(-те)!; Заходи(-те)!; Звони(-те)! Не пропадай!*

К отъезжающему, соответственно, направлены следующие просьбы: *Приезжай(-те)!; Не забывай(-те) (нас)!; Пиши(-те)!; Не забывай(-те) писать!; Дай(-те) о себе знать!;* В просьбах при прощании может быть выражено внимание к близким, родственникам, друзьям собеседника: *Передай(-те) привет Сашке!(жене, мужу, родителям)!; Привет домашним! (Вашим, твоим, мужу, маме)!; (По)целуй(-те) (детей, дочь, сына)!* Ответной репликой при просьбах, сопровождающих прощание, часто является выражение: *И вы (ты) тоже!; И вы (ты) заходите (заходи); И вы (ты) звоните (звони).* Ответной репликой на просьбу прийти и т.д. оказывается и благодарность: *Спасибо!* Гость может поблагодарить хозяина за вечер, проведённый у него, или за более или менее долгое пребывание. Человек старшего поколения, уезжая от тех, у кого гостил, вместе с благодарностью может выразить и просьбу: *Не поминайте лихом!*, что снижает стилистическую окраску формулы речевого этикета.

Пожелание счастья при прощании передаётся и в выражении: *Будь(-те) счастлив(-а,-ы)!;* Специфические пожелания отъезжающему: *Счастливо! (Счастливого пути!; Доброго пути!; Счастливо доехать!); В час добрый!; С Богом!; Счастливого плавания!* (а перед тем, как сказать эти слова, было в обычае присесть на минуту всем отъезжающим и провожающим (и

помолиться Богу)). Ответной репликой лица старшего поколения на пожелание Счастливого пути! Может быть: *Счастливо оставаться!* Люди среднего и старшего поколения употребляют нередко и такие пожелания отъезжающему, а также начинающему трудное (важное) дело, как: *В добрый путь!; В добрый час!* Все подобные формулы относятся к среднему штилю речи.

Прощаясь с людьми больными, им обычно желают здоровья: *Не болей(-те); Выздоровливай(-те)*, люди старшего поколения могут желать: *Доброго здоровья*. Ответной репликой на пожелание при прощании является, естественно, благодарность, т.е. также выражения: *И Вам (тоже)!; И Вам того же!; И Вам успехов!; И Вам желаю счастья!*

Для низкого штиля разговорного стиля характерны стилистически сниженные реплики, уместные в непринуждённой обстановке по отношению к близким или равным людям: *Всего!; Пока!; Давай!* Прощанье вечером, на ночь, скорее непосредственно перед сном, осуществляется в пожелании: *Споки!* (соответствует: *Спокойной ночи!; Доброй ночи!*) *Ну, всего ! Будь!*

Прежде чем прервать общение и попрощаться, говорящий обычно подводит собеседника к необходимости прощания. Наиболее типичны следующие стереотипные выражения. Упоминание о позднем времени, о том, что пора уходить: *Уже поздно; Пора идти (уходить, расходиться.); Мне пора уходить; Нам пора расходиться; Ну, мне пора; Ну, я пойду; Ну, я пошёл(-шла); Мне нужно (надо, необходимо) идти (уходить); Я должен(-на) идти (уходить)*. Эти вспомогательные фразы относятся к среднему штилю речи.

Таким образом, под речевым этикетом прощания понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных для приостановления контакта в избранной тональности и стилистике речи.

Список литературы

1. Азимов Э.Г, Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). - М., 2009. - 294 с.
2. Киров Е.Ф. Стилистическая парадигма русского языка. Русский язык за рубежом №5., 2016. с.93-99

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Т.Ф. Артамонова, И.В. Уварова канд. филол. наук

Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ПРОФИЛИЗАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
У СТУДЕНТОВ-СТОМАТОЛОГОВ**

В статье уделяется особое внимание профессиональной направленности преподавания иностранных языков в медицинском вузе, что предполагает выработку у студентов умения работать с информацией, извлекать и фиксировать полученные данные, а также использовать их в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *профессиональная направленность, аутентичный текст, стоматология.*

Формирование практических умений и навыков самостоятельно извлекать научную информацию из печатного текста, перерабатывать ее и излагать в устной форме начинается у студентов медиков уже на первом году обучения иностранному языку. Однако обучение может быть эффективным, если оно учитывает профессиональную направленность. Задача состоит в том, чтобы не ограничиваться рамками лишь бытовой и общенаучной тематики, а развивать у студентов умения и навыки диалогического и монологического научно-профессионального общения с узконаправленной коммуникативной целью в той сфере, которая связана с интересами данной группы обучаемых [1, с.23-25].

Основными задачами работы над специализированными текстами, по нашему мнению, являются следующие:

- научить студента понимать оригинальный текст по специальности (имеется в виду правильное и точное понимание как языковых явлений, так и содержащихся в тексте реалий);
- обеспечить активное владение определенным кругом наиболее употребляемых слов и словосочетаний, необходимых для обсуждения конкретных тем (например, «Structure of the Tooth», «Periodontal Diseases», «X-Ray in Diagnosis», «Preventive Dentistry» и т.д.);
- расширить знания о системе здравоохранения в странах изучаемого иностранного языка («Dental Service in the USA and Great Britain»).

Все эти задачи, как практические, так и воспитательные и образовательные, тесно связаны между собой и реализуются практически одновременно. Меняется лишь удельный вес того или иного компонента практических задач (понимание текста, закрепление отобранных для активного владения медицинскими текстами терминов, развитие навыков устной речи) в зависимости от этапа работы над материалом.

Отбираемые для изучения тексты должны быть оригинальными, но в то же время адаптированными для конкретного этапа обучения.

Практика показывает, что тот уровень понимания специального текста, к которому мы стремимся как к конечной цели, достигается быстрее на материале сложных текстов, содержащих разнообразные специфические для медицинского оригинального текста терминосочетания. Именно в процессе преодоления этих трудностей студент и приобретает необходимый для глубокого понимания текста языковой опыт.

Отбираемые тексты должны быть разнообразны по тематике и в достаточной мере насыщены общеупотребительной медицинской лексикой, часть которой из каждого текста будет рекомендована студентам для активного владения. Разнообразие тематики стимулирует интерес и, что особенно важно, позволяет обеспечить более широкий охват медицинских терминов, характерных для разных областей стоматологии. (Dental Therapy, Oral Surgery, Orthopedics, Dental Service).

Важным критерием отбора текстов с точки зрения развития навыков устной речи и лучшего запоминания языкового материала является наличие в них относительного прозрачных логических связей, что очень существенно как при воспроизведении, так и при обсуждении текста.

Основным критерием отбора текстов для осуществления воспитательных задач является их познавательная ценность. Каждый отбираемый для изучения текст должен содержать информацию, заслуживающую внимания и способствующую расширению кругозора студентов [2, с. 41].

Работа над текстами по специальности должна быть выделена в самостоятельный аспект, что предусмотрено в календарных тематических планах в рамках практического курса изучаемого языка. Работа должна проводиться регулярно не реже одного раза в неделю.

Во время работы с аутентичными текстами по специальности преподаватель должен вести учет стоматологической лексики, отбираемой для активного владения, что гарантирует необходимую преемственность и позволяет избежать неоправданного повторения.

Первый этап – первые два занятия – имеет целью проверить понимание содержания и языковой формы текста. Здесь можно использовать следующие задания: 1) прочитать текст (или его часть), выписать незнакомые слова с их переводом и транскрипцией и уметь правильно их произнести; 2) уметь перевести наиболее трудные для понимания абзацы текста. Каждый студент сам определяет для себя эти места, и они могут не совпадать у разных студентов группы. Если преподаватель по той или иной причине хочет сосредоточить внимание всей группы на определенных частях текста, он их предварительно указывает.

До начала работы над текстом студенты получают список медицинских терминов, отобранных преподавателем из данного текста и рекомендованных для активного владения. Этот список в среднем может включать 10-15 лексических единиц (на текст объемом 1000-1200 п.з.).

Первое занятие начинается с фонетической проверки. Преподаватель предлагает каждому студенту по очереди карточки со словами из текста, которые он должен правильно произнести. Проверяются не только трудные в фонетическом отношении слова, но и часто встречающиеся в тексте уже знакомые слова, при произношении которых обычно наблюдаются ошибки, например, caries ['keəri:z], opaque[ə'peɪk], virulence ['vɪr(ə)l(ə)n(t)s], enamel [ɪ'næm(ə)l], aplasia [eɪ'pleɪzə], foramen [fə'reɪmən].

Далее следует выборочная проверка понимания наиболее трудных мест текста (абзацев, предложений). Этому должно уделяться основное внимание на первых занятиях, так как правильное понимание текста – необходимое условие успеха дальнейшей работы над ним.

В целях более экономного использования учебного времени рекомендуется проводить эту проверку с помощью заранее подготовленных карточек с заданиями, которые выполняются студентами в аудитории устно.

Второй этап – следующие два занятия – имеет целью закрепление лексики, рекомендованной для активного владения и развития навыков устной речи на материале текста. Здесь возможны следующие задания:

1) по словообразующим элементам определить принадлежность предложенных в карточках слов к различным частям речи (например, dentition, mucous, equal, fusion, contaminate, vital, disturbance);

2) составить план текста в форме 8-10 вопросов, охватывающих его основные положения, и уметь ответить на них.

Упражнения для закрепления новой медицинской терминологии могут иметь следующие задания:

1) устное воспроизведение, закрепление лексики в ситуациях, в которых она встречается в тексте;

2) более сложные упражнения можно выполнять с помощью заранее подготовленной преподавателем серии карточек с заданиями, выполняемыми студентами устно в аудитории.

Предлагаем образцы таких карточек.

I. Найдите в тексте английские эквиваленты русских предложений:

1. Прорезывание временных зубов начинается с 5-8 месяцев и заканчивается в возрасте 2-3 года.

2. Первыми прорезываются, как правило, два резца на нижней челюсти, затем два резца на верхней челюсти и т.д.

II. Вставьте вместо точек пропущенные слова, используя активную лексику.

It is a well-known fact that the teeth ... marked changes ... in a lifetime (to remain, to undergo, to acquire, to leave).

Приведенные выше образцы карточек, разумеется, не дают полной картины всех возможных типов упражнений для закрепления рекомендованной лексики. Важно то, что такие упражнения должны иметь место при изучении текстов по специальности, если одной из целей является обеспечить активное владение определенным кругом специфичных для данной области медицины терминов. Работа с карточками обычно занимает 10-15 минут, остальное время отводится на работу с текстом.

Что касается заданий, предусматривающих выполнение таких заданий, как «Составьте краткую аннотацию текста», «Сформулируйте основную мысль каждого параграфа одним предложением», «Озаглавьте каждый параграф текста» и т.д., то они выполняются на следующих этапах обучения, когда студенты уже овладели определенными навыками работы с оригинальным медицинским текстом.

На занятии используются оригинальные тексты по таким разделам, как «Dental Diseases», «Diseases of the Oral Cavity», «Prevention of Dental Diseases», «Case Reports», позволяющих научить студента понимать оригинальный текст (здесь имеется в виду правильное и точное понимание языковых реалий) и обеспечить активное владение определенным кругом наиболее употребительных слов и словосочетаний, необходимых для последующего перехода к переводу оригинальной медицинской литературы по специальности без словаря.

Список литературы

1. Сохранов В.В. Условия профилизации профессиональной подготовки студентов. // Известия Тульского государственного университета. Серия. Педагогика. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. 286 с. С.88.
2. Шамова Т.И. Управление профильным обучением на основе личностно ориентированного подхода [Текст] / Т.И. Шамова, А.Н. Худин и др. / М.: Центр «Педагогический поиск», 2006. 160 с.

10.02.04

¹А.А. Гимадеева канд. филол. наук, ¹М.Р. Гараева, ¹Д.Б. Гарифуллина

¹Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, Alfiya-Gimadeeva@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

Статья посвящена выявлению функциональных особенностей заголовков в газетных текстах. Язык газеты меняется быстро, это показатель изменений не только в языке, но и в социуме в целом. В свою очередь, изучение заголовков англоязычных газет актуально, поскольку они являются одним из показателей изменений в языке. При написании данной статьи функциональные особенности газетных заголовков были изучены на материале языка электронных версий газет: The Daily News, The Daily Telegraph, The Guardian, The Independent, The New York Times, The Times, The Wall Street Journal.

Ключевые слова: *англоязычная электронная газета, английский язык, функциональные особенности, газетные заголовки, политические статьи.*

СМИ занимают в современной жизни важное место. Газета является как средством информации, так и средством убеждения. Изучение заголовков англоязычных газет актуально, поскольку они являются одним из показателей изменений в языке. Как известно, язык газеты меняется быстро, это показатель изменений не только в языке, но и в социуме в целом. Общественно-политические темы – ведущие, основные в газете, т.к. в подобных статьях освещаются события внутренней и международной жизни.

Необходимо отметить, что в газетных жанрах могут реализоваться те черты и признаки, которые включает в себе функциональный стиль. Заголовок, в свою очередь, помогает читателю сориентироваться в газетном материале. В лингвистике существуют различные мнения о функциях и особенностях заголовков в тексте.

Вслед за С.В. Ляпуном, мы считаем, что у газетного заголовка есть три основные функции:

- номинативная (служит обозначением текста);
- информативная (передает информацию о тексте);
- прагматическая (оказывает воздействие на интеллект и эмоции адресата – получателя информации) [3 с. 58].

Номинативная функция одна из значимых, поскольку помогает читателю осмыслить замысел автора статьи. Рассмотрим следующие примеры:

- «'Change in people's hearts': anti-Bashir protests put Sudan at a crossroads»
(The Guardian 17.01.2019)
- «Final Say: Downing Street prepares Brexit referendum document claiming it would take longer than a year to organize»
(The Independent 18.01.2019)
- «Republican Lawmaker Floats Bill to Expand Trump's Tariff Powers»
(The New York Times 17.01.2019)

Информативная функция подразумевает сообщение о содержании статьи. Приведем примеры:

- «Boris Johnson: Brexit can unite Britain with low tax, low migration economy»
(The Telegraph 17.01.2019)

- «*Bitte! Stop Brexit and stay with us, Germany asks Britain*»

(The Times 18.01.2019)

- «*Trump Outlines Broader Missile-Defense Strategy*»

(The Wall Street Journal 17.01.2019)

«С точки зрения реализации информативной функции заголовки делятся на две группы: *однонаправленные* и *комплексные*. Однонаправленные заголовки могут быть соотнесены с любым смысловым элементом текста (тема, основная мысль, аналитическая оценка ситуации, иллюстрации к тезисам и т.д.) Комплексный же заголовок актуализирует два или несколько смысловых компонентов текста» [6 с.137].

Рассмотрим следующие примеры однонаправленных заголовков:

- «*Nancy Pelosi's political flex*»

(The New York Times 18.01.2019)

- «*Trump, North Korea's Kim Jong Un to hold second summit*»

(The Daily News 18.01.2019)

- «*Trump and Kim Jong-un to meet again at second nuclear summit*»

(The Guardian 18.01.2019)

Нами выявлены следующие примеры комплексных заголовков:

- «*Women's march' 19 (here's where to go) has some big shoes to fill*»

(The Daily News 18.01.2019)

- «*Find out which Brexit deal is right for you*»

(The Guardian 18.01.2019)

- «*Lawmakers to Investigate Report That Trump Directed Cohen to Lie to Congress*»

(The Wall Street Journal 18.01.2019)

Прагматическая функция оказывает влияние на эмоции читателя и на его интеллект. Заголовок также вызывает интерес к содержанию статьи, поэтому здесь можно говорить и о рекламной функции заголовка как составляющей прагматической функции. Например:

- «*Theresa May will do anything for love, but she won't do that, or that, or that ...*»

(The Guardian 18.01.2019)

- «*Jeremy Corbyn attacks Theresa May over cross-party Brexit talks 'designed to play for time'*»

(The Independent 19.01.2019)

- «*NJ lawmakers question if Governor's inner circle took sexual assault complaint seriously*»

(The New York Times 19.01.2019)

По мнению Г.Г. Хазагеров, у газетного заголовка есть *автономные* функции, характеризующие заголовок как самостоятельное сообщение и *обусловленные*, свойственные заголовку как компоненту текста [5 с. 20-21]. Нами выявлены следующие примеры автономных функций:

- «*How Downing Street calculate 228-vote defeat ... but Theresa May is determined to plough on regardless*»

(The Telegraph 18.01.2018)

- «*Theresa May leaves diplomats in "disbelief" after presenting EU leaders with unchanged Brexit demands*»

(The Telegraph 18.01.2018)

- «*Pelosi gives up on overseas trip, citing security concerns*»

(The Wall Street Journal 18.01.2019)

Приведем примеры обусловленных функций:

- «*Everything you need to know about the vote of no confidence*»

(The Independent 17.01.2019)

- «*Johnson claims he "didn't say anything" about Turkey during Brexit*»

(The Independent 19.01.2019)

- «*No plans for cross-party talks to break Brexit deadlock, says #10*»

(The Independent 19.01.2019)

Таким образом, газетные заголовки выполняют функции информирования, воздействия и служат обозначением текста. Для газетных статей в целом характерна экспрессивная насыщенность и эмоциональность и сила их воздействия зависит и от яркости и образности самого заголовка.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 9-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384с.
2. Богданова О.Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) – Ярославский педагогический вестник, Том 1 (Гуманитарные науки), 2012. – № 3 – С.140-143.
3. Ляпун С.В. Лексико-семантические и стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газеты «Комсомольская правда» за 1994-1998 гг.) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / С.В. Ляпун. – Майкоп, 1999. – 163с.
4. Солганик Г.Я. Лексика газеты: Функциональный аспект (Учебное пособие для вузов по спец. «Журналистика»). – М.: Высшая школа, 1981. – 112с.
5. Хазагеров Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Г.Г. Хазагеров. – Ростов н/Д, 1984. – 157с.
6. Чжан Юэбо Заголовок в газетном тексте как самостоятельная речевая единица, тесно связанная с его содержанием – Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2009. – № 4 – С.137.
7. The Daily News. Режим доступа: <https://www.dailynews.com/>
8. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/>
9. The Independent. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/>
10. The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/>
11. The Daily Telegraph. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/>
12. The Times. Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/>
13. The Wall Street Journal. Режим доступа: <https://www.wsj.com/>

10.02.04

Г.Р. Еремеева канд. педагог. наук, Е.В. Мартынова, Ф.Х. Исмаева канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков для физико-математического направления
и информационных технологий,
Казань, guzeliksanova@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТИ ПЕРЕВОДОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ИТ ТЕКСТАМИ

Статья посвящена анализу использования инструмента, называемого переводчиком памяти, для работы с текстами из сферы ИТ. Актуальность исследования определяет растущий объем текстов, которые могут быть переведены не только людьми. Целью работы является понимание достоинств и недостатков обработки ИТ текстов системой автоматизированного перевода, в которую входит инструмент память переводчика. Результатом эксперимента является характеристика всего процесса перевода с помощью памяти переводов.

Ключевые слова: лингвистика, перевод, память переводчика, сегментация, система автоматизированного перевода, база данных.

В наши дни существуют две основные технологии решения проблемы точного и быстрого компьютерного перевода: системы автоматизированного перевода (САП) и машинный перевод (МП). Инструменты машинного перевода были созданы с целью полного замещения человека в задачах перевода. Программы и утилиты САП предназначались для помощи людям в монотонной и однообразной работе во время выполнения перевода.

Целью этой работы является исследование одного инструмента САП – памяти переводчика (ПП). Формально ПП – это база данных, состоящая из двух массивов: исходный текст и его перевод [2, С. 2-3]. САП разделяет текст на некоторые сегменты, например, предложения или фразы. Это действие нужно для быстрого сравнения двух текстов. Если в следующем тексте программа находит частично или полностью совпадающие фрагменты из ранее сохраненных текстов, то она переведет их автоматически. Человек должен переводить лишь те сегменты, для которых не было найдено совпадения [3, С. 378]. Поэтому ПП – это быстрый и комфортный инструмент для перевода.

С другой стороны, эта технология работает должным образом, если в тексте имеется большое количество ранее встречавшихся сегментов. Более того, это не должны быть фрагменты литературного текста, чтобы избежать неправильной интерпретации значения слова или фразы [4, С. 289]. Поэтому тексты из сферы информационных технологий – это идеальный объект для ПП, потому что они содержат строго формализованные определения слов и символов [5, С. 3-4]. В соответствии с целью исследование перевода ИТ текстов с помощью ПП – это главная задача работы.

Выбор правильной базы данных, которая содержит множество слов из текста для перевода – это важная часть работы с исследуемым инструментом. Если исходная база данных бедна, то не будет большого преимущества в использовании ПП. Поэтому заданием для эксперимента был перевод двух параграфов из книги *Applied numerical methods with MATLAB for engineers and scientists* [1, С. 161]. Первый параграф, называющийся “Newton-Raphson method” был переведен человеком и добавлен в базу данных памяти переводов. Второй параграф под названием “Secant methods” был переведен, используя ранее созданную базу данных. Эти два текста были выбраны для исследования возможностей компьютерного инструмента. Параграфы были взяты из одной главы одной книги. Это позволило сохранить авторский стиль и язык. Также книга содержит термины из областей математики и

программирования, которые вероятно используются в двух текстах. Значения данных слов не изменятся во втором параграфе. Поэтому во время перевода компьютер должен интерпретировать термины корректно. Главной причиной выбора этих двух параграфов послужило то, что они посвящены решению одной задачи. Это условие было необходимо, чтобы увеличить вероятность нахождения совпадающих слов или предложений в обоих текстах.

Также были произведены некоторые дополнительные преобразования исходных текстов. Непереводимые математические формулы и строки кода были исключены из выборки. Все сокращения были замещены полными словами, чтобы избежать лишнего количества точек в тексте. Два данных шага были сделаны для упрощения сегментации текстов.

САП, использованная для эксперимента, называлась PROMT PROFESSIONAL 11. Перевод второго текста выполнялся с различным минимальным процентом совпадения предложений (10, 20, 30).

Согласно цели исследования, эксперимент был проведен в три стадии:

- Перевод первого текста человеком и добавление этого текста в базу ПП.
- Перевод второго текста с использованием созданной базы ПП.
- Перевод второго текста с использованием базы ПП и встроенного словаря IT терминов.

Прежде всего, человек должен перевести исходный текст и проверить его сегментацию в базе данных. К сожалению, смещения между предложением и смыслом возможны при редактировании Vi-text. Также могут возникнуть искажения из-за некоторых символов или знаков препинания, которые были распознаны программой как конец сегмента. Пользователь должен добавить эти символы в список исключений на вкладке, называемой сегментацией исходного текста. Смещение было причиной неудачи с первой попытки. Параграфы исходного текста не соответствовали их значению. Поэтому результат эксперимента был совершенно неверным переводом. У этого плохого результата также были преимущества. Первая попытка показала, что пользователь может редактировать как исходный текст, так и его перевод в ПП. Опытный переводчик может узнать, как избежать перемещения в базах данных. Однако после первого этапа стало ясно, что человек не должен копировать текст из книги или другого источника непосредственно в программу ПП. Текст нуждается в предварительной обработке, описанной выше. Для большого количества слов эти действия могут значительно увеличить время перевода.

Создав базу данных ПП для первого текста, пользователь загрузит второй текст в программу. Также необходимо проверить правильную сегментацию второго текста. Перевод предложения типа «>.» будет невыполнимой задачей для программы.

После проверки сегментации всех текстов пользователь в конечном итоге мог перейти непосредственно к переводу второго текста, который был конечной целью эксперимента. После подключения созданной базы данных ПП пользователь начал перевод. В настройках табуляции ПП указывается минимальный процент соответствия в переводе. Для эксперимента данные числа равны 10, 20 и 30. Результаты использования ТМ представлены в Таблице.

Таблица - Соотношение переведенного объема и минимального процента совпадения

Минимальный процент совпадения	Количество переведенных сегментов	Средний процент перевода
10	17	32
20	17	36
30	11	41

Согласно результатам исследования, количество переведенных сегментов уменьшилось пропорционально росту минимального процента совпадения. С другой стороны, средний процент перевода увеличился в этих условиях. Поэтому более высокий процент совпадения обеспечивал более точный перевод. Тем не менее, это была не очень хорошая работа, потому что 30% составляют менее трети предложения. К сожалению, другая часть должна быть

переведена человеком. Поставщики программ САП рекомендуют пользователям устанавливать 75% процентного соответствия в ПП. В эксперименте эта переменная низкая из-за относительно плохой исходной базы данных, которая состояла только из одного текста. Опытные переводчики в течение многих лет расширяют свои разнообразные базы данных ПП. Для такого большого количества переведенного текста можно установить 75% процентного соответствия. Несмотря на то, что весь перевод не увенчался успехом, ИТ термины, такие как решение, производная и итерация, были правильно переведены, и поэтому технология ТМ может использоваться для обработки ИТ текстов.

Вторая часть эксперимента заключалась в переводе того же текста с использованием не только созданной базы данных ПП, но и ИТ-словаря, который был построен в PROMT САП. Минимальный процент соответствия для ПП составлял 30%. Эта комбинация инструментов позволила перевозить почти 44% второго текста. Результат показал мощь большой базы данных ПП при работе с ИТ-текстами.

В этой статье была затронута лишь одна функция САП - память переводов. Из проведенных исследований можно сделать вывод, что ПП может быть эффективным для выбранных ИТ текстов, но переводчику нужна большая исходная база данных и некоторое время для предварительной обработки. Для относительно плохой исходной базы данных инструмент показал приемлемый процент перевода. Дальнейшие исследования ПП необходимы для текстов из области высоко формализованных сфер науки, таких как физика и химия.

Список литературы

1. *Chapra, Steven C.* Applied numerical methods with MATLAB for engineers and scientists / Steven C. Chapra. 3rd edition, – McGraw-Hill Education, 2011, p.156-163.
2. *Gordon I.* Letting the CAT out of the bag - or was it MT? // Translating And The Computer 18: Proceedings of the Eighteenth International Conference on Translating and the Computer. London, 2018: ASLIB, p.2-3.
3. *Guzel R. Ereemeeva, Polina V. Antonova, Marat A. Yahin.* Linguo-stylistic analysis of statistical and neural machine translation // The Journal of Social Sciences Research. ISSN(e): 2411-9458, ISSN(p): 2413-6670. Special Issue. 1, p: 377-381, 2018.
4. *Hutchins J.* The origins of the translator's workstation: Machine Translation, vol.13, no.4 (1998), p. 287-307.
5. *Kay M.* The Proper Place of Men and Machines in Language Translation: Research report CSL-80-11, Xerox Palo Alto Research Center, Palo Alto, CA, p. 3-4.

10.02.04

О.В. Звада канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, zoksana@inbox.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДИОМ, ОПИСЫВАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ

В данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые лингвокультурологические характеристики идиом, описывающих эмоциональные состояния. Идиоматический фонд английского языка очень богат. На примере рассмотренных идиом в данной статье в некоторой степени представлено разнообразие выразительности и семантики идиом современного английского языка. Рассматриваемые идиомы выполняют коннотативно-культурологическую функцию, которая выражает отношение, между культурной ассоциацией и образно-мотивированной формой языковых единиц.

Ключевые слова: *идиомы, эмоции, коннотация, лингвокультурологический аспект, когнция, слова-дескрипторы.*

Национальный характер представляет собой совокупность своеобразных психологических черт менталитета отдельно взятого народа, а также таких составляющих, как концептуальное видение картины мира, национальные традиции и обычаи в языке и коммуникативном поведении, а также ценностные ориентации.

Ф. Данеш обратил внимание на эмоциональный аспект языка на XIV Международном конгрессе лингвистов в 1987 г. в Берлине, в своём докладе он открыто и убедительно заявил о тесной взаимосвязи между эмоцией и когницией, в котором была показана огромная лингвистическая значимость практического исследования с этой точки зрения.

Существенный фактор изучения идиом состоит в метафоричности эмоций [6], их образной основе. В ряде работ А. Вежбицкой, отмечено, что эмоции определяются при помощи слов, а последние, в свою очередь, обладают культурно-специфичной коннотацией [2].

Для того чтобы слово приобрело статус концепта, необходимо, чтобы оно было общеупотребительным, национальным и активно использовалось в составе фразеологических единиц, пословиц, поговорок, идиом.

Одним из центральных концептов в английской лингвокультуре является концепт, описывающий эмоции в англоязычных текстах и коммуникативном поведении.

В языке наблюдается двойственная реализация эмоций:

- во-первых, они формулируют эмоциональную оценку говорящего, демонстрируя эмотивную окраску речи;
- во-вторых, они детерминируются как некая психическая действительность, существующая параллельно любой другой представляемой реальности. Следовательно, эмотивность можно отнести к лингвистической характеристике речевых средств [3].

В параметрическом анализе семантической структуры идиом эмотивный компонент занимает значительное место, поскольку он преобразован оценочным и денотативным макрокомпонентом. «Наиболее естественным путем изучения семантики эмотивно-оценочной модальности представляется рассмотрение образующих ее чувств-отношений как психических универсалий в форме экстенционалов этих отношений, содержащих целый ряд взаимодействующих переменных, в том числе субъект, объект и характер отношения, место, время и способ его проявления, социальные роли субъекта и объекта (если объект лицо) и т.п. Под экстенционалом понимается набор релевантных черт или параметров, образующих некую типовую ситуацию в мире» [1]. Эти черты укладываются в сознании в виде эмотивной оценки.

Понятие эмосемы было введено в научный оборот В.И. Шаховским: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «презрение», «унижение» и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» [5]. Сема эмотивности релевантна для любого участника диалога, а также для третьего лица. Чувства и эмоции представляются как явления экстралингвистические, в свою очередь, эмотивные смыслы являются компонентами лексической семантики, отражённой в языке. А. Вежицкая классифицирует названия эмоций следующим образом: 1) негативные эмоции; 2) положительные эмоции; 3) негативные эмоции по отношению к кому-либо; 4) рефлексивные эмоции по отношению к себе; 5) эмоции, направленные на отношение к другим людям [2].

Они дают нам информацию о том, что мы переживаем и помогают нам понять, как на это реагировать. Социолингвокультурный концепт, отражающий эмоции в англоязычных текстах, выражается в английском языке множеством лексических и фразеологических единиц, например концепт “joy” (радость) отражает в себе чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселого настроения: *on cloud nine / walk on air* — на седьмом небе от счастья; на вершине блаженства; *jump for joy (take joy; take one's pleasure)* — прыгать от радости; *thrilled to bits* — в восторге; довольный как слон. Реализуясь в идиомах, концепт, выражающий радость представляет эмоциональное состояние, связанное с ощущением приподнятости, приятности от происходящего извне, тем самым провоцируя на положительные эмоции. Словами-дескрипторами, отразившими суть значения фразеологизмов, являются: *joy, pleasure, enjoyment, delectation, fruition, elated, exultant, mirth, joyful, joyous, cheerful, glad, lighthearted, jocund, merry, jolly, buoyant*.

При выделении более узкого семантического концепта от всего поля «happiness», например «laugh», следует отметить, что он обладает особенной семантикой, которая в свою очередь отражает это эмоциональное состояние, когда испытывающий его, не только приятно удовлетворен, но и настроен ярко и открыто. Данный концепт ярко выражен в идиомах: *have a good laugh, he laughs best who laughs last, screams of laughter, burst one's sides, enough to make a cat laugh*, можно выделить слова-дескрипторы: *laugh, ludicrous, comic, farcical, risible, funny, amusing, diverting, jocular*.

Фундамент идиоматического фонда английского языка основывается на влиянии религии, это — католическое христианство в Англии. Идиомы, описывающие эмоциональные состояния, с компонентом «сверхъестественное», используют фразеологические единицы с полным переосмыслением компонентного состава: *to raise the devil/the hell* — устроить ругань, скандал, (поднять дьявола/ад), *blue devils* — тоска (синие дьяволы), *enough to make the angel weep* — грустно так, что можно заплакать (достаточно, чтобы заставить ангела плакать), *one does not give a hoot in hell for smth* — наплевать на что-то (наплевать на что-то в аду).

Углубившись в структуру данного концепта, нам удалось выделить три эмосемы: «дух», «сердце», «смерть». Они нашли свое отражение в идиомах: *with a heavy/leaden heart* — с тяжелым сердцем, когда речь идет о каком-то бремени, павшего на плечи, *take a load/weight off your mind* — свалился камень с сердца / души (букв. снять нагрузку/вес с вашего разума), *keep up one's spirit* — не падать духом, *one's spirit sank* — падать духом, *lowspirits* — упадок духа, *to die for smth* — желать чего-либо сильно,

to be worried to death — волноваться очень сильно (до смерти). Словами-дескрипторами, раскрывающими своеобразие семантики фразеологизмов, являются: *soul, mind, heart, spirit*.

В структуре эмотивных идиом, обладающих отрицательной коннотацией, преобладают фразеологизмы с компонентом — зоонимом, дающие отрицательные характеристики человеку, например:

sly dog — хитрец, человек, *yellow dog* — подлый, трусливый человек;

pigeon hearted — трусливый, робкий; *tame cat* — бесхарактерный человек, драчливый, недружелюбный.

В структуре эмотивных идиом, обладающих положительной коннотацией, так же преобладают лексические единицы с компонентом – зоонимом: (as) bold (или brave) as a lion “храбрый, как лев”; a dolly bird хорошенькая девушка, “куколка”, as quiet/silent as a mouse “тихий как мышь”, “опытный, умеющий что-либо хорошо делать.

Как отмечает В.Н. Телия, идиомы интерпретируются через культурные смыслы, они тесно связаны с современными культурными установками и археологией культуры [4].

Характерная черта рассматриваемых идиом – яркая стилистическая окраска, семантическим критерием которых является оценочный компонент, поскольку основным компонентом процесса ориентирования человека в темпоральном мире является аксиологическое сознание.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. – М.: Наука, 2007. – 624 с. – с. 312 – 314.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание – М. : Наука, 1996. – 416 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие – М.: Academia, 2001. – 202 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 13-21.
6. Хахалова С.А. Роль метафоры в формировании образной и ценностной составляющих концепта // Германистика: перспективы развития. Тезисы всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ольги Ивановны Москальской 27-28 ноября 2014 года. – М: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – с.101-102.
7. Cambridge Dictionary of American Idioms. – Cambridge University Press, 2003. – 512 p.
8. 300+ простых английских идиом, которые поднимут ваш английский на новый уровень. Электронный ресурс: https://www.adme.ru/svoboda-kultura/320-anglijskih-idiom-dlya-teh-kto-v-razgovore-hochet-sojti-za-britanca-2007365/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru. Дата обращения 14.03.2019.

10.02.04

Ю.А. Зеремская канд. филол. наук, О.В. Солодовникова канд. филос. наук

Томский политехнический университет,
Отделение иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки,
Томск, zeremskaya@tpu.ru, sol@tpu.ru

**ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ ПРИ НАПИСАНИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)
НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются способы выражения авторской позиции при написании научных статей на английском языке для зарубежных журналов. Данная проблема является актуальной на данном этапе. В качестве объекта исследования взяты статьи из двух областей (технические науки и филологические науки), опубликованные в журналах, индексируемых в Web of Science. Проведенный количественный анализ статей показал, что способы выражения авторской позиции, используемые автором при написании научной статьи, зависят от того, в какой области исследования работает автор статьи.

Ключевые слова: научный стиль, авторская позиция, дискурс.

В связи с повышением публикационной активности российских ученых в международном научном пространстве, с потребностью публикаций трудов в международных журналах, имеющих высокий международный рейтинг, возникает необходимость изучения особенностей написания научных статей на русском и английском языках с выявлением особенностей их написания.

Проблемы дискурса и дискуссионного анализа в той или иной сфере вызывают большой интерес исследователей. Рассматривая работы по данной тематике, мы пришли к выводу, что понятие дискурса в научной литературе многогранно и исследуется в различных областях (философии, антропологии, психолингвистике, социологии и т.д.) [1]. Филологические исследования имеют при этом большое значение.

Для нашего исследования интерес представляют важнейшие из отличительных черт дискурса – цельность и связанность, точнее говоря, средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц – дискурсивные маркёры. Данные маркёры присутствуют в любом дискурсе и представляют собой языковые единицы, выполняющие структурно-смысловую функцию при структурировании текста [11].

Для грамотного оформления научной публикации необходимо овладение научным дискурсом, который помогает ученым получать и передавать накопленные научные знания. Научный текст создается для передачи авторских знаний, в нем автор пытается передать результаты своих исследований, сделать выводы по своей работе.

В начале работы автор старается привлечь читателя, заинтересовать его данной проблематикой. Он приводит мнения других авторов по данному вопросу и объясняет свое согласие или несогласие по тем или иным вопросам, приводя четкую аргументацию. Согласно И.Ю. Щемелевой [7], особенностью научного стиля является: использование большого количества цитат, большое количество союзов (therefore, moreover и т.д.) разделение текста на части с подзаголовками.

Рассматривая руководство по написанию научных статей, предложенных Университетом Южной Калифорнии, мы выделили советы, которые даются авторам при написании научных статей:

1) следует избегать чрезмерного использования личных местоимений (я и мы), так как это можем показать, что исследование было очень субъективным. Следует ограничить их использование в таких разделах как Introduction, Literature Review, Methodology, Results.

Однако при написании раздела Discussion личные местоимения встречаются, так как именно в этом разделе автор интерпретирует и описывает свой труд.

2) Статья не должна включать региональные диалекты и жаргонные термины, следует использовать только стандартный английский.

3) Следует также избегать слишком длинных предложений, так как это может привести читателя к неправильному толкованию вашего исследования.

4) необходимо избегать расплывчатых ссылок на людей, места и т.п. (e.g., "they," "we," "people," "the company," "that area," etc.), нужна конкретность [10].

Для более четкого представления своей работы автор использует маркёры [2]. Некоторые зарубежные лингвисты (М. Маккарити, М. Халлидэй, Б. Фрейзер) выделяют разные виды маркёров: ср. лексические, грамматические, базовые, маркёры-комментаторы и т.д. [1, 8, 11], которые помогают автору не только обеспечивать связь отдельных элементов текста, но также отразить взаимодействие говорящего и слушающего, выразить оценки и мнения, сравнить и противопоставить разные утверждения.

В данной работе мы бы хотели остановиться на рассмотрении Автора и его использования авторского стиля при формировании научной картины мира, а также больше внимания уделить способам выражения авторской позиции/стиля в научном тексте на примере статей, написанных в двух областях (технические науки и филологические науки).

Авторская индивидуальность ярко проявляется в художественных текстах, но сегодня многие исследователи приходят к выводу, что и в научном тексте можно столкнуться с элементами, показывающими авторское мнение/отношение к написанному тексту. Несомненно, большое влияние на способы выражения авторского мнения оказывает культурный фактор. Особенности различных культур накладывают отпечатки на нормы научной коммуникации.

К.М. Шилихина полагает, что, рассматривая научные тексты, мы можем столкнуться с иронией, которая сводится к извинению перед близкими за неудобства (Acknowledgement), с проявлением автором эмоций по отношению к работам, написанным другими авторами. Особенно ярко это проявляется во время критики того или иного высказывания/утверждения. В связи с этим К.М. Шилихина предлагает избегать «открытых проявлений авторского начала» при написании научной статьи [6].

Описывая межъязыковые особенности научного дискурса на материале английского и немецкого языков, О.А. Загороднова считает, что для данного вида текста характерна ограниченная экспрессивность, однако авторы используют «эмоционально-экспрессивные прилагательные (outstanding, etc.); формы превосходной степени прилагательных (the most interesting thing, etc.); вводные слова, наречия, усилительные и ограничительные частицы, дискурсивные маркёры (highly, entirely, significantly, relatively, etc.); «проблемные» вопросы, привлекающие внимание читателя (What can be done in this case?)» [4].

Б.Ф. Климова полагает, что весь текст научной статьи следует писать от третьего лица. Автор может использовать местоимения первого лица только в заключении (Conclusion). Наиболее ярким и заметным маркёром стиля является использование профессиональных выражений. Для привлечения внимания читателя могут использоваться повторы, модальные глаголы [9].

Согласно Н.А. Кипиани [5], в английских научных текстах можно встретить частое использование личного местоимения 1-го лица в гуманитарных и социальных областях, данное личное местоимение в технических науках авторы не используют. Сравнивая статьи, написанные на русском и английском языках по социологии, автор пришел к выводу, что в английских статьях можно встретить местоимение первого лица довольно часто, в то время как в русских статьях данное местоимение употребляется очень редко, взамен его авторы чаще используют местоимение «мы», которое в английских текстах не встречается. Автор объясняет данную тенденцию в русских статьях основной особенностью русского научного стиля. В русском языке авторы стремятся к обезличиванию и к объективности научного стиля, что характерно для русской культуры.

И.Ю. Щемелева [7] в своей работе выделяет следующие приемы, которые могут быть использованы в научном тексте для усиления авторской позиции: модальные глаголы, употребление оценочных средств и личные местоимения (я, мы).

Н. В. Данилова полагает, что авторская позиция в научном тексте раскрывается при помощи вводных слов («по нашему мнению», «на наш взгляд», «следует отметить», «особенно», «вероятно», «возможно»), с помощью которых автор акцентирует внимание на той или иной информации. На синтаксическом уровне она выделяет следующие языковые средства: риторические вопросы, восклицания, инверсии, повторы, цитаты [3].

Для рассмотрения способов выражения авторской позиции в научных статьях по техническим и филологическим областям нами в качестве объекта исследования были отобраны научные статьи, размещенные на сайте Web of Science, написанные англоязычными авторами. Было рассмотрено 10 английских статей (5 статей по филологическим наукам, 5 статей по техническим наукам (нефтегазовое дело)).

При написании научных статей автор пытается донести результаты своего исследования до читателя и для этого ему необходимо использовать приемы для привлечения внимания читателя к тем или иным моментам. Однако мы не можем забывать, что научный стиль статьи очень специфичен, так как он предназначен для определенной аудитории читателей и следует также не забывать, что основной характеристикой научной статьи является ее объективность.

Полагаем, что для выражения авторского мнения в статьях используются дискурсивные маркёры (маркёры, обеспечивающие связь, маркёры, выражающие отношения автора к написанному), хеджинги (наречия, прилагательные, модальные глаголы и т.д.), конструкция предложения (простое, сложное; речевые обороты), местоимения.

Рассмотрев статьи по разным областям науки, следует отметить следующее:

1) Для научных статей по техническим наукам характерно наличие большого процента терминов; краткие предложения (примерно 15 слов), что сильно упрощает задачу освещения экспериментов и их результатов; использование в 90% пассивного залога.

2) Для научных статей по филологическим наукам характерно присутствие неологизмов (около 10%), преобладание активного залога (около 70%) и довольно развернутые предложения (примерно 30 слов).

Для статьи по техническим наукам характерна «точность и однозначность», «краткость, лаконичность» и «безличность», в свою очередь в статьях по филологическим наукам можно увидеть «эмоциональность», которая помогает сделать речь более убедительной \ выразить свое отношение к написанному. Также для статей в данной области характерна «образность» и наличие риторических вопросов; использование причастных и деепричастных оборотов фиксируется в два раза больше по сравнению с техническими текстами.

Для всех статей характерно наличие союзов, показывающих причинно-следственную связь (since, thus, in order to). Однако, говоря о маркёрах, используемых в статьях, следует отметить, что в статьях по филологии мы чаще сталкиваемся с маркёрами, необходимыми для введения противопоставления (however; nevertheless; alternatively), маркёрами-ссылками на фоновые или предыдущие знания (according to; discussed above; accordingly;). Самой яркой особенностью технических текстов является наличие таблиц и графиков (the table shows that..., the graphs show...) и наличие сокращений (аббревиатур).

Материал, рассмотренный в данной статье, может помочь написать статью на английском языке в соответствии с нормами, принятыми в англоязычных научных текстах. Тема будет далее рассматриваться в последующих исследованиях.

Список литературы

1. Болсуновская Л. М., Зеремская Ю. А., Дубровская Н. В. Виды дискурсивных маркёров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – Томск: ТГПУ, 2015. №4 (157). – С. 117-121.
2. Гейхман Л.К. Дискурс научного текста – взаимодействие автора с идеями других людей // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь: ПНИПУ, 2017. № 2. – С. 97-110.
3. Данилова Н. В. Средства выражения авторского мнения в научно-популярном дискурсе // Молодой ученый. №23(209). [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/209/51245/> (дата обращения: 15.04.2019).
4. Загороднова О. А. Межъязыковые особенности научного дискурса (на материале английского и немецкого языков) // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль, 2016. № 1. – С. 58-62.
5. Кипиани Н.А. Об авторском «я» в академическом дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2 . [Электронный ресурс]. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/6-ob-avtorskom-ya-v-akademicheskom-diskurse-0> (дата обращения: 15.04.2019).
6. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: ВГУ, 2013. №1. – С. 115-118.
7. Щемелева И. Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2013. Вып. 4. – С. 143-153.
8. Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976.
9. Klinova B.F. Scientific Prose Style and Its Specifics. // Social and Behavioral Sciences. 2nd World Conference on Educational Technology Research. – Nicosia (Cyprus), 2013. Vol. 83. – P. 52-55.
10. Organizing Your Social Sciences Research Paper: Academic Writing Style. [Электронный ресурс]. URL: <http://libguides.usc.edu/writingguide/academicwriting> (дата обращения: 15.04.2019).
11. Shiffrin D. Discourse markers. – Cambridge: University press, 1987.

10.02.04

Ю.А. Зеремская канд. филол. наук, О.В. Солодовникова канд. филос. наук

Томский политехнический университет,
Отделение иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки,
Томск, zeremskaya@tpu.ru, sol@tpu.ru

ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЦВЕТ (КРАСНЫЙ/RED)

В работе рассматривается национальная специфика концепта «красный» в русском и английском языках. Данный цвет был выбран для изучения, так как является одним из основных во многих картинах мира. Рассмотрение фразеологических единиц, имеющих в своем составе лексику «красный», приводит к выводу, что национальная специфика употребления данных фразеологизмов может помочь в понимании языковой картины мира.

Ключевые слова: *фразеологизмы, цветообозначение, красный, языковая картина мира.*

Изучение национальных особенностей языка остается актуальной проблемой для различных наук: лингвистики, филологии, культурологии, философии. Для улучшения межкультурной коммуникации необходимо проявить интерес не только к языку, но и к традициям, истории народа. Поэтому сегодня многие лингвисты заинтересовались проблемой взаимодействия языка и культуры. Каждая культура опирается на свое уникальное видение мира. Именно в языке можно найти представления народа о мире, язык помогает раскрыть культуру, историю и традиции народа. Каждый народ по-своему описывает окружающую действительность и, как результат, языковая картина мира может сильно отличаться даже у родственных языков.

В связи с этим, некоторые фразы трудно перевести с одного языка на другой, так как они являются уникальными, и для них нет аналогов в другом языке. Поэтому переводчики сталкиваются с большими трудностями [2]. Национальную культуру определенного языка ярко выражают цветоименования и, поэтому, являются значимыми для воссоздания национальной картины мира [4]. Рассмотрение семантики цветоименований позволит более ярко и полно описать национальную культуру этноса, а выявление общих и частных особенностей цветоименований оптимизирует межкультурную коммуникацию, что также поспособствует формированию норм взаимопонимания [1].

Как уже было упомянуто выше, одним из основных понятий в языковой картине мира является цвет. Цвета могут отличаться по принципу: бесцветные/цветные; теплые/холодные; основные /смешанные [4]. Сегодня многие зарубежные и отечественные ученые занимаются проблемой выявления особенностей цветообозначения у разных народов мира (В.А. Маслова, А. Вежбицкая, С.Г. Тер-Минасовой, А.А. Уфимцева и др.). В своем исследовании Б. Берлин и П. Кей [9] рассмотрели почти 100 языков мира и выделили для каждого языка базовые цвета. Они определили, что для всех языков характерно наличие понятий «белый» и «черный» и многие исследователи объясняют это противопоставлением дня/ночи, добра/зла [2]. Третьим же базовым цветом является «красный».

Ф.А. Тугушева полагает, что красный цвет был популярен у многих этносов, так как именно этот цвет оказывает очень сильное воздействие. Почти во всех этносах красный цвет ассоциируется с кровью и огнем [7].

Рассматривая цвет «красный» в русском языке, П.Я. Черных дает следующие значения: «революционный», «прекрасный/красивый» (устаревшее значение), которое сохранилось в устойчивых словосочетаниях «красная девица», «лето красное» «красно солнышко» [8]. В советский период слово «красный» получило большое распространение, так как именно в это время появляются новые слова (ср. красная армия, красногвардеец, красноармеец). Также выделяется еще одно устаревшее значение «парадный, почетный» (ср. красное крыльцо (парадное крыльцо)) [5].

Рассматривая лексему «red», следует отметить, что данный цвет очень популярен в Англии (ср. *red rose* «красная роза» (эмблема Англии), *красный автобус*, *красная телефонная будка*, *красные мундиры*).

Входя в состав идиоматических выражений, лексемы «красный» и «red» перестают нести только общепринятое значение цвета, в их семантике начинает отражаться культурная составляющая этноса (ср. «*красное словцо*» (*остроумное, меткое выражение*) и «*red letter day*» (*праздничный день*)).

В данной работе мы рассмотрим идиоматические выражения, включающие в свой состав лексемы «красный» и «red». Согласно Б. Берлин и П. Кей данный цвет является вторичным цветом, следовательно, можно предположить, что он имеет древнее происхождение и часто используется как в русском, так и в английском языках.

Цель данной работы – выявить особенности семантики идиоматических выражений с компонентом «красный/red» в русском и английском языках.

Для достижения цели были привлечены такие словари как: «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Словарь русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, A Short Etymological Dictionary of Modern English.

В этимологических словарях лексема «красный» имеет следующие значения: имеющий окраску цвета крови (ср. *Солнце взошло ... красное как кровь.*); относящийся к революционной деятельности (ср. *Он воевал на стороне красных.*); красивый, прекрасный (поэтическое значение) (ср. *красны девицы*); радостный, счастливый (устаревшее значение) (ср. *Я видел красный день: в России нет раба*); ясный, яркий (поэтическое значение) (ср. *красное солнышко*); парадный, почетный (устаревшее значение) (ср. *красное крыльцо*) [6].

Лексема «red» несет в себе следующие смыслы: красный как кровь или «рыжий» (ср. *red hair* «рыжие волосы»; коммунистический; долговой, анархист) [10].

Рассматривая идиоматические единицы, следует отметить, что количество единиц с негативным значением (ср. *caught red-handed, red flag, red ink, not a red cent, etc.*) больше, чем с положительным (ср. *red-letter day, red carpet*) почти в три раза. Идиома *red-letter day* - «праздничный день; счастливый день» (ср. *The last day of school before summer vacation is a red-letter day for the students.*) пришла из средневековья и обозначала особые дни, такие как религиозные фестивали, дни празднования святых. Интересной фразой является *red pill* «прививка правды», которой противопоставляется фраза *blue pill* «пилюля иллюзий», которые появились в 1999г. после выхода фильма «Матрица» где главному герою на выбор давали две пилюли (ср. *Taking that philosophy course was like choosing the red pill - I feel like my eyes have really been opened*).

Две самые распространенные фразы, имеющие негативное значение, *red alert* «чрезвычайное положение» и *red light* «красный свет (сигнал опасности)» и в них заложена сема «опасность». Первая идиома часто используется как высший уровень тревоги во многих системах оповещения, а вторая идиома (*red light*) может трактоваться как знак тревоги.

Лексема «red» употребляется для обозначения этнической принадлежности (ср. *Red Indian* «индеец; индианка», *red-head* «индейцы»). Данная лексема также используется для обозначения политических взглядов (ср. *Red China* «коммунистический Китай», *better dead than red* «лучше быть мёртвым, чем красным» (слоган времен «холодной войны», появившийся в США в 1950-х, призывал к ядерному разоружению)). Лексема «red» входит в состав словосочетаний, имеющих сему «злость» (ср. *see red* «обезуметь от ярости; рассвирепеть», *red in tooth and claw* «дикий и агрессивный»).

Есть словосочетания с семой «преступление» (ср. *caught red-handed* «застать на месте преступления» *She was caught red-handed while shoplifting*, или *red herring* «ложный след, уловка»).

Также в идиомах с лексемой «red» заложена сема «финансовый крах» (ср. *bleeding red ink* «терпеть убытки» и *not a red cent* «ни гроша»).

В русском языке много словосочетаний, в состав которых входит лексема «красный». Начиная с 11-12 вв. употреблялось слово «червлёный», которое обозначало красный цвет, а уже в 16 в. на его замену пришла лексема «красный» [3]. В русском языке большинство идиоматических единиц носят положительное значение (ср. «красное платье» - платье как признак достатка, «красна девица» - красивая, молодая девушка, «красный день» - солнечный, положительный, «красное словцо» - остроумное, меткое выражение).

Среди отрицательных значений следует упомянуть сему «стыд» (ср. «покраснеть как рак»). При описании флоры и фауны лексема «красный» употребляется со значением «редкий, дорогой» (ср. «красная дичь» (самая лучшая болотная дичь), «красный зверь» (зверь, наиболее ценный для охотника), «красное дерево» (древесина высших сортов)).

Словосочетания «проходить красной нитью», «красная строка» несут в себе сему «важный». Интересными являются устаревшие словосочетания (ср. «красный двор» (барский двор), «красный ряд» (торговый ряд, в котором продавались ткани, мануфактура) и «красный товар» (ткани, мануфактура)).

Рассматривая идиомы с лексемой «красный/red», мы обратили внимание на следующие выражения «not a red cent» (ни гроша), «red money» (финансовый потери) и «красная цена» (наивысшая цена, которую можно дать за что-либо). Как видно из словосочетаний лексема «красный» в этом случае несет положительное значение, а лексема «red» - отрицательное.

Изучение сходства и различия фразеологизмов на разных языках, содержащих цветообозначение, помогает в выстраивании более точной языковой картины мира, что, в свою очередь, дает нам возможность как лучше понять информацию на иностранном языке, так и передать информацию с родного языка на иностранный.

Список литературы

1. Баинова О.А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. на соискание степени к. культурологии. – Улан-Удэ, 2005. – 20 с.
2. Зеремская Ю.А., Солодовникова О.В. Эволюция дихотомии «черный-белый» в национальной специфике цветообозначения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. (в печати)
3. Кезина С.В. Микросистема красного цвета в истории русского языка (семантический аспект) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза: ПГУ, 2009. № 1. – С. 83–91.
4. Козлова Н.Н. Цветовая картина мира // Ученые записки ЗабГГПУ. – Чита: ЗабГГПУ, 2010. № 3(32). – С. 82-88.
5. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМПЮ. 2010. – 874 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.04.2019).
7. Тагушева Ф.А. Семантика цветообозначений в разносистемных языках: На материале балкарского, русского и французского языков: автореф. дис. на соискание степени к. филол.н. – Нальчик, 2003. – 23с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е издание. Том1. – Москва: Русский язык, 1999 – 624с.
9. Hardin C.L. Berlin and Kay Theory. [Электронный ресурс] URL: http://imbs.uci.edu/~kjameson/ECST/Hardin_BerlinKayTheory.pdf (дата обращения: 17.04.2019).
10. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/red#other-words> (дата обращения: 15.04.2019).

10.02.04

Ю.Н. Зинцова канд. филол. наук, П.Д. Казакова канд. филол. наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт филологии и журналистики,
кафедра зарубежной лингвистики,
Нижний Новгород, zintsova@mail.ru, kazakova.unn@mail.ru

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «MANN UND FRAU / МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Целью настоящего исследования является изучение гендерной специфики ассоциативного поля языковых образов мужчины и женщины в представлениях носителей немецкого языка посредством свободного ассоциативного эксперимента. Анализ полученного ассоциативного поля выявляет уровень значимости социальных ролей и специфику доминирования семантических кластеров в немецкой культуре.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультура, национально-культурная специфика, гендерная лингвистика, ассоциативное поле, ассоциация, свободный ассоциативный эксперимент.

Метод ассоциативного поля для изучения картины мира применяется с целью получения дополнительной специфической информации об особенностях функционирования языкового сознания человека или целой нации. Это дает основание полагать, что исходя из совокупности ассоциаций слова возможна более адекватная характеристика концептуальных моделей языковой картины мира, а психологически реальное для носителей языка содержание понятия позволяет вскрыть традиционные модели поведения и определенную систему связей и представлений, свойственных данному социуму [4, с. 195-196; 3, с. 21].

Одним из самых эффективных инструментов исследования специфики языкового сознания в малых социальных группах является ассоциативный эксперимент – прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [5, с. 58-65; 2, с. 27-28]. Изучение ассоциаций, полученных путем ассоциативных экспериментов, реализуется на основе собранных с их помощью ассоциативных норм или ассоциативных полей. Ассоциативным полем слова, по сути, является совокупность ассоциатов (реакций) на слово-стимул, которое имеет ядро – наиболее частотные реакции, и периферию [1, с. 131].

Исследование функционирования гендерно маркированной лексики в немецком языковом сознании, позволяющее выявить гендерные и культурные стереотипы представителей немецкой культуры, является актуальной и интересной задачей. В рамках данного исследования описываются результаты свободного ассоциативного эксперимента, проводимого в августе-октябре 2018г. с участием представителей немецкоязычной лингвокультуры с целью определения уровня значимости понятия «мужчина и женщина» для языкового сознания носителей немецкого языка. Испытуемым предъявлялось словосочетание-стимул «Mann und Frau / мужчина и женщина» и предлагалось зафиксировать возникшие относительно данного выражения ассоциации. В эксперименте принимали участие 25 немецкоговорящих студентов 18-26 лет. Половые различия при этом не учитывались, все участники эксперимента находились в равных условиях (одна возрастная группа, сходные характеристики помещений, в которых проводился эксперимент: освещенность, отсутствие звуковых раздражителей, и т.д., одинаковые инструкции, предъявленные респондентам, и т.п.)

В результате проведенного эксперимента был получен корпус ассоциаций, состоявший из 75 единиц. Анализ ассоциатов позволяет сделать следующие выводы:

1. Реакциями на словосочетание-стимул «Mann und Frau» являются следующие вербализованные ассоциации: *die Beziehungen/отношения, die Gleichberechtigung/равноправие, die Partnerschaft/партнерство, die Geschlechterrolle/гендерная роль, die Liebe/любовь, die Freunde/друзья, die Diskriminierung/дискриминация, die Emanzipation/эмансипация, die Eltern/родители, das Kind/ребенок, die Familie/семья, das Leben/жизнь, die Pflichten/обязанности, das Paar/пара, der Flirt/флирт, der Haushalt/домашнее хозяйство, das Interesse/интерес, die Ehe/брак, die Sorge/забота, die Ergebenheit/верность, der Respekt/уважение, der Nachwuchs/потомок, die Verantwortung/ответственность, der Schutz/защита, die Generation/поколение, die Sympathie/симпатия.*

2. На основе наиболее частотных ассоциаций носителей немецкого языка было выделено ядро ассоциативного поля «Mann und Frau / мужчина и женщина», состоящее из двух наиболее частотных реакций респондентов: *Beziehungen* (8 ассоциатов) и *Gleichberechtigung* (6), имеющих нейтральную эмоциональную окраску. Необходимо отметить, что для немецкой молодежной среды важными понятиями взаимодействия между мужчиной и женщиной являются непосредственно отношения, основанные на равноправии, что типично для европейского языкового сознания.

3. В исследуемом ассоциативном поле выделяется обширная околоядерная зона, плотность которой составляют 8 реакций на предъявляемое словосочетание-стимул. К ним относятся такие ассоциации, как *Partnerschaft* (5 реакций), *Geschlechterrolle* (5), *Liebe* (5), *Freunde* (5), *Diskriminierung* (4), *Emanzipation* (4), *Eltern* (4), *Kind* (4). Как показывает статистический анализ, дающими положительную оценку отношениям между мужчиной и женщиной и в тоже же время доминирующими понятиями в данной зоне являются «партнерство», «любовь», «друзья», «дети», «родители». Характерным оказалось также наличие негативных ассоциативных признаков в немецких лексических вербализациях: *Emanzipation* и *Diskriminierung*. Причиной появления в сознании немцев данных ассоциатов послужила политическая обстановка в Европе, борьба женщин за равноправие полов, феминистические движения и дискриминация людей по половому признаку.

4. Периферия исследуемого ассоциативного поля является самой насыщенной по количеству ассоциатов зоной и включает в себя 16 реакций, большинство из которых единичные: *Familie* (3), *Leben* (2), *Pflichten* (2), *Paar* (2), *Flirt* (2), *Haushalt* (2), *Interesse* (2), *Ehe* (2), *Sorge* (2); *Ergebenheit* (1), *Respekt* (1), *Nachwuchs* (1), *Verantwortung* (1), *Schutz* (1), *Generation* (1), *Sympathie* (1). Все ассоциаты характеризуются положительной или нейтральной эмоциональной окраской. Примечательно то, что понятия «семья» и «брак» имеют достаточно низкую частотность реакций. Можно заключить, что для немцев не типичны понятия семейных ценностей, единства, союза, человек представляется как отдельный индивид, а не как составляющая брачных отношений.

5. В данном ассоциативном поле обращает на себя внимание компонент, выражающий мнение немецких респондентов относительно детей. В структуре поля это представлено двумя ассоциациями: *das Kind* и *der Nachwuchs*. Наличие в немецкой языковой картине мира реакций с синонимичным значением свидетельствует о положительном отношении немецкоязычных студентов к детям в семье. Однако употребление вербализаторов в обоих случаях в единственном числе дает основание сделать соответствующий вывод о желаемом немцами количестве детей.

Проведенный ассоциативный эксперимент позволил также расклассифицировать полученные ассоциации по типичным признакам и выделить несколько семантических зон, по которым распределяются вербальные реакции:

1. «Реалии»: *die Beziehungen, die Gleichberechtigung, die Partnerschaft, die Geschlechterrolle, die Diskriminierung, die Emanzipation, die Familie, das Paar, die Verantwortung, das Leben* (10 ассоциаций).

2. «Эмоции, чувства, состояния»: *die Liebe, die Freundschaft, das Interesse, die Sorge, das Respekt, die Sympathie, die Ergebenheit* (7).

3. «Персоналии»: *das Kind, der Nachwuchs, die Generation, die Eltern* (4).
4. «Деятельность»: *die Pflichten, der Schutz, der Haushalt* (3).
5. «События»: *die Ehe* (1).

Было выявлено, таким образом, что основным в немецком языковом сознании является не наличие чувств и эмоций, связанных с развитием отношений между мужчиной и женщиной, а набор определенных реалий, довольно отвлеченно характеризующих данное понятие как с положительной стороны (*Partnerschaft, Familie, Verantwortung*), так и негативно (*Diskriminierung, Emanzipation*). Семантический кластер «эмоции, чувства, состояния» не столь многочисленный, как группа «реалии», однако характеризуется довольно разнообразными эмоционально-оценочными реакциями, которые передают нравственно-ценностные характеристики современных немцев: дружба, интерес, уважение, симпатия, забота и т.д. (*Liebe, Freundschaft, Respekt, Sympathie*). Семантическая зона персоналий представлена всего лишь 4 единицами, однако они формируют некую парадигматическую систему, включающую родо-видовые и синонимические отношения: поколение – родители, ребенок / потомок (*Generation, Eltern, Kind, Nachwuchs*). Наименее репрезентативными являются семантические кластеры «деятельность» и «события». Зона «деятельность» включает в себя понятия «обязанности», «домашнее хозяйство» (*Pflichten, Haushalt*), т.е. отношения между мужчиной и женщиной накладывают некие обязательства, которые следует выполнять. Семантическая группа «события» представлена единичной реакцией «брак» (*Ehe*).

Таким образом, проведенный анализ ассоциативных реакций немецких респондентов позволяет представить организацию ассоциативного поля «мужчина и женщина», существующего в немецкой картине мира, и выявить его национально-культурные и гендерные особенности.

Список литературы

1. Белянин В.П. *Психолингвистика*: учебник. М.: Флинта, 2004. 232 с.
2. Зинченко В.П. *Большой психологический словарь*. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
3. Плисов Е.В. *Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира* // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2016. №2. С. 20-31.
4. Прокопьева Н.Н. *Языковая вариативность и проблемы межкультурной коммуникации* // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 195-200.
5. Стернин И.А. *Методика исследования структуры концепта* // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58-65.

10.02.04

Р.М. Иксанова канд. филол. наук, И.П. Цепкова

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы,
кафедра английского языка,
Уфа, englingua@mail.ru

**ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ РЕАКЦИЙ
НА ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СИТКОМОВ)**

В статье представлены результаты анализа речевых реакций на директивные высказывания на материале англоязычных ситкомов с позиции их языкового оформления и прагматического обоснования их употребления в речи.

Ключевые слова: *дискурс, директивный речевой акт, речевая реакция, прагматика.*

В настоящее время необходимость участия все большего числа людей в процессе иноязычной коммуникации ставит проблему обучения адекватному использованию языка в ситуациях непосредственного общения людей с учетом лингвистических и прагматических факторов, определяющих специфику языка и менталитета народа – его носителя. В связи с этим обращение к исследованию директивных речевых актов и реакций на них как составляющих диалогического дискурса представляется актуальным как с позиции развития теории дискурса, так и в плане практического использования материала при изучении английского языка. Новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые проводится анализ речевых реакций на примере диалогов в популярных британских и американских молодежных ситкоммах, представляющих интерес в плане их максимальной приближенности к репрезентации современного молодежного дискурса в обыденных ситуациях.

Цель работы – исследовать способы речевого оформления реакций на разные типы директивных речевых актов – предполагает решение ряда задач, включающих рассмотрение понятий дискурса и речевых актов, анализ языкового материала на предмет выявления директивных речевых актов и реакций на них, классификацию речевых реакций в зависимости от типа предшествующих им директивных высказываний.

Вопросам изучения дискурса посвящали свои труды такие ученые, как З. Харрис, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон и У. Чейф, Т. А. Ван Дейк Э. Бенвенистом, П. Шародо, М. Пешё, П. Серио и др. [4, 9, 14], которые далеко не всегда однозначно трактовали данный феномен.

Российские и белорусские ученые, в частности, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Е.Ф. Киров, сходятся в том, что дискурс – это многоуровневое языковое явление, включающее в себя как письменные и устные тексты, так и ситуации их создания и использования, что обуславливает возможность применения различных подходов к изучению дискурса: прагмалингвистического, психолингвистического, структурно-лингвистического, лингвокультурного и социолингвистического [1, 6, 8].

Среди множества подходов к исследованию дискурса можно выделить основные принципы его классификаций:

- зависимость от составляющих компонентов речевого общения: формы и сценария общения, социальных ролей коммуникантов, видов и сферы коммуникации, характера отношений между ее участниками и т.д.;

- форму передачи информации, в зависимости от которой дискурс можно поделить на устный и письменный, а также выделить третий тип дискурса, «основанный на электронном способе передачи информации». [3];

- «предназначенность дискурса», то есть то, для кого он предназначен. Здесь различают персональный и институциональный, или статусно-ориентированный типы дискурсов.

Дискурс может быть представлен в форме монолога, диалога или в виде полилога. В нашей работе мы уделяем особое внимание диалогическому дискурсу и анализируем речевые реакции коммуникантов именно в рамках данной формы общения.

Составной частью дискурса являются речевые акты. Под речевым актом понимается «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного речевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации». Иными словами, речевой акт, в традиционной теории речевых актов, рассматривается как единица коммуникации [9].

Целью речевого акта является оказание воздействия на адресата для того, чтобы он смог определить, какое речевое действие направляет на него адресант: побуждает, декларирует что-либо, выражает свое психологическое состояние (благодарит, поздравляет), принимает на себя обязательство и т.п. [5].

Традиционная типологическая система речевых актов, разработанная американским философом Дж. Сёрлом, в первую очередь основывается на цели речевых актов и включает пять основных типов: репрезентативы (сообщения о положении дел и т.п.), директивы (приказания, просьбы и т.д.), коммисивы (обещания, клятвы и т.д.), экспрессивы (извинения, соболезнование и т.д.), декларации (акты назначения на должность, увольнения и т.п.) [10].

В данной работе особое внимание уделяется директивным речевым актам и реакциям на них. По мнению Е.И. Беляевой, «директивный речевой акт знаменует начало речевой интеракции в диалогическом единстве, для успешной реализации которой требуется ответная реакция со стороны адресата». [2].

Е.И. Беляева выделяет три основных типа директивов: 1) прескриптивные, т.е. предписывающие действия адресата; 2) реквестивные, т.е. побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего; 3) суггестивные, т.е. выражающие совет.

Данная типология построена на трёх основных прагматических признаках: а) облигаторности выполнения действия для адресата;

б) бенефактивности действия для одного из коммуникантов;

в) приоритетности положения говорящего или адресата.

Каждый тип директивов, в свою очередь, включает несколько разновидностей директивных речевых актов, которые характеризуются своим набором различительных признаков. Так, среди прескриптивных речевых актов выделяют: приказ, разрешение, запрещение, инструкцию, предписание, заказ. К реквестивным директивам относятся просьба, мольба и приглашение. Суггестивные директивные речевые акты включают: совет, предложение и предупреждение.

Анализ речевых реакций на директивные речевые акты проводился с учетом прагматических признаков, упомянутых выше.

В качестве материала исследования были использованы примеры директивных высказываний, взятых из британских и американских ситкомов, таких как «My Family» (2000-2011 гг.), «8 Simple Rules for Dating My Teenage Daughter» (2002-2005 гг.) и «Young Sheldon» (2017-2019 гг.).

Речевые реакции на прескриптивные высказывания

Ситком «8 Simple Rules for Dating My Teenage Daughter», рассказывающий о семье, в которой отец не желает смириться с тем, что его дочери подросткового возраста становятся совсем взрослыми и перестают беспрекословно следовать его указаниям, содержит достаточное количество примеров прескриптивных речевых актов. Большую часть прескриптивов, употребляемых главным героем, составляют приказы, ответные реакции на которые были выражены с помощью:

- кратких утвердительных высказываний, не содержащих название действия или указание на него и включающих в себя наречия:

You're in charge of the kids today. – *Oh, right!*

I'll take you to the mall, but finish your breakfast first. – *Sure mum.*

- реплики-обоснования, выраженные сложными утвердительными предложениями:

Stop calling me «Teddy Bear»! – *Kerry, I am your father, I think I can afford calling you like that.*

- реплики-обещания, выраженные утвердительными предложениями со сказуемым в будущем времени:

Listen, Teddy Bear, I know I can't understand you sometimes and this time isn't an exception, but why don't you tell me what really happened? – *OK, I'll try;*

- реплики-альтернативы, меняющие тему разговора, выраженные вопросительными предложениями (часто с разделительным вопросом):

Get a head start putting that dish in the sink and I'll help when I get back. – *Kate, you don't happen to know the score of the game, do you?* [13]

Все эти реплики были произнесены членами одной семьи в рамках бытового речевого общения, что позволяет нам отнести рассматриваемый дискурс к персональному типу, который характеризуется отсутствием строгого следования нормам речевого поведения в речи коммуникантов.

Безусловное влияние на речевую реакцию собеседника оказывает и цель самой интеракции. Так, в первом примере мы видим часть диалога мужа и жены. Целью прескриптивного высказывания жены является напоминание её супругу об их договорённости о том, что он присмотрит за детьми в её отсутствие. Реакция её мужа в данном случае не может быть отрицательной, так как ситуация была оговорена заранее и говорящий полностью перекладывает на адресата свои обязанности, которые некому выполнить кроме него. Адресат в данном случае не имеет выбора, поэтому единственным возможным выбором реакции является согласие, причём в достаточно краткой форме.

Особенно стоит отметить влияние возрастных особенностей коммуникантов на реакцию адресата. Так, во втором примере мы наблюдаем интеракцию между несовершеннолетней дочерью и её отцом: прескриптивное высказывание младшей дочери обозначает её негодование по поводу того, что отец обращается к ней, как к ребёнку. Своей речевой реакцией отец напоминает дочери о том, что он намного старше неё.

Немаловажную роль в выборе речевой реакции на директивы адресанта играет степень близости отношений коммуникантов. Третий пример показывает нам интеракцию, в которой в качестве адресанта выступает отец, а в качестве адресата – его старшая дочь. Цель прескриптивного высказывания отца – заставить дочь объяснить ему некую ситуацию, неприятную для обоих коммуникантов. Положительная реакция адресата в данном случае, выраженная в краткой форме, обусловлена наличием доверительных отношений между коммуникантами, основанных на их близком родстве. Однако, ответной речевой реакцией на подобное высказывание может стать и длинное распространённое предложение: *Bridgie, the truth, come on. – All right, well I was trying to run into Kyle and I hoped he'd ask me to the homecoming dance, but that's not gonna happen* [28].

Речевые реакции на суггестивные высказывания

Значительное количество примеров суггестивных высказываний было выявлено в американском ситкоме «Young Sheldon», повествующем о жизни юного вундеркинда и его семьи, старающейся смириться с исключительными умственными способностям мальчика и помочь ему адаптироваться в мире обычных людей.

По сюжету, родители юного гения обеспокоены увлечением сына наукой, в особенности его религиозная мать. Брат и сестра юного героя тоже далеко не примеры для подражания: старший брат плохо успевает в школе и часто затевает драки со сверстниками, а младшая сестра любит сквернословить, не стесняясь делать это даже в присутствии взрослых. В данной ситуации, мать семейства очень часто употребляет в речи суггестивные высказывания в виде советов, адресованных её детям, ответные реакции на которые выражены с помощью:

- реплики-обоснования в форме утвердительного или вопросительного предложения, содержащего название действия или указание на него:

Why don't you go outside and play a bit? It's a so nice day! – *"Go play", if only life was that simple.*

Sheldon, I think you don't really need your tie. – *"Don't need my tie"? But I do need it, Mum!*

- реплики-ссылки, выраженные в форме сложноподчинённых предложений с союзной или бессоюзной связью:

You should praise any improvements that you've made. – *Hmm, and my book says this is a stupid way to feel complimented.*

Sheldon, you should have told us the truth. – *But Meemaw said, that what's on a person's face is not always what's in their heart.*

- полного или краткого уточняющего вопроса:

How about we lose that bowtie, honey? – *Why?*

You should throw away that. – *Could you precise Mum what exactly are you talking about?* [14]

Все приведённые примеры выражают интеракцию между матерью и её несовершеннолетним сыном. В данном случае, можно заметить, что ни один из приведённых примеров речевой реакции адресата не выражает прямого согласия. По нашему мнению, на реакцию адресата здесь влияет разница в образовательном уровне коммуникантов. По сюжету младший сын героев обладает исключительными умственными способностями, которые мешают ему нормально общаться с обычными людьми. Именно поэтому его реакции на суггестивные высказывания матери, образовательный уровень которой заметно ниже уровня её сына, не являются положительными. Более того, в отличие от высказываний матери, большинство из ответов сына оформлены в виде полных синтаксических структур, осложнённых разными видами придаточных предложений, что свидетельствует о его высоком умственном развитии.

Речевые реакции на реквестивные высказывания

Существенным фактором, определяющим характер реакции адресата также являются иерархические отношения между коммуникантами. Так, неравные отношения между родителем и ребёнком неизбежно влияют на соотношение объема высказываний коммуникантов и на тип реакции адресата (согласие/отказ). Об этом свидетельствуют речевые реакции на реквестивные высказывания героев британского ситкома «My Family», в котором повествуется об обычной с виду британской семье, с весьма необычными её представителями. Так, отец большую часть времени пребывает в унынии, потому что жена плохо готовит, старший сын проваливает всё, за что бы ни брался, но зато виртуозно, так же как и его сестра, выманивает у отца деньги. Единственным утешением является смышлёный младший сын, на общение с которым у родителя совсем не хватает времени.

Анализ ответных реакций на реквестивные высказывания героев в рамках данного сюжета показал их возможное выражение:

- краткими утвердительными высказываниями, не содержащими название действия или указание на него:

Can you tell us more about your new girlfriend, Nick? – *Of course, Mum.*

Michael, can you pretend to listen? – *Sorry, Dad.*

- репликами-обоснованиями, выраженными краткими уточняющими вопросами или разделительными вопросами:

Dad, can I have a car? – *A car? What? Shall I tell you what happened last time when you got my car?*

Mum, just one tattoo. – *You're 16 and that's supposed to mean that you can't have it, can you?*

- репликами-альтернативами и репликами-условиями в форме ответной просьбы или предложения, выраженными:

- кратким безличным утвердительным предложением: Can I say something about boys from the male perspective? – *Please, Dad, no.*

- простыми и сложными утвердительными предложениями с подчинительным союзом if:

Dad, can I have a tattoo? – *Only if it says "Daddy's little sunbeam".*

Can I borrow your laptop? – *If you need a computer, use Michael's.* [12].

Можно также заметить, что реплики детей очень кратки и однообразны, в то время как реплики их родителей более объемны и содержательны. В то же время мы отмечаем, что речевые реакции детей в основном положительны, а реплики их родителей наоборот отрицательны. Это ещё раз подтверждает тот факт, что ассиметричные отношения между членами семьи прямо влияют на выбор характера речевой реакции адресата.

Исходя из вышесказанного, можно заключить следующее:

каждый директивный речевой акт имеет особую структуру, обязательными элементами которой являются: говорящий, адресат, пресуппозиции говорящих, цель сообщения и его развитие, внутренняя организация речевого акта, ситуация общения. На основе этих компонентов коммуниканты выбирают прагматический тип своих директивов (прескриптивный, реквестивный или суггестивный речевой акт);

основными факторами выбора варианта речевой реакции на директивные высказывания адресанта, являются: тип дискурса (институциональный/персональный), цель интеракции, характер ситуации, степень близости отношений коммуникантов и их иерархичность, личностные особенности коммуникантов (возраст и образовательный уровень).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.136-137.
2. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. – Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. –168 с. – С. 111-133.
3. Данилова С.А. Типология дискурса. / С.А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар: изд-во «Наука и образование».– 2015. – № 1.– С. 341-349.
4. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Жампейис К.М. Прагматическая функция директивных речевых актов / Проблемы современной науки. – центр научного знания «Логос». – 2017. – № 28. – С. 31-40.
6. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000 (а). – С. 5-20.
7. Карасик В.И. Языковые ключи: монография / Карасик В.И.; Науч.-исслед. Лаборатория «Аксиологическая лингвистика». - М.: Гнозис, 2009. – 406 с. – С.320-321.
8. Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2.– С. 16-24.
9. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности //Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып.17. – 183с. – С. 7-21.
10. Серль Дж. Что такое речевой акт? //Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып.17. – С. 151-169.
11. Harris Z. Discourse analysis [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/409987?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 05.11.2018)
12. https://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=my-family2000&episode=s01e01 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.springfieldspringfield.co.uk> (дата обращения 10.12.2017).
13. https://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=8-simple-rules-for-dating-my-teenage-daughter&episode=s01e02 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.springfieldspringfield.co.uk> (дата обращения 10.12.2017).
14. https://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=young-sheldon-2017&episode=s01e01 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.springfieldspringfield.co.uk> (дата обращения 10.12.2017).

10.02.04

Т.Г. Перепеляк

Оренбургский государственный педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, tat-perepelyak@mail.ru

**СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В статье рассмотрены средства передачи достоверной информации в журналистском дискурсе. В результате анализа текста журналистского репортажа были выделены языковые средства типичные для передачи достоверной информации в новостном репортаже. К таким средствам относятся маркеры категории засвидетельствованности, эксплицитно указывающие на наличие адресанта – антропоцентра журналистского текста (название телевизионного агентства, в котором работает журналист, имя самого журналиста, различные конструкции, фиксирующие прямую и (или) косвенную речь).

Ключевые слова: *функционально-семантическая категория засвидетельствованности, журналистский дискурс, журналистский текст, достоверность информации.*

Под журналистским дискурсом мы понимаем совокупность информирующих и оказывающих воздействие текстов в сочетании с их экстралингвистическими особенностями. Журналистский дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной среды – текста [5: 147]. Несмотря на наличие обширного объема теоретических и прикладных исследований, посвященных типологии текстов, критерии их классификации продолжают оставаться спорными, что, по мнению Е.В. Комлевой, зависит от теоретического и методологического подхода к определению текста [1: 274]. Опираясь на исследования текста Кройчик Л.Е. (2000), Богуславской В.В. (2008), Ким М.Н. (2011), Чернявской Е.В. (2013), дадим определение журналистскому тексту. Журналистский текст – это продукт журналистской деятельности, который эмоционально воздействует на аудиторию, побуждает к рефлексии, размышлениям и способствует формированию актуальной, соответствующей моменту, картины мира. К журналистским текстам можно отнести газетную заметку, интервью, репортажи, отчеты, корреспонденции, комментарии, рецензии, статьи, письма, обзоры, очерки, эссе, фельетоны, памфлеты [2: 138–139].

Следует отметить, что информационное пространство второй половины XX века стало значительно шире и включает в себя не только прессу, радио и телевидение, но и Интернет. Ориентированные на массового потребителя, СМИ предлагают свою картину мира, свою субъективную интерпретацию событий и явлений окружающей действительности. На сегодняшний момент проблема качества предоставляемой информации – ее достоверность – является одним из важных условий журналистского дискурса. Достоверность информации в журналистском дискурсе зависит от надежности ее источника: это могут быть изложения событий от первого лица, подпись журналиста под газетной статьей, аккредитация журналиста для работы на определенных мероприятиях и пр. Чем больше количество источников, тем выше степень достоверности излагаемых фактов. Компетентность и надежность журналиста служит определенной гарантией правдивости текста. Важно также разграничение степени достоверности публикуемых сведений, четкое отделение фактов от предположений, версий, слухов [4: 79]. Степень достоверности информации в тексте журналистского репортажа реализуется языковыми средствами с семантикой засвидетельствованности.

Не существует единого определения категории засвидетельствованности. На сегодняшний день можно встретить следующие названия данной категории: эвиденциальность – от английского слова *evidential* «очевидный, доказательный, не вызывающий сомнений» – в работах Козинцевой Н.А. (2007), Балабаевой Ю.Е. (2009), Бабёр Н.В. (2012), Козловского Д.В. (2013), Макарецца М.М. (2014), Астаховой Т.Н. (2016), засвидетельствованность – русский перевод термина «эвиденциальность» – в работе Мордасовой Т.П. (2005), медиативность – от английского слова *mediation* «посредничество» – встречается в работе Чепурной А.И. (2015), пересказательность (Т.Н., Молошная, 1989; Т.М., Кибардина, 2003), адмиративность – от английского слова *admiration* «восхищение» – в работе Савченко А.А. (2013), заглазность (С.Р., Мерданова, 2004) и многие другие.

Вслед за Р.О. Якобсоном мы принимаем термин «засвидетельствованность» [6: 101] и считаем, что засвидетельствованность – это самостоятельная функционально-семантическая категория, которая имеет план содержания и план выражения. Планом содержания данной категории является сообщение некоторой информации, полученной опосредованно. План выражения реализуется комплексом разноуровневых средств, указывающих на опосредованный источник получения информации (подробнее о реализации засвидетельствованности в новостном журналистском тексте см. [3]).

Рассмотрим средства актуализации засвидетельствованности на примере журналистского репортажа *“Beim ersten Alarm um 18.20 Uhr wurde noch kein Feuer entdeckt”* из газеты *“Die Welt”* [7], в котором речь идет о пожаре в соборе Парижской Богоматери в апреле 2019 года.

Достоверность информации подтверждается, во-первых, статусностью издания: Axel Springer SE – одно из крупнейших европейских издательских и медиаконцернов. Во-вторых, в статье упоминаются различные реальные имена собственные: die Pariser Kathedrale Notre-Dame, Patrick Chauvet (der Direktor des Gotteshauses), der Sender France Inter, der Pariser Staatsanwalt Rémy Heitz, Feuerwehrchef Jean-Claude Gallet, Bürgermeisterin Anne Hidalgo и др., которые конкретизируют факты трагедии и усиливают достоверность текста журналистского репортажа. С этой же целью автор текста использует прямую речь – цитирование комментариев и мнений авторитетных лиц:

„Nichts weist derzeit in die Richtung einer vorsätzlichen Tat“, sagte der Pariser Staatsanwalt Rémy Heitz [7].

„Man kann annehmen, dass die Struktur von Notre-Dame gerettet und in ihrer Gesamtheit bewahrt ist“, sagte Feuerwehrchef Jean-Claude Gallet [7].

Frankreichs Staatspräsident Emmanuel Macron versprach bereits am Montag den Wiederaufbau des berühmten Bauwerks und bat seine Landsleute und das Ausland um Unterstützung. „Wir werden Notre-Dame wieder aufbauen.“ [7].

Der französische Premierminister Édouard Philippe schrieb: „Unsere Traurigkeit ist unbeschreiblich, aber wir kämpfen immer noch. An diesem Abend kämpfen die Feuerwehrleute heldenhaft gegen das Feuer.“ [7].

Маркеры косвенной речи (Konjunktive I или Konjunktive II) также передают категорию засвидетельствованности. Однако косвенная речь не может являться полноправным средством передачи достоверной информации из-за включений интерпретации.

Полагаем, что одним из главных средств передачи достоверности информации являются существительные (реже местоимения), указывающие на источник получения информации. При этом важно отметить, что данный источник может иметь высокую степень доверия, в случае если ссылаются на определенное авторитетное лицо:

Frankreichs Staatspräsident Emmanuel Macron versprach bereits am Montag den Wiederaufbau des berühmten Bauwerks und bat seine Landsleute und das Ausland um Unterstützung [7].

Der Direktor des Gotteshauses sieht keine Sicherheitsmängel beim Brandschutz [7].

В данных примерах автор репортажа ссылается на определенных людей как на источник получения информации – ректора собора Парижской Богоматери Патрика Шове и президента Франции Эммануэля Макрона, что повышает объективность информации, засвидетельствованной в тексте.

Степень доверия снижается, если источник информации обобщен:

Feuerwehrleute teilten am Dienstag mit, das Feuer sei inzwischen vollständig gelöscht [8]. (нам не известно, кто точно из пожарных сообщил об этом);

Die Pariser Staatsanwaltschaft geht weiter davon aus, dass der verheerende Brand in der Kathedrale Notre-Dame auf einem Unfall beruht [7]. (мы не знаем, кто из Парижской прокуратуры предположил это);

Laut Innenministerium besteht jedoch immer noch Einsturzgefahr [7]. (точно не известно, кто из министерства внутренних дел настаивает на опасности обрушения).

Степень достоверности информации снижается также, если источник не назван:

Nach ersten Erkenntnissen sind drei Menschen leicht verletzt worden [7]. (мы не имеем представления, откуда получены эти предварительные данные)

Таким образом, маркеры категории засвидетельствованности эксплицитно указывают на наличие адресанта – антропоцентра журналистского текста. Средства передачи достоверной информации, обладают градуальностью выражения достоверности, что приводит к повышению или понижению доверия адресанта.

Список литературы

1. Комлева Е.В., Медиальность как один из критериев текстовой классификации (на материале современного немецкого языка) / Комлева Е.В. // Медийно-информационная грамотность современного педагога: в 3 ч. Ч.3 Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 30-31 октября 2018 г. / Сост. и науч. ред. О.М. Скибина, И.В. Жилинская. – Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2018. – С. 273-281.
2. Кройчик Л.Е., Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб., 2000. С. 125-168.
3. Перепеляк Т.Г., Реализация засвидетельствованности в новостном журналистском тексте (на материале современного немецкого языка) / Перепеляк Т.Г. // Казанская наука. №2 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – С. 103-105.
4. Чепкина Э. В., Журналистский дискурс: анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – N 2 (89). – С. 76-85.
5. Чернявская В.Е., Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
6. Якобсон Р.О., Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
7. Beim ersten Alarm um 18.20 Uhr wurde noch kein Feuer entdeckt // Die Welt: сайт. –URL: <https://www.welt.de/vermischtes/article191998453/Notre-Dame-Beim-ersten-Alarm-um-18-20-Uhr-wurde-noch-kein-Feuer-entdeckt.html?wtrid=onsite.onsitesearch> (дата обращения: 17.04.2019).

10.02.04

О.В. Трунова д-р филол. наук

Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии
Москва, lachesis47@mail.ru

СИСТЕМНЫЕ КОНСТАНТЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В публикации раскрывается сущность категории модальности, приводятся основания разграничения объективного и субъективного в её структуре, определяется её лингвистический статус как семантической категории. Автором формулируется терминологическое определение категории модальности, основанное на её функциональном предназначении.

Ключевые слова: модальные понятия, инвариантное значение, контекстуальная детерминация, ситуативная модальность

Обращение к вопросам о сущности и предназначении категории модальности, о типах модальных смыслов и формах их языковых экспликаций объясняется появлением новых научных парадигм, создающих предпосылки для более полного и глубокого их осмысления, поскольку, несмотря на достаточно многочисленные исследования и публикации, не удается переломить инертность мышления и приверженность к *argumentum ad nomen*. В исследованиях на материале русского языка, модальность определяется как категория, передающая «отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего» [1]. В подтверждение несостоятельности этой точки зрения приведу следующую аргументацию.

Пропозициональное содержания актуализируемого предложения, будучи подвергнутым всем требуемым системой трансформациям должно быть референтно определенной ситуации. Не будучи свидетелем происходящего и описываемого предложением события, не имея «фоновых» знаний о характере связей в структуре «объект – признак», сложно сделать заключение о том, насколько высказываемое соответствует тому, о чем повествуется. Далее, если высказывание соответствует действительности, значит, продуцент речи говорит правду, если не соответствует, значит продуцент лжет. Однако доказано, что язык не располагает маркерами, которые помогают отличить модус “sincerity” от модуса “with a forked tongue” [3]. Невозможно только на основе анализа вербального выражения определить является ли высказывание истинным или ложным. Сопоставим два простых предложения: «Скорость света больше скорости звука» и «Скорость звука больше скорости света». Они построены по одной синтаксической модели. У них идентичное лексическое наполнение. Но одно из них соответствует действительности, а другое – нет. Определить это можно исключительно на основе имеющихся базовых доказанных научных знаний. [6]. Это значит, что понятия истинности/ложности неприменимы к предложению как единице языка. Они определяют суждение и входят в терминосистему логического, а не лингвистического анализа.

В отечественной лингвистике с XIX века утвердилось мнение, что «язык явление очень субъективное» [4], поскольку он является атрибутом человеческой природы. Исходя из этого, любое языковое выражение воспринимается как субъективное высказывание, поскольку оно отражает «точку зрения говорящего субъекта». Здесь налицо легко устранимый лингвистический казус: достаточно лексему «субъект» заменить лексемой «индивид» / «продуцент» / «говорящий» и идея субъективности вербализации теряет свою основу. В то же время, понятие «субъективного» противопоставляется понятию «объективного» в том плане, что «объективное» подчиняется общим законам существования,

язык есть данность, которая выявляется и реализуется в индивидуальной объективации, согласно внутренним законам системы [5] и конвенциям социального взаимодействия. Эти внутренние законы языка и установленные социумом конвенции создают предпосылки для понимания того, что диктальная структура предложения объективируется в модусе *de re* (объективная модальность). Предназначение модуса *de dicto* состоит в том, чтобы обозначить, что то, о чем идет речь, не является общепризнанным или достоверным фактом, а высказывается говорящим, исходя из его собственных убеждений, на основе которых делается предположение (субъективная модальность). Таким образом модальность *de re* актуализируется в рамках пропозиционального содержания высказывания, а модальность *de dicto* – в его надпропозициональной рамке.

Соположенность субъективного и объективного в языке не противоречит основным положениям диалектики, поскольку принцип диалектического единства предполагает не только тождество, но и различие и не усматривает противоречия в вычленении элементов некоторой сущности, в частности, субъективного и объективного в категории модальности. Такое разграничение находится в полном соответствии с установленными отношениями между познаваемым миром (объективная данность) и познавательным процессом, предполагающим наличие познающего индивида и его субъективной оценки объективно отражаемой действительности, что признается как лингвистами, так и логиками и философами [7]. На этом основании языковая категория модальности может быть определена как выражающая отношения «объект – признак» (объективная модальность) и степень познания этих отношений субъектом (субъективная модальность).

Значимость модальной экспликации высока, поскольку модальные репрезентанты устанавливают «авторство», ограничивают уровень познания, характеризуют причастность / отстраненность субъекта от оценки достоверности высказываемого, обозначают степень уверенности [8], что обуславливает наличие в английском (как и в любом другом) языке широкого арсенала средств. Модальность *de re*, как правило, передается формами изъявительного и повелительного наклонения: ...*America's future – and the future of the world beyond America – depends on how we will deal with <...> our challenges* (10, 26); ... *today's challenges differ in an important way from those of the last century* (10, 30); *avoid the unchangeable and manage the unavoidable* (10, 194), модальность *de dicto* выражается модальными словами (*probably, actually, maybe*), модализованными глаголами мнения (*guess, presume, believe*) и модальными глаголами (*must, may, could*). В английском языке именно модальные глаголы и создают проблему дифференциации объективной и субъективной модальности.

Существо лингвистической проблемы здесь заключается в том, что оба типа модальности основываются на одних и тех же семантических константах: необходимо, возможно, случайно, невозможно [2] и в определенных (нейтральных) контекстах в английском языке прочтение *de dicto* и *de re* одинаково возможно: ... *climate change occurs gradually and may not produce an equivalent of Pearl Harbor – until it is too late* (10, 199). Значение возможности, системно закрепленное за модальным глаголом *may*, может определять отношения «объект – признак» внутри пропозиции (*it may happen / it may not happen*) или быть с одинаковой долей вероятности вынесено за рамки пропозиции (*maybe it will happen / maybe it will not*). В последнем случае расхождения в семантической и прагматической интерпретации сводимы к оппозиции «знать / предполагать» [11]. Таким образом, следует признать, что интерпретационная двойственность модальных экспонентов является контекстуально детерминированной.

Следует также обратить внимание на функциональную специфику ситуативной (circumstantial) модальности [9], модальности *de se*, проявляющуюся в избирательности синтаксического контекста: *If we set high energy-efficiency standards for our own buildings, trucks, cars, power plants, we would trigger innovation by American companies, which would then be better positioned to compete globally* [10, 197].

По своему лингвистическому статусу категория модальности в английском языке является семантической, поскольку организующим её ядром является семантика постоянных величин. Широкий диапазон актуализационных смыслов языковых экспонентов модальности во всех её вариантах и во всех её модификациях детерминируется лексическим и грамматическим контекстом, то есть зависит от синтаксических моделей и семантики наполняющих их компонентов.

Известно, что языковые категории по природе могут быть онтологическими, основывающимися на объективно существующем (время, количество, гендерные различия), антропоцентрическими, передающими смыслы, порождаемые в восприятии (четкий / нечеткий) и реляционными, «обслуживающими» формальные условия функционирования языка (например, род, число, падеж прилагательных в русском языке). Категория модальности является, по-видимому, единственной категорией, формируемой по двум основаниям онтологическому (объективная) и антропоцентрическому (субъективная).

Список литературы

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. - М.: Наука, 1975. - С. 53 – 87
2. Ивин А.А. Импликации и модальности. М.: ИФ РАН, 2004. – С. 63 – 65
3. Плотникова С.Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке. – Автореф. д-ра филол. наук. – Иркутск, 2000.
4. Потебня А.А. Основы поэтики//Вопросы теории и психологии творчества.СПб., 1910.Т. II. Вып. 2
5. Трунова О.В. Внутренние законы языковой системы // Казанская наука. – Казань: Казанский Издательский Дом, № 12, 2012 С. 224 – 227.
6. Трунова О.В. Архитектоника категории модальности в современном английском языке // Язык: мультидисциплинарность научного знания. Научный альманах. – Барнаул: АлтГПА, 2013 Вып. 3. – С. 46 – 52
7. Фейербах Л. Избранные философские произведения. т. 2. – М.: Госполитиздат, 1955
8. Brandom R. Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas // European Journal of Philosophy. 2000. Vol. 8. № 3. P. 362.
9. Dury R. A Brief Glossary of Modality [интернет ресурс] URL: <http://dinamico2.unibg.it/anglistica/slin/modgloss.htm> (дата обращения 16.04.2019)
10. Friedman T.H. Mandelbaum M. That used to be us. – London: Abacus, 2012. – 380 pp
11. Hintikka, J. Knowledge and Belief. – Cornell University Press, Ithaca. 1962

10.02.04

Д.Д. Хайруллина канд. филол. наук, Е.А. Хузина канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
отделение юридических и социальных наук,
кафедра филологии,
Набережные Челны, dinara0406@mail.ru, eka5551@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА)

В статье проводится анализ публичных речей президента США Д. Трампа с точки зрения следующих когнитивных аспектов: обращение, эмоциональность, речевые стратегии и целевая направленность. По мнению авторов, американский президент использует большое количество контрастных предложений, примеров, очерняющих репутацию оппонентов, повторов. В целом, политический дискурс Д. Трампа характеризуется манипулятивностью, эмоциональностью, образностью.

Ключевые слова: политический дискурс, обращение, эмоциональность, речевые стратегии, целевая направленность.

Когнитивный подход к языку позволяет ученым-исследователям взглянуть на языковые процессы с точки зрения познавательных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека. В эпоху возрастания роли СМИ анализ политического дискурса (А.П. Чудинов, А.Н. Баранов, Е.А. Мельник, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, Е.И. Шейгал, С.А. Зелинский и др.) особенно актуален и необходим для изучения его внутреннего содержания, а именно волевых намерений и целей политического деятеля, заключающихся в его публичных высказываниях. Под термином «политический дискурс» мы подразумеваем знаковую систему, обладающую семантикой, синтактикой и прагматикой, способную производить на людей определенное впечатление (положительное, отрицательное или нейтральное), оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию. Любое речевое воздействие на адресата можно по-другому назвать речевой манипуляцией, то есть «скрытым побуждением адресата к совершению определенных действий» [1, с. 19]. Чем менее заметно делает это адресант, тем эффективнее управляет он аудиторией, тем успешнее он осуществляет манипулирование.

Целью данного исследования является проведение когнитивно-дискурсивного анализа американского политического дискурса на материале публичных выступлений президента США Дональда Трампа. Для обеспечения достоверности результатов мы используем комплексную методику анализа, включающую метод сплошной выборки, описательный метод, элементы контекстуального и текстуального анализа.

Вслед за Д.В. Шапочкиным, выявлены следующие когнитивные аспекты политических речей Д. Трампа:

1. Обращение (оратора к слушателю), разрешающее установить непосредственную связь с аудиторией [2, с. 147], показывающее благоприятный настрой говорящего, его умение вести себя на публике, взаимодействовать с ней, привлекать ее внимание.

Американский президент, обращаясь к публике, высказывается как за себя лично, так и за свою страну, за свой народ, используя при этом личные местоимения и прямой порядок слов в предложении. Большое количество личного местоимения *I* (я) в речи Д. Трампа показывает его личное отношение к определенным вещам и событиям, а также эмоциональную составляющую его обращения к народу: «*Today the day that I've been looking very much forward to all year long* [6], «*And so tonight I thank the millions of Americans*» [6] и др. Местоимение *we* (мы) подчеркивает общность с гражданами страны, единство страны и народа, призыв к совместным действиям: «*We, the citizens of America, are now joined ...*» [5],

«Together we will determine...» [5] и др. Обращение к публике выражается президентом и косвенно через обращение к стране или к народу посредством местоимения *you* (ты, вы): «Everyone is listening to you now» [5], «You will never be ignored again. It belongs to you. This is your day» [5] и др.

Примеры вступительного обращения в лице «Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama, fellow Americans, and people of the world» [5], «Friends, delegates and fellow Americans» [4], «Ladies and Gentlemen» [3] и др. придают дискурсу положительный настрой, отражают настроенность говорящего к общению. Обращаясь к публике, Д. Трамп часто произносит слово *American* для подчеркивания национальной принадлежности, чувства гордости американской нацией и причастности к достижениям страны: «So to all Americans...» [5], «...giving it back to you, the American People» [5] и др. В речи президента также прослеживается тенденция к упоминанию каждого отдельного человека, как если бы диалог велся между двумя людьми. Такое разграничение может показывать важность человека, как личности: «I want to thank everyone...», «...every person everywhere in the world...», «a place where every child knows a home filled with love» и др.

2. Эмоциональность, отражающая настроение говорящего, которое, в свою очередь, передается слушающим, может выражаться:

а) лексическими единицами с положительными или отрицательными коннотациями: «national pride», «glorious destiny», «almighty Creator», «glorious freedom», «unrealized potential», «good will» [6], «safe neighborhoods», «secure borders» [4], «trapped in poverty» [5], «chaos in our communities», «destruction, terrorism and weakness» [4] и др.;

б) «внутренними» предикатами: «I'm proud to have...» [4], «I encourage», «I call upon», «I do not suggest...» [7] и др.;

в) модальными глаголами: «We must protect our borders...» [5], «We must speak our minds openly...» [5], «There should be no fear...» [5], «I have to say as a Republican» [4] и др.;

г) параллельными сочинительными конструкциями: «as a time for prayer and worship, for gratitude and good will, for peace and renewal» [6], «The problems we face now – poverty and violence at home, war and destruction abroad» [4] и др.;

д) стилистическими средствами: метафорами, эпитетами, сравнениями, антитезами и т.д., помогающими в политическом дискурсе экономить слова, создавать образность, делать речь яркой и запоминающейся: «trapped in poverty», «flush with cash», «near and far, small and large, from mountain to mountain, and from ocean to ocean...» [5].

3. Речевые стратегии, позволяющие говорящему взаимодействовать с аудиторией, привлекать ее внимание и воздействовать определенным образом на сознание ее участников. Среди них можно выделить:

1) Обобщение: «What about our economy? Again, I will tell you the plain facts that have been edited out of your nightly news and your morning newspaper: Nearly four in 10 African-American children are living in poverty, while 58 percent of African-American youth are not employed» [4] и др. Президент открыто поставил перед аудиторией вопрос (для привлечения ее внимания), и дал обобщающий ответ (как некий итог высказыванию).

2) Приведение примера: «The number of new illegal immigrant families who have crossed the border so far this year already exceeds the entire total from 2015» [4], «On November 11, 1918, the United States and its allies signed an armistice» [7] и др. В примерах демонстрируется осведомленность президента важными для страны фактами или событиями, предшествующими происходящей действительности.

3) Усиление – формульная стратегия, нацеленная на лучший и более эффективный контроль над вниманием слушающего: «And spent trillions of dollars overseas while America's infrastructure has fallen into disrepair and decay» [5], «...with not even a thought about the millions upon millions of American workers left behind» [5], «... Hillary Clinton's message is that things will never change. Never ever» [4] и др. Как видим, усиление может происходить за счет сообщения говорящим какой-либо негативной информации, использования числительных,

выражающих неопределенное количество сотен, тысяч, миллионов, широкой представленности однородных членов предложения, подчинительных связей внутри сложного предложения и др.

4) Лексико-синтаксические повторы: «*We Will Make America Strong Again. We Will Make America Wealthy Again. We Will Make America Proud Again. We Will Make America Safe Again. And, Yes, Together, We Will Make America Great Again*» [5], «*We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams*» [5] и др. Повторы важны для структурирования информации и лучшего ее восприятия, создания ритмичного характера высказывания, усиления эмоциональности, выражения субъективной оценки. Они придают президентской речи лозунговость, которая согласуется с картиной красивого будущего, создают эффект градации, что способствует запоминанию текста, усиливают коммуникативную роль высказывания.

5) Контраст, использующийся говорящим, чтобы привлечь внимание слушающих, вызвать у них определенные эмоции, путем противопоставления событий, фактов: «*We will be a country of generosity and warmth. But we will also be a country of law and order*» [4], «*Washington flourished – but the people did not share in its wealth*» [5] и др.

Целевая направленность политического дискурса предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение определенной информации слушающим, затрагивает их общественные интересы и ценности. Для американцев, например, важны принципы личной свободы и уважение каждого отдельного человека, борьба за мировое господство и превосходство, патриотизм и любовь к Родине: «*My agenda will be accomplished through a serious of reforms that put America first*» [3], «*America first again, America first!*» [4] и др. Использование здесь метонимии *America* в значении США выражает всеобъемлющий характер планируемых изменений, идейную сплоченность нации в стремлении быть первыми, побеждать, что является мощным средством манипуляции аудиторией.

Когнитивно-дискурсивный анализ политического дискурса позволяет составить портрет политического деятеля как языковой личности. Американский президент в общении с публикой в основном предстает как сильный, самоуверенный человек, живущий интересами народа и верующим в Бога: «*God Bless You, And God Bless America*» [5], «*each one of us is a child of God*» [5] и др. Речь Д. Трампа эмоциональна, порой агрессивна; он использует большое количество повторов, контрастных предложений, примеров, очерняющих репутацию конкурента, с целью создания положительного впечатления о себе и позитивной оценки его политической программы: «*President Obama has done everything to kill coal industry*» [3], «*Yet Hillary Clinton is proposing mass amnesty, mass immigration, and mass lawlessness*» [4] и др. Политический дискурс Д. Трампа всегда отличается манипулятивно-воздействующим и экспрессивным характером. Президент постоянно ведет отбор языковых средств при построении высказывания в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие на публику, выбирает стилистическую тональность, ориентируясь на ситуацию общения, характер адресата, официальность или неофициальность обстановки.

Список литературы

1. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта, 2006. – 129 с.
2. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. – Тюмень: Издательство Тюменского гос. ун-та, 2012. – 260 с.
3. Donald Trump's "America First" Energy Policy Address // <https://www.peoplespunditdaily.com/policy/2016/05/27/donald-trumps-america-first-energy-policy-address-full-transcript>.
4. Donald Trump's 2016 Republican National Convention Speech // <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-donald-trumps-2016-republican-national-convention/story?id=40786529>.
5. Donald Trump's Inaugural Address // https://en.wikisource.org/wiki/Donald_Trump%27s_Inaugural_Address.
6. President Trump gave the following address at the lighting of the National Christmas Tree on Thursday, November 30, 2017 // <https://www.lifesitenews.com/news/jesus-birth-changed-the-course-of-human-history-trumps-extraordinary-2017-c>.
7. Presidential Proclamation on Veterans Day 2018 // <https://cl.usembassy.gov/presidential-proclamation-on-veterans-day-2018/>.

*10.02.04***В.Н. Хисамова д-р филол. наук, Л.И. Абдуллина**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков для естественно-научного направления,
Казань, hisamovaven@yandex.ru, lilia-2591@mail.ru

ВОПРОСЫ СИНОНИМИИ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются вопросы синонимии в медицинской терминологии английского языка. Изучение медицинской терминологии является одним из перспективных направлений в современной науке, так как словарный состав языков пополняется за счет терминологии. Проблема синонимии в терминологии – одна из важнейших проблем терминоведения. Исследование синонимии в медицинской терминологии языка определит её источники, что поможет упорядочению терминов, повысить качество перевода медицинских текстов и преподавания английского языка студентам медицинских специальностей. В статье также приводятся мнения разных ученых касательно проблемы синонимии в терминологии, выделяется отличительная черта явления синонимии в терминологии и общеупотребительном языке, классификация синонимов в медицинской терминологии английского языка.

Ключевые слова: *английский язык, термин, терминология, медицинская терминология, синонимия.*

Изучение медицинской терминологии является одним из перспективных направлений в современной науке, так как словарный состав языков, в том числе и национальных, пополняется за счет терминологии.

Проблема синонимии терминов, то есть использования нескольких специальных лексических единиц для именования одного понятия, продолжает оставаться по сегодняшний день одной из наиболее важных проблем терминоведения.

Более того, синонимия в медицинской терминологии английского языка недостаточно изучена на сегодняшний день. Недостаточность исследований проблем синонимии в медицинской терминологии английского языка сказывается на качестве перевода терминов с английского на русский язык и наоборот, когда появляется необходимость выбрать правильный термин, а также на качестве преподавания английского языка студентам медицинского направления. Кроме того, исследование синонимии в медицинской терминологии поможет упорядочить термины.

Настоящая работа посвящена изучению синонимии в медицинской терминологии английского языка. Английский язык является международным языком науки, в том числе и медицины, поэтому важно выбрать правильный термин при обмене информацией в процессе общения с коллегами из других стран [15].

По мнению Е.В. Смирновой, синонимия терминов – тип семантических отношений, основанный на способности разных терминологических единиц обозначать одно специальное понятие, выражая различные дополнительные признаки понятия, эмоциональную или стилистическую окраску, употребляемость и сочетаемость с другими терминологическими единицами [12].

Некоторые ученые (С.В. Гринев-Гриневич, В.М. Лейчик, Н.В. Новодранова) расценивают терминологическую синонимию как положительное явление. С.В. Гринев Гриневич пишет, что проблема синонимии является одной из наиболее важных проблем терминоведения. Источниками семантической эквивалентности в терминологии, по его мнению, являются: метадialeкты различных научных школ и идиолекты отдельных исследователей,

варьирование форм термина (*disease – illness/болезнь*), использование в номинации различных аспектов одного объекта (*tumor – growth/опухоль*) заимствование термина с последующим появлением семантического дублета на родном языке (*myopia – shortsightedness/близорукость*), или одновременное заимствование двух равнозначных терминов (*proctoscopy – rectoscopy/проктоскопия – ректоскопия*), существование официального и разговорного терминов (*conjunctivitis – pink eye/конъюнктивит*), современного и устаревшего терминов (*dropsy – edema/отеки*), полного и краткого вариантов (англ. *antibiotic remedies – antibiotics/антибиотические лекарства*) и т.д.

Проблема синонимии наименования понятий и представлений для специальной и общеупотребительной лексики не однозначна. В общеупотребительной лексике она имеет положительное значение: синонимы используются для придания речи красочности и являются одним из наиболее выразительных средств стилистической реализации текста. В связи с этим традиционная и для лексикологии проблема синонимии разрабатывалась не столько в аспекте определения степени эквивалентности потенциальных замен, сколько с целью выделения различий и исследования стилистических функций примерно равнозначных средств выражения понятий.

В общеупотребительном языке полная эквивалентность значения практически отсутствует. Это значит, что мы имеем дело с близкими по смыслу, но все же разными словами. Существует два типа синонимов: семантические синонимы, различающиеся оттенками значения, и стилистические синонимы, имеющие положительную или отрицательную окраску и принадлежащие к различным стилевым уровням.

В сфере специальной лексики проблема эквивалентности значения слов приобретает совершенно другой характер. С одной стороны, научная речь не ставит перед собой цель достичь стилистических эффектов, она передает информацию. Стилистическая нейтральность – одно из неотъемлемых свойств, признаков термина, следовательно, в сфере терминологии отсутствуют стилистические синонимы. С другой стороны, даже несущественная разница близких по смыслу слов говорит о том, что речь идет о двух близких, но, вместе с тем, разных понятиях и, следовательно, разных терминах. Если же термины называют одно и то же понятие, то они, как правило, являются абсолютно эквивалентными по значению. Следовательно, учитывая различный характер синонимии в общеупотребительной лексике и языке науки, в терминоведении для этого явления было предложено использовать термин дублетность. Например, *oculist – eye doctor/окулист*. В 1970 гг. в специальной литературе появились варианты терминов. При этом понятия синоним, дублет, вариант рассматривались как равнозначные, иногда варианты рассматривались как разновидность синонимов, а дублеты – как лексические варианты. Ввиду этого, был введен обобщающий термин терминологические эквиваленты, но он используется для обозначения межъязыковых терминологических эквивалентов.

С.В. Гринев – Гриневич, учитывая все эти обстоятельства, отношения абсолютной и условной синонимии терминов (для которых и используется термин синонимия), а также, эквивалентность разноязычных терминов, предлагает термин равнозначность.

Равнозначные термины – это термины с одинаковым или подобным значением, используемые для обозначения одного понятия. В соответствии с основными типами равнозначности и современными тенденциями употребления терминов равнозначные термины разделяются на термины-синонимы (синонимичные термины) – термины одного языка с тождественным или подобным значением (равнозначные термины одного языка), например, *nearsightedness – shortsightedness/близорукость* и эквиваленты – разноязычные термины с тождественным или подобным значением (разноязычные равнозначные термины), *hypermetropia – farsightedness/дальнозоркость* [4].

В.М. Лейчик также признает явление синонимии в терминологии, но, тем не менее, он отмечает, что в терминологии не может быть стилистических синонимов, так как лексическая единица, принадлежащая к разговорному стилю, просторечию, жаргону, профессиональной лексике не может входить в состав терминосистемы [6, 7].

Согласно документу по стандартизации медицинской терминологии «Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы» несколько терминов (лингвистических представлений) могут иметь одинаковое значение, если они являются точными представлениями одного и того же понятия. При этом подразумеваются отсутствие избыточности, неоднозначности, неопределенности и внутренняя непротиворечивость [10].

Некоторые исследователи (Д.С. Лотте, В.К. Фаворин, В.П. Даниленко, Е.Н. Толикина, О.С. Ахманова) считают, что синонимия в терминологии нежелательна. Например, Д.С. Лотте отмечает, что даже абсолютные синонимы могут быть вредны. Существует некий риск, что в один из этих терминов постепенно вкладывается содержание или более узкое, чем в другой, или более широкое, или совсем другое. Вследствие этого, абсолютные синонимы превращаются в относительные синонимы со всеми пороками многозначных терминов. Он допускает только два случая синонимии в терминологии: 1. Когда существует необходимость класть в основу построения различных систем терминов различные свойства одного и того же понятия или придавать разную конструкцию терминам, составленным из одних и тех же лексических элементов; 2. Наличие терминов-синонимов, из которых один является краткой формой другого – содержит терминологические элементы, которые входят в состав другого термина, но в меньшем числе или сокращенном виде [8]. Е.Н. Толикина считает, что в терминологии могут быть только дублиеты. По ее мнению, дублетность – нежелательное явление, поскольку она не придает ни стилистической окраски, ни индивидуальности, а просто говорит о неупорядоченности терминов [14]. О.С. Ахманова, напротив, пишет, что от дублиетов надо освободиться как можно скорее, так как они не являются синонимами, а просто по-разному называют один и тот же объект [1].

Терминологическая синонимия не должна рассматриваться отдельно от синонимии общеупотребительной лексики, потому что термин – не особое слово, а слово в особой функции, ему должны быть свойственны те же лингвистические явления, что и любому другому слову общеупотребительного языка. Такая ситуация не позволяет относить терминологическую синонимию к негативным и избыточным явлениям или вообще ее отрицать [13, 9].

В нашей статье мы будем говорить именно о равнозначных терминах, которые являются взаимозаменяемыми. Например, англ. **Mitral valve regurgitation (mitral incompetence, mitral insufficiency)** is leakage back through the mitral valve each time the left ventricle contracts/Недостаточность митрального клапана – это обратный отток крови через митральный клапан, каждый раз при сокращении левого желудочка. For example corticosteroids (cortisone-like drugs) may produce acne cause skin to become thin, and **anticoagulants (blood thinners)** may cause bruising when blood leaks under the skin/Например, кортикостероиды (кортизоноподобные лекарства) могут вызвать прыщи, стать причиной утончения кожи, а антикоагулянты (препараты, разжижающие кровь) могут спровоцировать синяки, когда кровь подтекает под кожу [2].

Широкое распространение синонимии в медицинской терминологии вызвано следующими факторами: синонимия возникает вследствие поиска более рационального обозначения; одна и та же область одновременно развивается в разных странах, и при общении ученых и обмене опытом происходит обмен терминами; авторы в своих публикациях вводят собственные термины для вновь появляющихся понятий; также иноязычный термин вводится в национальный язык в качестве синонима уже существующего термина из-за краткости, так как краткость является еще одним требованием к термину [9, 16].

В.П. Даниленко пишет, что синонимия особенно характерна для ранних этапов формирования терминотерминологической системы, когда для понятия предложено несколько терминов и не произошел естественный или искусственный отбор лучшего термина [5].

В английской медицинской терминологии выявились следующие источники возникновения терминологической синонимии:

1. Греко-латинская синонимия, когда для выражения одного и того же понятия используются и греческие, и латинские термины. Например, *proctoscopy – rectoscopy/проктоскопия – ректоскопия, pneumonectomy – pulmonectomy/пневмонэктомия – пульмонэктомия, microangiopathy – capillaropathy/микроангиопатия – капиллярпатия и т.д.*

2. Синонимия заимствованных и исконно английских терминов, например *patella – kneecap/коленная чашка, uterus – womb/матка, vertigo – dizziness/головокружение и т.д.*

3. Синонимия исконных английских терминов, например, *pins and needles – tingling/покалывание, graze – scratch/царапина, nearsightedness – shortsightedness/близорукость и т.д.*

4. Синонимия эпонимов и их значений, например *Patau's syndrome – trisomy 13/синдром Патая – трисомия 13, Bazin's disease – erythema induratum/индуративная эритема Базена, Charcot's joints – neurogenic joint degeneration/стона Шарко – нейроартропатия и т.д.*

5. Синонимия термина и его эквивалента из общеупотребительного языка, например, *amniotic fluid – waters/амниотическая жидкость, inhaler – puffer/ингалятор, bulla – blister/волдырь и т.д.*

6. Синонимия современного термина и его устаревшей формы например, *dysentery – bloody flux/дизентерия, syphilis – French pox or French disease /сифилис, edema – dropsy/отек и т.д.*

7. Синонимия термина и его эвфемистического значения, например, *cancer – big C, long illness, mitotic disease/рак; crippled – differently abled/недееспособный, surgery – intervention/оперативное вмешательство и т.д.*

8. На стадии полисемичных моделей некоторые из них могут синонимизировать по какой-либо одной семантической линии. С развитием медицины понятия конкретизируются, акцентируются новые признаки явлений. Это находит выражение в языковых формах – синонимах, которые являются активным языковым средством фиксации нового взгляда на предмет мысли, например, *bioassay – bioanalysis – bioprobe – biotest/биологический анализ; nicotinic acid – niacin – vitamin PP/ никотиновая кислота; mode – type – kind – manner – way – course of action – shape/ вид, образ действия форма; alternative medicine – unconventional medicine – alternative/ unconventional therapeutic practices – alternative/ unconventional techniques/ альтернативная медицина [9].*

9. Синонимия термина и сленга, например, *sudden seizure attack – fits/внезапный судорожный приступ, acute appendicitis – pothole sign/острый аппендицит, endotracheal tube – snorkel/эндотрахеальная трубка и т.д.*

10. Синонимия, возникающая при комбинированном способе перевода (в большинстве случаев греко-латинских терминов): транслитерацией и калькированием, например, *hemostasis – blood stasis/гемостаз – стаз крови, pleuropneumonia – lobar pneumonia/плевропневмония – крупозная пневмония, hemotransfusion – blood transfusion/переливание крови и т.д.*

11. Синонимия, появляющаяся в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта, например, *tumor – growth/опухоль, hay fever – summer catarrh/сенная лихорадка, adult tooth – double tooth/коренной зуб и т.д.*

12. К равнозначным синонимам также относятся варианты. Варианты разделяются на основании признака полноты (на полные и краткие) и языкового уровня, на котором осуществляется варьирование формы терминов: полный вариант – вариант, включающий максимальный набор терминологических элементов данного термина; краткий вариант – вариант, полученный путем сокращения полного термина, например, *antiseptic devices – antiseptics/антисептические средства, antibiotic remedies – antibiotics/антибиотические лекарства, tuberculous protein – tuberculoprotein/туберкулопротеин и т.д.*

13. При делении на основе признака языкового уровня выделяются следующие виды вариантов: графические варианты – варианты, которые различаются написанием: например, *tumor – tumour/опухоль, curet – curette/кюретка, haemophilia – hemophilia/гемофилия и т.д.,* фонетико-графические варианты – варианты, различающиеся произношением и вариантным

написанием одинаковых лексем, *например, nocturia – nycturia/ноктурия*, словообразовательные, различающиеся только словообразовательными аффиксами, *например, cough – coughing/кашель, vomit – vomiting/рвота, faint – fainting/обморок, cardiomegaly/megalocardia/кардиомегалия – мегалокардия, pyelonephritis – nephropylitis/пиелонефрит – нефропиелит и т.д.*, синтаксические варианты – варианты терминов-словосочетаний, отличающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением между ними), *например, lung cancer – cancer of the lung/рак легких, intestinal activity – activity of intestine/деятельность кишечника, urinary tract infection – infection of urinary tract/инфекция мочевыводящих путей и т.д.*

14. Морфолого-синтаксические варианты – варианты, где один из терминов выражен словосочетанием или является сложным термином, а другой – его краткий вариант, полученный с помощью синтаксических и морфологических преобразований. Чаще всего краткие варианты представляют собой слова или словоподобные образования. Выделяются следующие виды морфолого-синтаксических вариантов: эллиптические варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные пропуском одного из составляющих многокомпонентного термина без изменения его значения, *например, left atrium of the heart – left atrium/левое предсердие, ABO blood group system – ABO system/группа крови по системе ABO, arterial blood vessel – arteria/артерия и т.д.*, аббревиатурные варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные сложением частей слов, начальных букв и/или звуков многокомпонентного термина, *например, GIS – gastro-intestinal system/желудочно-кишечный тракт, CV – cardiovascular/сердечно-сосудистый, COPD – chronic obstructive pulmonary disease/хроническое обструктивное заболевание легких и т.д.*

15. Синонимия терминов, которая возникает внутри медицины. Когда какое-либо явление внутри одной области медицины получает несколько терминологических выражений, возникает внутриотраслевая терминологическая синонимия, *например, surgery – operation/хирургическая операция, roentgenology – radiology/рентгенология, assimilation – anabolism/анаболизм и т.д.*[9].

Таким образом, в синонимии медицинской терминологии английского языка были выделены следующие источники. В синонимичные отношения вступают греческие и латинские, или греческие и греко-латинские термины. Это обусловлено тем, что они являются интернациональными. Медицина как наука основывалась в Древней Греции, потом продолжила свое развитие в Римской империи, где многие медицинские греческие термины латинизировались. Это способствовало употреблению и греческих и латинских терминов в медицине. Кроме того, эти языки богаты на словообразовательные терминологические элементы, являются мертвыми языками и не изменяются [21]. Синонимами являются заимствованные и исконные термины. Такая синонимия возникает в том случае, когда заимствованный термин пытаются объяснить средствами национального языка. В синонимичные отношения также вступают исконные термины, эпонимы и их расшифровка, термин и его эквивалент из общеупотребительного языка. Синонимы из общеупотребительной лексики используются в дискурсе «врач – пациент», потому что такой термин понятен и неспециалисту [12]. Синонимами являются термин и его устаревший эквивалент (такие термины могут употребляться при архаизации текстов), термин и его сленговый эквивалент (сленг употребляется часто в речи медицинских деятелей), термин и его эвфемистическое значение. Эвфемизм возникает по ряду экстралингвистических и прагматических причин (вежливость, деликатность, благопристойность, стремление завуалировать, негативную сущность отдельных явлений действительности) [9]. Синонимия возникает при комбинированном переводе заимствованного термина, в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта. Нужно также отметить внутриотраслевую синонимию. В данном случае термин, употребляющийся в разных научных областях, имеет данный синоним только в рамках медицины. На стадии полисемичных моделей некоторые из них могут являться синонимами по одной семантической линии. При уточнении понятий, выделяются новые признаки с развитием медицинской науки. В таких случаях синонимы являются активным

языковым средством фиксации нового взгляда на понятие. Источниками синонимии могут быть и варианты. В английском языке это: графические варианты, различающиеся написанием, фонетико-графические варианты, различающиеся произношением и вариантным написанием, словообразовательные, различающиеся словообразовательными аффиксами, синтаксические варианты, различающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением между ними) часто встречаются в английском языке, морфолого-синтаксические варианты, образованные эллипсом (пропуском одного из компонентов) многокомпонентного термина без изменения его значения и аббревиатурные варианты и их расшифровка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: "Советская энциклопедия", 1966. - 598 с.
2. Берзегова Л.Ю. Different types of disease. Symptoms and treatment. - Москва: "ГЭОТАР-Медиа", 2008. - 320 с.
3. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Улумбекова Э.Г. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. - 2263 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. - Москва: Издательский центр "Академия", 2008. - 303 с.
5. Даниленко В.П. Русская терминология - опыт лингвистического описания. - Москва: "Наука", 1977. - 248 с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. - Москва: "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. - 255 с.
7. Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты // Тимофеев К.А.. - Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Новосибирский государственный университет, 1973. - С. 103-107.
8. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. - Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. - 25 с.
9. Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. - Москва, 2001. - 215 с.
10. Национальный стандарт Российской Федерации "Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы" от 01.09.2012 № 54624-2011 // Стандартинформ. 2012 г.
11. Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. - М.: Языки славянских культур, 2008. - 322 с.
12. Смирнова Е.В. Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2011. - №2. - С. 190-194.
13. Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). - 2016. - №2 (167). - С. 55-60.
14. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-67.
15. Хисамова В.Н. Взаимосвязь этнокультурных компонентов татарского и английского языков в подготовке профессиональных переводчиков в вузе // Казанский педагогический журнал. - 2011. - №1. - С. 68-72.
16. Щеколдина Л.В. Комплексный сопоставительный анализ английской и русской офтальмологической лексики: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20. - Москва, 2006. - 220 с.
17. Colloquial expressions for medical terms // UsingEnglish.com URL: <https://www.usingenglish.com/articles/colloquial-expressions-for-medical-terms.html> (дата обращения: 17.12.2018).
18. Doncu Roxana Elena, Andronache Liliana Florina Greek and Latin Nomenclatures in Medical Language // Language and Literature - European Landmarks of Identity. 2014. №15. P. 348-352

19. *Glendinning Eric H., Holmström Beverly A. S.* English in Medicine. Third edition. – ISBN 0-521-60 666-7 изд. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 148.
20. *Glendinning Eric H., Howard Ron* Professional English in use. Medicine. Cambridge University Press, 2007. – P. 176.
21. Medical slang terms nurses use // Nursebuff URL: <https://www.nursebuff.com/medical-slang/> (дата обращения: 22.09.2018).
22. *Polackova Gabriela* Synonymy of medical terminology from the point of view of comparative linguistics // Bratislavske lekarske listy. - 2001. - №102 (3). - P. 174-177.
23. *Rajić Tea* Euphemisms in Medical Jargon: undergraduate's thesis ... univ. bacc. philol. angl. - Osijek, 2014. – P. 21.
24. They died of what? Historic causes of death // ThoughtCo URL: <https://www.thoughtco.com/historic-causes-of-death-4034067> (дата обращения: 17.12.2018).

10.02.04

Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук

Уральский государственный горный университет,
кафедра иностранных языков и деловой коммуникации,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНВАРИАНТНЫХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках данной статьи представлены определения полисемии (многозначности) в современном английском языке. Подробно рассмотрены основные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования значений полисеманта и определения лексического инварианта многозначного инварианта многозначного слова. Рассмотрена новая методика толкования многозначности и строения языкового лексикона. Автор полагает, что за семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит инвариантный кластер, как совокупность наиболее устойчивых и частотных семантических компонентов.

Ключевые слова: полисемия, языковая универсалия, инвариантный кластер, лексическое значение, антропоморфная кластерная семантическая сеть.

Явление полисемии современного английского языка представляет собой весьма интересный языковой момент, в первую очередь потому, что оно как нельзя лучше демонстрирует все богатство, изобилие и сложность английского языка, а также показывает нам историю его развития и становления [3, с. 90]. Способность слова соотноситься одновременно не с одним, а с разными предметами реальной действительности, выражать разные, но в чем-то сходные между собой или смежные понятия, т.е. наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой, называется многозначностью, или полисемией (греч.: *poly* — «много», *sema* — «значение»). Что касается лексики в английском языке, то она многозначна, то есть язык обладает полисемией. Это значит, что у слова есть два и более значения. Как отмечает Елисеева В.В., полисемия может быть как грамматической, так и лексической. Примером первой может служить полисемия 2-го лица единственного числа русских глаголов: «Ты этого не поймешь» и «Тут ничего не поймешь» или артикля *the* в английском языке, выполняющего как уточняющую (*The tiger was old*), так и обобщающую (*The tiger is a cat like animal*) функцию. Лексическая полисемия может быть определена как «способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности» [1].

И.В. Арнольд рассуждая о полисемии, отмечает, что полисемия (многозначность) не мешает людям понимать друг друга потому, что ситуация и контекст, т.е. словесное окружение, в котором употребляется слово, всякий раз снимают полисемию и придают слову точное значение. Как бы ни было многозначно слово, будучи употреблено в речи, оно реализуется только в одном из своих значений. Например, *board* имеет много значений: доска, борт (судна), стол (питание), правление и др. Но в следующем контексте: *"his name, as a board on the front door stated, was..."* – *board* можно понять только как дощечка. С другой стороны, когда Робертс ("The Strife" by J. Galsworthy) говорит: *"It's what the Board has to say we've come to hear"*, – ясно, что речь идет о правлении, а не о доске [1].

Полисемия является языковой универсалией в системе европейских языков. Основана она на асимметричности языкового знака и отражает принцип экономии формальных средств при передаче максимального смыслового объема. Однако, явление полисемии, так широко исследуемое, но до конца не раскрытое, включает широкий спектр переосмыслений, являясь существенным препятствием на пути декодирования контекстуальных метафорических

переосмыслений. Имеющиеся на сегодняшний день трудности включают необходимость заучивать значения многозначных слов списками и в контекстах их употреблений и в дидактическом плане заслуживают разрешения. Кроме того, имеющиеся разработки в области машинного перевода и контекстного меню на сегодняшний день «не справляются» с декодированием переносных значений (метафор, метонимий и других устойчивых выражений). Принципиально новая методика толкования многозначности и строения языкового лексикона, необходима для создания кластерно-инвариантного словаря, данные которого могли бы использоваться в процессе построения нейронных семантических сетей как аналога функционирования когнитивной системы человека в целом.

Исходя из этого, возникает ряд проблем, связанных с тем, как в связи с вышеизложенным следует трактовать лексическое значение, как в процессе коммуникативного цейтнота сознанию удастся в максимально короткое время выбрать нужное контекстуальное воплощение, не сканируя все имеющиеся у многозначного слова значения (которых может быть более ста), в каком виде в ментальном лексиконе хранятся многозначные слова, учитывая наличие к ним быстрого доступа. Известно, что в основе полисеманта лежит главное, номинативно-непроизводное значение, по отношению к которому все остальные значения являются производными. Именно на основе первого значения семасиологи пытались сформулировать так называемое «общее значение», которое обеспечивает семантическое тождество слова. Так, Р. Якобсон под общим значением понимал первое, главное значение и относил его к системе языка, противопоставляя его «частным» значениям в сфере речи [Якобсон 1985]. Вслед за Якобсоном, общее значение пытался сформулировать В.А. Звегинцев, полагая, что общее значение можно обнаружить у любой многозначной лексемы.

У слов с развитой системой многозначности проблематично свести все переносные значения к главному. Если инвариант возможен, то он будет носить максимально абстрактный характер [Песина 2011б: 74]. С.Д. Кацнельсон рассматривает лексические значения «как понятия, это своего рода умственные концентраты, сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности — обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений [2].

Именно по причине того, что вначале актуализируются не все стоящие за значением семантические компоненты, а только самые базовые, инвариантные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное, опирающееся на минимум идентифицирующих семантических признаков. На основании вышеизложенного, центральное понятие языка — значение трактуется нами как семантический кластер, формируемый в сознании носителя языка с учетом особенностей окружающего контекста и включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, минимально достаточных для декодирования данного контекста [4, 5].

Следовательно, мы полагаем, что за всей семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит инвариантный кластер как совокупность наиболее устойчивых и частотных семантических компонентов, формируемых со временем в языковом сознании носителя языка и участвующих, в одной из своих конфигураций, в процессе декодирования конкретного контекстуального значения в соответствии с интуицией среднего носителя языка [4].

Если заглянуть в «глубь» значений, то гипотетически можно предположить, что, подобно тому, как электроны в атомах вращаются по определённым орбитам, так и семантические компоненты, часто скрытые, лежат в основе нашего понимания мира. Известно, что, получая информацию, мозг дробит ее на множество составных частей (Л.С. Выготский, Р.А. Лурия),

сверяя их с уже имеющимися данными и дополняя собственную картину или представление об объекте [4, 5].

Можно предположить, что в качестве таких данных, к которым мозг постоянно обращается, выступает лексический инвариантный кластер. Использование инварианта при интерпретации значения сокращает время обработки информации во множество раз и способствует оптимизации огромных баз данных.

В качестве иллюстрации к сказанному представим антропоморфную кластерную семантическую сеть многозначного слова «*head*». Так, при осмыслении метафорического переноса «*the head of the comet*», языковое сознание индивида автоматически обращается к семантическим компонентам главного значения, представленным слева (*the upper part of the human or animal body, consisting of the skull and face* - верхняя часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица). В ситуации не связанной с первым значением в интерпретирующее сознание поступает сигнал несоответствия речевому контексту, в соответствии с которым оно осуществляет поиск дальнейшей кластерной семантической связи. В соответствии со сформированным в сознании семантическим инвариантным кластером «верхняя или передняя, ведущая (часто вытянутая) и самая важная часть объекта» и принципом языковой экономии сознание осуществляет валентно-векторную в семантическом отношении (и синоптическую в физиологическом понимании) связь между самыми общими частотными инвариантными компонентами, а, именно, передняя, главная, движущая часть кометы (в случае, если декодирования значения не происходит, идет обращение ко всему кластеру значения и, далее, к субъективной периферийной его части [9, 10].

Подобное понимание сущности значения является новым в том плане, что зыбкость границ значения, так часто постулируемая в когнитивной лингвистике без особого обоснования причин, в нашем исследовании получает подробную и основательную трактовку.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
2. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. — 112 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
3. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: КомКнига, 2005. 120 с
4. Песина С.А., 2015. Инвариант многозначного слова феноменологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 120–127.
5. Песина С.А., Зимарева О.Л., 2017. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (50). С. 146–154.
6. Galsworthy J., 1994. The Man of Property. Hertfordshire : Wordsworth Editions. 293 p.
7. Lakoff G., 1972. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // CLS. Vol. 8. P. 183–228.
8. Pesina S., Latushkina O., 2015. Polysemy and Cognition // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 192. № 24. P. 486–490.
9. Pesina S., Solonchak T., 2015. Word Functioning in Communication Process // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 192. № 24. P. 346–351. Pesina S., Yusupova L., 2015. Words Functioning in Lexicon // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 192. № 24. P. 38–43.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹Е.В. Белова канд. филол. наук, ²А.Г. Черенков

Калужский филиал Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана,

¹Факультет «Информатика и управление»,
кафедра «Иностранные и русский языки»,

²Факультет «Машиностроение»,
кафедра «Подъемно-транспортные системы»,
Калуга, belova.ev74@gmail.com, al.cherenkov2013@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СРЕДСТВАМИ СЕРВИСОВ ОНЛАЙН ПЕРЕВОДА**

В работе представлен анализ перевода технической литературы при помощи различных онлайн служб. Рассмотрено понятие адекватности перевода. Проанализированы основные ошибки перевода, допускаемые электронными переводчиками.

Ключевые слова: *адекватность перевода, онлайн переводчик, ошибки перевода.*

В связи с появлением большого количества иностранных предприятий в России в настоящее время все больше возрастает необходимость использования зарубежной технической литературы. Следовательно, существует острая необходимость в переводчиках технической литературы. При переводе важно правильно передать смысл исходного языка. Однако язык – явление непростое. Тем более, когда речь идет не об одном языке, а о переходе с одного языка на другой. Неточность предмета исследования стала причиной существования множества моделей перевода. В.Н. Комиссаров определяет модель как «условное изображение процедуры осуществления процесса перевода» [2:198]. Получается, что модель – это процесс, происходящий в сознании переводчика. Но в последнее время в связи с развитием науки и техники, а также с целью экономии средств и времени, на предприятиях все чаще обращаются к помощи электронных онлайн переводчиков. Целью данного исследования является анализ качества перевода технической литературы и выявление наиболее адекватного онлайн переводчика.

Для исследования были выбраны онлайн переводчики: «Яндекс Переводчик»; «Google Переводчик» и «Microsoft Переводчик», с помощью которых был переведен текст «Hoist» объемом 33 предложения, 4713 печатных знаков; а также перевод одного из авторов данной работы, студента 3 курса специальности «Подъемно-транспортные, строительные, дорожные средства и оборудование».

Приведем пример перевода отрывка статьи разными онлайн сервисами.

Hoist

A hoist is a device used for lifting or lowering a load by means of a drum or lift-wheel around which rope or chain wraps. It may be manually operated, electrically or pneumatically driven and may use chain, fiber or wire rope as its lifting medium [4].

Перевод Черенкова А.Г.

Подъемник

Подъемник представляет собой устройство, используемое для подъема или опускания груза с помощью барабана или подъемной звездочки, вокруг которых наматывается веревка или цепь. Он может быть ручной, с электрическим или пневматическим приводом; в качестве натяжного устройства может применяться цепь, волокнистый или стальной канат.

Перевод «Яндекс Переводчик»

Подъем

Подъемник представляет собой устройство, используемое для подъема или опускания груза с помощью барабана или подъемного колеса, вокруг которого веревка или цепь обертывания. Он может управляться вручную, электрически или пневматически и может использовать веревочку цепи, волокна или провода как свое поднимаемое средство.

Перевод «Google Переводчик»

Подъемный механизм

Подъемник - это устройство, используемое для подъема или опускания груза с помощью барабана или подъемного колеса, вокруг которого наматывается трос или цепь. Он может управляться вручную, электрически или пневматически и может использовать цепь, волокно или трос в качестве подъемной среды.

Перевод «Microsoft Переводчик»

Подъемник лебедки - это устройство, используемое для подъема или опускания груза с помощью барабана или подъемного колеса, вокруг которого веревка или цепь обертывания. Он может быть ручным управлением, электрически или пневматическим приводом и может использовать цепь, волокно или веревочку провода как своя подъемная среда.

Пример наглядно показывает несовершенство перевода электронных сервисных служб. В каждом электронном переводе встречаются стилистические, грамматические, пунктуационные ошибки. Однако в некоторых случаях можно понять, о чем идет речь, в других невозможно понять смысл предложения. В таком случае следует упомянуть такой фактор оценивания перевода, как «адекватность». Понятие адекватности в нашей стране также связано с В.Н. Комиссаровым. В современной отечественной практике адекватный перевод основан именно на предложенном им определении: «Адекватным переводом называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении «адекватный перевод» - это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода». [2:233]

Адекватности перевода мешают ошибки перевода, совершаемые переводными сервисами. Ошибка обычно определяется как «неправильность, непреднамеренное отклонение от нормативного, стандартного, правильного, отступление от правил, нарушение требований» [3], «мера дезинформирующего воздействия на читателя» [2].

В.Н. Комиссаров различает следующие типы ошибок перевода: ошибки, представляющие собой грубое искажение содержания оригинала; ошибки, приводящие к неточной передаче смысла оригинала, но не искажающие его полностью; ошибки, не нарушающие общего смысла оригинала, но снижающие качество текста перевода вследствие отклонения от стилистических норм языка перевода, использования малоупотребительных в данном типе текстов единиц, злоупотребления иноязычными заимствованиями или техническими жаргонизмами и так далее; нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала. [2]

Как было сказано выше, переводчик обычно использует ту или иную модель, в зависимости от его опыта и квалификации, а также от цели перевода. Онлайн словари не могут следовать какой-либо модели или методу перевода, а переводят текст буквально. Как известно, «буквалистическое» подражание оригиналу, механический перенос в текст перевода таких особенностей исходного текста, которые при переводе передаче не подлежат, и приводит к наибольшему количеству ошибок. В этой связи уместно упомянуть слова Л.С. Бархударова, который определял буквальный перевод «...как перевод, осуществленный на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания» при соблюдении норм языка перевода [1].

Итак, анализ переводов привел к следующим результатам. Перевод студента вполне адекватен, смысловые ошибки, искажающие содержание текста оригинала, отсутствуют. Однако обнаружено 5 ошибок, нарушающих обязательные нормы языка перевода, но не влияющих на эквивалентность перевода. Перевод сервиса Google, в целом, дает представление, о чем говорится в тексте, но имеет ряд смысловых ошибок, искажающих содержание текста, например, слово *car* переводится как автомобиль (основное значение), хотя в тексте речь идет о кабине лифта. Всего обнаружено 7 таких ошибок, и 12 ошибок, нарушающих нормы языка, но не влияющих на понимание смысла текста. Перевод сервиса Яндекс нельзя назвать адекватным. Лексические и грамматические ошибки, мешающие восприятию текста, присутствуют практически в каждом предложении. Смысл текста непонятен. Сервис Microsoft предоставил перевод очень сходный с переводом сервиса Яндекс. В переводе имеется большое количество смысловых ошибок, которые меняют содержание текста или делают непонятным смысл предложения.

При сравнении данных переводов можно заметить, что наибольшее искажение тексту придают грамматические ошибки. Из-за данных ошибок теряется смысл предложения, что препятствует чтению текста.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что наиболее точный перевод может обеспечить лишь веб-служба «Google Переводчик», так как через эту веб-службу текст идет с наименьшим количеством смысловых ошибок, что в целом дает читателю понять, о чем говорится в тексте. К сожалению, ни одна из служб не может выполнить абсолютно адекватный перевод технического текста, однако совместный перевод онлайн переводчика и специалиста в данной предметной области, владеющего основами грамматики иностранного языка, а также терминологией по своей специальности, может быть вполне адекватным и качественным.

Список литературы

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
2. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
3. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
4. <https://www.scribd.com/doc/174021467/Case-Study-Mechanics-Machine>

10.02.19

А.И. Горохова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра «Иностранные языки по гуманитарным специальностям»,
Якутск, anna_gorokhova@mail.ru

КОНЦЕПТ 'ХОТУ' (СЕВЕР) В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ

В статье представлены результаты изучения концепта 'Хоту' (Север) в сознании носителей якутского языка. Представление о концепте 'Хоту' лишено мифологичности. Данный концепт воспринимается языковой личностью через призму собственной жизни. В языковом сознании якутов 'Хоту' – это территория Арктики Якутии. Концепт 'Хоту' национально-специфичен и представляет собой совокупность значений и ассоциаций, возникающих у современных якутов в процессе осмысления явлений, связанных с Севером Якутии.

Ключевые слова: *концепт, якуты, языковое сознание, семантический гештальт, ассоциативное поле.*

Концепты представляют собой абстрактные единицы, которые отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц.

Вслед за Ю.С. Степановым под концептом мы понимаем «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5].

Якутское слово *хоту* (север) так же многозначно, как и феномен, который оно репрезентирует.

Север Якутии безусловно отличается от других регионов российского севера не только своим историко-культурным наследием, но и природно-климатическими условиями и особенностями хозяйственного освоения. Тем самым, необходимо уточнить понятие и образ Севера Якутии.

Целью исследования является изучение языковой репрезентации концепта 'Хоту' (Север).

Концепт 'Хоту' до сих пор не являлся предметом детального исследования.

В словаре Э.К. Пекарского *хоту* (тюрк. коды, коҕы вниз, бур. хоіто север, монг. коіту северный, та сторона, где находится северная полярная звезда) означает: 1) Покатое положение; север, полночь; на север; вниз, долу, по течению; за, по; 2) У туруханских якутов: юг [4]. А в толковом словаре П.А. Слепцова *хоту* определяется как: 1) Согуруу диэкигэ утары буолар туорт хайысхаттан биирдэстэрэ 'Одна из четырёх сторон света и направление, противоположное югу, север'; 2) Собуруу диэкигэ утары, хоту диэки сытар сир 'Места, находящиеся на севере, северный край' [1].

В словаре Э.К. Пекарского определение слова *хоту* имеет мифологическую составляющую. В якутской мифологии и фольклоре компонент значения «север» входит в семантическую структуру общетюркского имени **qara* (черный): черный (цвет) - север - ночь (тьма) - социальный низ - рогатый скот – Земля - злой дух. [2]. В цветовой геосимволике якутов север – черный, а также маркирован отрицательной коннотацией.

Знания, которые стоят за словом *хоту* в культуре якутов отражают его значение именно как социокультурную реальность. Свободный ассоциативный эксперимент, проведенный нами среди студентов вузов Республики Саха (Якутия) в возрасте от 17 до 30 лет якутской национальности позволил раскрыть эти знания. Всего было опрошено 125 информантов –

представителей 26 улусов Республики Саха (Якутия). Лишь 9,6% опрошенных являются уроженцами улусов, входящих в арктическую зону Якутии. В настоящее время в состав арктической зоны Якутии входят 5 улусов – Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Из 125 испытуемых 106 человек дали ответ на данный стимул, 19 человек оставили стимул без ответа, 39 человек дали разные ответы, а также было получено 25 единичных реакций (каждая из них дана только одним испытуемым). Полученные материалы были объединены в совокупное ассоциативное поле ‘Хоту’. Методом «семантического гештальта (по Ю.Н. Караулову), «который отражает внутреннюю семантическую организацию ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурной реальностью» [3] мы выявили 9 семантических зон. Для выделения в структуре поля ядра и периферийной зоны был использован «индекс яркости», то есть количество реакций на данный стимул от общей суммы реакций. Согласно И.А. Стернину в ядро входят реакции с индексом яркости не менее 0,12–0,15; ближняя периферия — 0,10–0,04; дальняя периферия — 0,03–0,02; крайняя периферия — яркость 0,01 и ниже [6]. Таким образом, лексические единицы поля были распределены следующим образом: ядро поля составляют реакции с суммарным ИЯ 0,73 и к периферии относятся реакции с суммарным ИЯ 0,21. В нашем исследовании выделение ближней, дальней и крайней периферии мы посчитали малоинформативным.

Таблица. Семантический гештальт ассоциативного поля ‘Хоту’

Ядро 0,73				
Тымныы 0,23	Дойду 0,20		Таба 0,17	Ас 0,13
тымныы 23 ‘холод’; кыһын ‘зима’; минус 60	дойду 10 ‘край; родина’; ыраах 3 ‘далеко’; Тикси 2; улуус ‘улус’; хоту улууһа ‘северный улус’; Анаабыр ‘Анабар’; арктической улуустар ‘арктические улусы’; мин дойдум ‘моя родина’; сахалар үөскээбит дойдулара ‘родина якутов’; энэр ‘край, сторона’		таба 14 ‘олень’; тайах 2 ‘лось’; балык 2 ‘рыба’; ат ‘лошадь’	ас 10 ‘еда’; тон балык ‘строганина’; халбаһы ‘колбаса’; хоту аһа ‘еда Севера’; эт ‘мясо’
Периферия 0,21				
Хаар 0,11	Хайа 0,04	Эбээннэр 0,04	Выживание 0,01	Бастыҥа 0,01
хаар 5 ‘снег’; дьүкээбил уота 2 ‘северное сияние’; сулус 2 ‘звезда’; бурҕа 2 ‘метель’; тыал ‘ветер’	хайа 2 ‘гора’; тыа ‘лес’; тайҕа ‘тайга’; туундара ‘тундра’	эбээннэр 2 ‘эвены’; ыраах тыа дьоно ‘жители глубинки’; кыһа ‘девушка’; уолаттара ‘парни’	выживание; дьол ‘счастье’	бастыҥа ‘головной убор’; ырыа- тойук ‘песни’

Согласно количественным подсчетам реакций в каждой группе, мы приходим к выводу, что на стимул ‘Хоту’ преобладают тематические реакции (например, *тымныы*). Если синтагматические (например, *дойду*) и тематические реакции характеризуются частотностью возникновения, то парадигматические реакции (например, *Анаабыр*) являются единичными.

Исходя из полученных реакций, можно утверждать, что концепт ‘Хоту’ принадлежит к национальным концептам, т.к. вызывает национально-маркированные ассоциации как *Тикси*, *Анаабыр*, *тон балык*, *бастыҥа*, *ырыа-тойук*, *улуус*, *эбээннэр*, которые относятся к безэквивалентной лексике.

Значимыми признаками, определяющими ядерную семантику, являются климатические особенности, животные, которые там обитают и с которыми связана хозяйственная деятельность живущих там людей, географическое расположение. Одноименные зонам

лексемы являются и наиболее распространенными ассоциатами. Следует отметить большое количество индивидуальных реакций, оказавшихся в ядре, что возможно свидетельствует о том, что такие реакции могут стать более частотными при привлечении большего числа испытуемых. Индивидуальные особенности ассоциаций, то, какие именно понятия актуализируются у испытуемых, зависят не только от среды обитания, но и от прошлого индивидуального опыта субъекта, его эмоционального и психического состояния и ряда других факторов. Индивидуальные реакции играют важную роль в формировании образа сознания, так как отражают особенности жизнедеятельности человека. Интересно отметить, что в ядро попали все парадигматические реакции, хотя они являются единичными, но они, в первую очередь, соответствуют лексико-семантическому варианту слова *хоту* (второе значение) в толковом словаре П.А. Слепцова.

В периферии реакции детально описывают ландшафт, погодные условия, людей, населяющих эту местность, артефакты. В периферии также встречаются лексические единицы, которые выражают отношение к северу, например, *выживание*, *дьол*, причем они обладают противоположными коннотативными значениями.

Исходя из вышесказанного следует отметить, представление о концепте *Хоту* в сознании современных якутов лишено мифологичности и даже носители якутского языка и культуры воспринимают '*Хоту*' не как терминологическое понятие, обозначающее направление, о чем свидетельствует отсутствие реакций-терминов в эксперименте, а через призму собственной жизни. В языковом сознании якутов '*Хоту*' это территория не всей Якутии, а именно тех районов, которые входят в Арктическую зону, о чем свидетельствуют лексемы *Тикси*, *Анаабыр*, *арктической улуустар*. Значение слова *хоту*, представленное в сознании носителей якутского языка, значительно шире лексикографического описания. Индивидуальные реакции, расположенные как в ядре, так и в периферии ассоциативного поля, позволяют дополнить представления о данном концепте и построить реальную модель языкового сознания носителя языка. Лексема *хоту* является многозначной в языковом сознании якутов, и психолингвистические методы позволяют дифференцировать отдельные значения в семанте слова.

Таким образом, концепт '*Хоту*' (Север) национально-специфичен и представляет собой совокупность значений и ассоциаций, возникающих у современной языковой личности (якутов) в процессе осмысления явлений, связанных с Севером Якутии.

Список литературы

1. Большой толковый словарь якутского языка под ред. П.А. Слепцова. Том XIII. – Новосибирск: Наука, 2016. – С. 625.
2. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира. – М.: РГГУ, 2003. – С. 113
3. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 196-197
4. Словарь якутского языка Э.К. Пекарского. – М.: Акад. наук СССР, 1959. III тома. Стлб. 3534
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С.43.
6. Стернин И.А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии / И. А. Стернин // Лингвоконцептология. Вып. 2 – Воронеж: Истоки, 2009. – С.26.

10.02.19

Д.А. Демидкина канд. филол. наук

Казанский государственный энергетический университет,
кафедра «Иностранные языки»,
Казань, daria.demidkina1@gmail.com

О СООТНОШЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНОГО И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ С СЕМАНТИКОЙ ИМПЕРФЕКТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования временных форм с имперфектным значением в английском и русском языках. Проводится анализ темпоральных и референциальных особенностей вышеуказанных форм не только в системе, но и в реальном функционировании в тексте.

Ключевые слова: *имперфект, качественно-количественная темпоральность, референциальная точка, тонкальное предшествование.*

Имперфект (лат. imperfectum, букв. – незавершенное) – видовременная форма глагола в ряде индоевропейских и других языков, обозначающая прошедшее действие или состояние, рассматриваемое в процессе его протекания или повторения без указания на момент завершения или прекращения. Имперфект употребляется обычно при описании постоянных ситуаций прошлого, обычаев, а также действий, протекающих одновременно с другими и служащих для них фоном [3].

Таким образом, имперфект – это глагольная форма, выражающая одновременно прошедшее время и несовершенный (или длительный) вид; имперфектом может также называться и сама эта комбинация значений (прошедшего времени и несовершенного вида), особенно если она выражена единым, нечленимым в формальном отношении показателем. В английском языке имперфектное значение выражает форма Past Continuous (Past Progressive), в русском языке это значение передается формой прошедшего времени несовершенного вида.

Past Continuous (Прошедшее длительное, часто называют также «прогрессивом») является сложной формой, основное значение которой состоит в обозначении длительного действия, протекавшего одновременно с другим действием или в некоторый момент прошлого, принятый за основу временных отношений.

...I suddenly became conscious that someone *was looking* at me (O. Wilde. The picture of Dorian Gray) / ...внезапно я смутился от того, что кто-то смотрел на меня. В примере Past Continuous передает действие в его непосредственном развитии, причем действие всегда незаконченное. Однако главным является не то, что действие еще не закончилось, а то, что оно развивается, протекает процессуально. Значение незаконченности неизбежно вытекает из значения процесса; процесс – это действие в протекании, в совершении, но не в совершенности. В этом значении выражено абсолютное время – длительность действия, протекающего само по себе, то есть количественная темпоральность.

Форма Past Continuous не употребляется «сама по себе», без указания на время в прошлом, поэтому обязательным условием является ее соотнесенность с временным центром прошедшего времени, выраженным или лексическим указанием на время или же указанием на действие в прошлом, с которым соотнесено действие, передаваемое длительным прошедшим.

...crowds of people *were every moment passing* in and out, up the steps and down... (J. Austen. Northanger Abbey) / ...толпы людей каждый миг проходили туда-сюда, поднимаясь и спускаясь по лестнице... В данном примере действие в имперфекте выражает значение тонкального нетаксисного предшествования относительно эксплицитно выраженной аллоцентрической неглагольной референциальной точки, обозначенной лексически.

As we were sitting together, suddenly there came into her eyes a look... (O. Wilde. The picture of Dorian Gray) / Когда мы сидели вместе, вдруг в ее глазах появился взгляд...

Так, в вышеуказанном примере, действие в имперфекте является фоном для другого точечного действия, которое прерывает его и тем самым становится той аллоцентрической глагольной референциальной точкой, относительно которой имперфект выражает тонкальное таксисное предшествование.

Большинством славянских языков имперфект утрачен. Принято считать, что именно имперфект исчез из древнерусского языка ранее всего, поскольку «в современном русском языке мы не находим никаких явных следов старого имперфекта» [1]. В русском языке имперфектное значение выражает форма прошедшего времени несовершенного вида, основным значением которой так же, как и в английском языке, является длительность, повторяемость или незавершенность одновременных действий.

Но не голосом Джеммы – ею самую *любовался* Санин (И. Тургенев. Вешние воды).

Основным временным значением имперфекта в повествовательной рамке текста является выражение тонкальной одновременности относительно аллоцентрической референциальной точки, отличной от момента речи или вспомогательной эксплицитно или имплицитно выраженной референциальной точки.

То, что он понимал в нем, ему крайне не нравилось. Лаевский *пил* много и не вовремя, *играл* в карты, *презирал* свою службу, *жил* не по средствам, часто *употреблял* в разговоре непристойные выражения, *ходил* по улице в туфлях и при посторонних *ссорился* с Надеждой Федоровной – и это не нравилось Самойленку (А. Чехов. Дуэль).

The water-carrier had hold of a woman's arm and *was dragging* her along, while the house boy *was pushing* her from behind with both hands. She *was holding* a baby against her breast. All three *were shouting* angrily (W. Maugham. The Force of Circumstance) / Носильщик воды схватил женщину за руку и тащил ее, в то время как мальчик слуга обеими руками выталкивал ее сзади. Все трое раздраженно кричали.

Во всех подобных случаях формы прошедшего несовершенного в имперфектном значении употребляются совершенно самостоятельно, непосредственно изображая прошлое как цепь процессов. В отличие от прошедшего несовершенного, передающего незавершенный характер действия, форма Past Continuous в повествовательном контексте все же устанавливает временную последовательность действий, а именно всегда указывает на их одновременность с действиями, входящими в основную нить повествования.

Во взаимодействии со средствами контекста имперфект в обоих языках выражает качественно-количественную темпоральность – повторяемость и многократность действия в прошлом.

Приятель оделся и пошел в павильон. Тут Самойленко был своим человеком, и для него имелась даже особая посуда. Каждое утро ему *подавали* на подносе чашку кофе, высокий граненый стакан с водой и со льдом и рюмку коньяку; он сначала *выпивал* коньяк, потом горячий кофе, потом воду со льдом, и это, должно быть, было очень вкусно, потому что после питья глаза у него *становились* масляными, он обеими руками *разглаживал* бакены и *говорил*, глядя на море:

- Удивительно великолепный вид! (А. Чехов. Дуэль).

Soon they *were meeting* every day (W. Maugham. Virtue) / Вскоре они встречались каждый день.

В данных примерах повторяемость действия эксплицируется обстоятельством 'каждое утро', 'every day'.

В обоих сопоставляемых языках имперфект употребляется в значении действия-декора, на фоне которого происходит закончившееся в прошлом однократное действие.

К счастью, погода *стояла* прекрасная – и Санин, пообедав в знаменитой тогдашней гостинице «Белого лебедя», отправился бродить по городу (И. Тургенев. Вешние воды).

Cooper *was playing* his gramophone. Mr. Warburton shuddered; he had never got over his instinctive dislike of that instrument (W. Maugham. The Outstation) / Играл граммофон Купера.

Мистер Вербертон содрогнулся; он никогда не преодолел инстинктивную неприязнь к этому инструменту.

В данных примерах действия в имперфекте выражают тонкальное таксисное предшествование аллоцентрической глагольной референциальной точке. В значении действия-декора, на фоне которого происходит закончившееся действие, имперфект выражает значение количественной темпоральности – неограниченной длительности, и именно в этом значении наиболее ярко проявляется его кинетический характер, постоянно трансформирующий несовершившееся в совершившееся.

Будучи формой со сложной глубинной структурой, имперфект обоих языков проявляет темпоральную поливалентность, развиваемую на основе системного значения количественной темпоральности.

В повествовательной рамке, в которой нет непосредственной связи с моментом речи, действия в формах с имперфектным значением соотносятся не с нулевой референциальной точкой, а с аллоцентрической, вспомогательной, представленной либо глагольной, либо неглагольной синтагмой.

Список литературы

1. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Наука, 1963. – С. 227.
2. *Демидкина Д.А., Марзоева И.В.* Темпоральное и референциальное значение видовременной формы Past Continuous в английском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75) ч.1. С. 108-110.
3. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 174.

10.02.19

Е.А. Должич канд. филол. наук, С.В. Дмитриченкова канд. педагог. наук

Российский университет дружбы народов,
Инженерная академия, кафедра иностранных языков,
Москва, korte@mail.ru, sw.wl@mail.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В процессе овладения знанием и коммуникации индивид использует несколько модусов познания мира. Мультимодальный подход в науке о языке позволяет анализировать и описывать смыслообразующие средства языка как взаимодействие разных знаковых систем. В отличие от мономодальности, учитывающей лишь вербальную составляющую языка, мультимодальность предполагает наличие разнообразных каналов передачи информации. Мультимодальный текст предстает в рамках данного подхода как полизнаковая фиксация когнитивной репрезентации действительности. В статье анализируется научно-технический мультимодальный текст с точки зрения составляющих его когнитивных структур и формирования когерентного дискурсивного целого.

Ключевые слова: мультимодальность, научно-технический текст, коммуникация.

Исходя из новой научной парадигмы в языкознании, основанной на изучении явлений, связанных с передачей и восприятием информации, встала задача всестороннего изучения языка во всем многообразии его связей с кодами других семиотических систем, в том числе с невербальным кодом.

В связи с экспансией информационных технологий и развитию гибридных форм мышления в настоящее время, вербальный регистр коммуникации успешно взаимодействует с визуальным или аудио-визуальным. Обилие невербальных знаков и изобразительных вкраплений в письменной коммуникации, введение цифр в написание слов и фраз всё чаще привлекает внимание лингвистов-исследователей как крепнущий дискурсивный модус. Исследованию мультимодальных текстов посвящены работы Глебовой Л.Н., Гура В.В., Кибрик А.А., Сониной А.Г. и других [1, 2, 4, 5].

Визуализация и тенденция к иероглифичности и прочим изобразительным элементам в текст – лишь внешняя сторона его гетерогенности и синкретичности. Внутренняя же его сторона состоит в диалогичности между разноплановыми, разнотипными дискурсивными фрагментами. Последнее время характеризуется ростом объема визуальной информации, которая имеет более высокую информационно-энергетическую емкость и более широкий прагматический потенциал, чем вербальная информация. Зрительная информация, воздействующая на индивида, получает все более широкое распространение, нарушая монополию печатного текста на передачу информации в самых разных сферах жизнедеятельности человека.

Любой текст, будучи явлением интегральным, возникает в лоне национальной культуры под влиянием множества прецедентных текстов. Если в создаваемом речевом произведении совмещены отрывки, характеризующиеся неоднородными стилистическими, семантическими, идиоматическими и прагматическими особенностями, то возникает такая гетерогенность, которую специалисты определяют как интердискурсивность, для которой характерен симбиоз текстовых пластов [3, с.123].

Для осмысления и созидания интердискурсивных нитей необходимо двустороннее перемещение языковой личности от одной семиотической модели текстопорождения к другой, от одного когнитивного кода к другому [6, с. 22].

Изучение мультимодальных текстов с точки зрения составляющих их когнитивных структур и когнитивный подход в целом способствует выявлению сущностных перлокутивных свойств текста, остающихся нерелевантными при его анализе в ракурсе иных гуманитарных парадигм. Формирование когерентного дискурсивного целого посредством фузии визуального и вербального является одним из основных свойств современного научного дискурса. Важными его характеристиками являются также виртуальность, визуальность, информативная перенасыщенность.

Именно в рамках когнитивного подхода современный научный мультимедийный текст следует рассматривать как гетерогенную познавательную структуру, позволяющую репрезентировать, хранить и перерабатывать информацию.

Прослеживая историю совершенствования коммуникативных возможностей человека, ученые приходят к выводу, что для человека естественно увеличивать объем зрительной информации, ее ресурсы и возможности сравнительно с другими видами и средствами коммуникации [5, с. 23].

Появление семиотически осложненного текста, активное функционирование мультимодального текста в научном дискурсе свидетельствуют о серьезных изменениях в способах передачи сведений о мире.

Мультимодальный текст является особой формой текстовой гетерогенности. Текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. Материя текста соткана из многих различных элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого [6].

Психолингвисты, занимающиеся исследованием проблемы восприятия мультимодальных текстов утверждают, что в процессе восприятия реципиентом семиотически осложненного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, в результате чего создается единый общий концепт такого текста [5, с. 98].

В результате анализа современных научных текстов представляется возможным определить их специфичность как интегративное структурно-смысловое и функциональное целое вербальных и невербальных элементов, несущих прагматическую направленность – информировать реципиента и воздействовать на его ментальные и психолингвистические процессы.

В научно-технических текстах изобразительный ряд представлен чертежами, схемами, фотографиями, микрографиями, техническими рисунками, диаграммами, таблицами, графиками. Наличие иллюстраций из художественного дискурса свидетельствует о намеренном переключении сознания автора на картины мира из классических произведений мировой литературы и являет собой эффективный путь наглядно-образного пояснения понятий, вовлеченных в научную концепцию.

Как показывает исследованный материал, различные иллюстрации являются важным компонентом, увеличивающим объём информации в научном тексте, и присутствуют в той или иной степени в 100% проанализированных текстах научных статей.

Вербальные и невербальные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением мультимодального текста в целом.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что визуальный ряд в научно-техническом тексте имеет познавательное предназначение и без него текст утрачивает свою когнитивную сущность.

Список литературы

1. Глебова Л.Н. Мультимодальный образовательный текст массовых открытых онлайн-курсов (МООК): рекомендации по визуализации контента / Л. Н. Глебова, Ю. А. Платонова // Научный диалог. — 2016. — № 10 (58). — С. 338—350.
2. Гура В.В. Философские аспекты педагогического дизайна электронной медиаобразовательной среды / В. В. Гура // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2011. — № 2. — С. 84—96.
3. Должич Е.А. - Интертекстуальность и интердискурсивность в современном испанском научном дискурсе (на материале естественнонаучных статей и диссертаций). Монография. // Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG.- Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Germany. // ISBN-13: 978-3-8484-0594-7 / ISBN-10: 3848405946. - 2012-02-14. — 208 с.
4. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Ю.И. Александров, В.Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134-152. Федоров А. В., Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А. А. Федоров. — Москва: Информация для всех, 2007. — 616 с.
5. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект: Монография. — М., 2005.— 220 с.
6. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. - СПб., 2007. - С. 22-23.

10.02.19

А.С. Кулигин канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра русского языка,
Казань, andrej_kuligin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЛАТИНСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

В работе приводятся аргументы в пользу расширения латинской номенклатуры, традиционно применяемой в семантической классификации производной лексики. Выделяются некоторые проблемы данного способа описания: дефицит номенклатурных элементов, их синонимия, вариативность и др. Обсуждаются перспективы их возможного устранения для описания системы производных имён.

Ключевые слова: *сопоставительное словообразование, лингвистическая терминология, латинский язык*

В основе большинства современных исследований в области типологического и сопоставительного словообразования лежит ономазиологический подход, который предполагает, что при сопоставлении языковых единиц исследователь движется «от значения к форме», т.е. устанавливает общие или близкие значения формантов в изучаемых языках и затем анализирует особенности их выражения, выявляя эквивалентные или уникальные словообразовательные элементы. Распространённость такого подхода обусловлена тем, что в неродственных и неблизкородственных языках эквивалентные форманты фонетически различны, и поэтому не могут быть систематизированы по звуковому признаку. Кроме того, особенности фонетической оболочки форманта обычно не считаются главными факторами, определяющими его деривационную продуктивность (хотя их влияние на морфемную сочетаемость в той или иной степени может учитываться).

Однако подход «от значения» естественным образом связан с рядом семантических проблем и, в частности, с проблемой представления словообразовательной семантики в научных текстах. К настоящему моменту сложилось несколько способов описания словообразовательного значения деривата, наиболее распространёнными из которых являются:

1. **Перифразы** словообразовательных значений (например, «лицо – субъект действия», «лицо, охарактеризованное по профессиональной деятельности, названной производящей основой»). Данные перифразы получили распространение в некоторых словообразовательных словарях и в академической «Русской Грамматике» («АГ-80»), которая более чем на 30 лет стала своего рода образцом описания словообразовательных значений для многих отечественных работ по дериватологии [1], [2].

2. **Формулы толкования** разного вида: «там, где» и «туда, куда» для локативов, «*тот, кто*», для имён деятелей; в зарубежной литературе: «*thing, that is V-ed*» для производных с объектно-результативной семантикой (*transplant, attachment, enclosure*), «*Quality of being A*» для отвлечённых имён признаков (*freshness, cruelty, elegance*) [6: 125], «*Art, wie man + V*» [4: 125] для имён с семантикой способа осуществления действия и др.

3. **Латинские термины** *nomina actionis, nomina agentis, nomina feminina* и т.п. встречающиеся в широком круге научных работ, хотя и в составе очень ограниченного набора.

4. Частично **терминологизированные выражения** вида рус. *субъект действия, деятель, носитель признака, агентивность*, англ. *agent noun, objective noun, locative noun, manner nominals*, нем. *Personenbezeichnung, Ortsbezeichnung, Verbalabstraktum* и др.

При этом ни один из перечисленных подходов не является полностью упорядоченным и регламентированным. Перифразы и формулы толкования могут носить авторский характер и неизбежно ограничены языком самой публикации. Латинские термины и терминологизированные выражения носят характер традиции, но далеко не всегда при этом употребляются последовательно.

Между тем, ономаσιологический подход к описанию словообразовательных систем реализует свой эвристический потенциал наиболее последовательно в том случае, если выработает единую номенклатуру словообразовательных значений. Несмотря на всё многообразие и сложность деривационной семантики, подобная задача не представляется нерешаемой и имеет положительный прецедент в морфологии. Грамматическая типология уже давно обзавелась системой аббревиатур, закреплённой в лейпцигской системе правил глоссирования и позволяющей формализовано описать грамме́нный состав любой грамматической формы.

Каким требованиям должна отвечать подобная семантическая номенклатура в дериватологии? Представляется необходимым объявление, по крайней мере, трёх требований к такого рода номенклатуре: 1) регламентированность, 2) общепринятость, 3) единство метаязыка описания. С нашей точки зрения, выдвинутым требованиям наиболее соответствует способ описания семантики латинскими терминологическими словосочетаниями. Во-первых, латинский язык является источником международных терминологических систем, в том числе, в языкознании, и тем самым, в наибольшей степени удовлетворяет критерию общепринятости. Во-вторых, этот способ не связан ни с каким языком-объектом исследования (за исключением самой латыни, которая при этом не используется в живом общении). В-третьих, фундамент латинской номенклатуры для описания производной лексики уже заложен: некоторым, хотя и немногочисленным набором латинских терминов, широко пользуются отечественные и зарубежные дериватологи. В контексте проблемы поиска научных публикаций латинская номенклатура выигрывает и в том, что позволяет использовать универсальные ключевые слова, удобные для формирования выборки работ по интересующей исследователя теме. Развитие латинской номенклатуры, таким образом, имеет историко-научные и международные предпосылки.

Но даже с учётом перечисленных перспектив современная латинская словообразовательная номенклатура требует расширения и существенной доработки, в ходе которой предстоит решить ряд важных проблем. Перечислим те из них, которые актуальны для описания подсистемы именного словообразования.

1. Дефицит наименований. Большой спектр словообразовательных значений не имеет латинских названий. Потребность в них приводит исследователей к созданию новых обозначений или их разнообразных комбинаций. Например, G. Jagodziński приводит список терминов, среди которых *nomina agentis feminativa* (действующее лицо женского пола), *nomina attributiva personalia* (личное наименование носителя признака), *nomina attributiva impersonalia* (неличное наименование носителя признака), *nomina delocativa* (названия жителей или уроженцев) и др. [5]. Такие терминологические неологизмы и комбинации часто носят авторский характер и, к сожалению, далеко не всегда подчиняются каким-либо последовательно выдерживаемым принципам номинации.

В то же время номенклатурные лакуны часто заполняются путём использования ближайшего по смыслу термина вместо отсутствующего или неизвестного исследователю, что иногда приводит к генерализации терминологического содержания, возникновению термина в «широком» и «узком» понимании. Ярким примером такой генерализации является *nomina diminutiva*. В узком смысле этот термин может применяться к производным с семантикой уменьшительности (*столик, дымок*), в более широком – к производным с семантикой ласкательности (*глазёнки, молочка*) пренебрежительного отношения (*человечек, поэтишка*), невзрослости (*орлёнок, котёнок*), в результате чего возникает синонимия с терминами *n. peiorativa*, *n. hypocoristica* и *n. iuvenium* соответственно.

2. Номенклатурная вариативность. Некоторые номенклатурные выражения встречаются в нескольких морфологических вариантах. Ср. *n. feminina* – *n. feminativa*, *n. personalia* – *n. personae*, *n. animalia* – *n. animorum*, *n. herbalia* – *n. herbarum*, *n. essentialia* – *n. essendi*, *n. resultati* – *n. resultandi* – *n. resultativa*, *n. deminutva* – *n. diminutiva*. Вариативность не представляет существенной проблемы для номенклатуры, но может вызывать трудности при электронном поиске научных публикаций, где часто важно точное совпадение поискового запроса с ключевыми словами работы.

3. Номенклатурная синонимия. Несмотря на то, что латинская номенклатура в целом испытывает недостаток в названиях дериватов, для некоторых из них характерна избыточность. Ср., например, следующие номенклатурные синонимы. Отвлечённое качество: *n. qualitatis*, *n. essendi*. Отвлечённое действие: *n. acti*, *n. actionis*, *n. verbi*. Производитель действия: *n. agentis*, *n. subjecti*. Объект действия: *n. patientis*, *n. objecti*. Результат действия: *n. resultandi*, *n. rei actae*, *n. effectus*. Женскость: *n. feminina*, *n. mota*. Собираемость: *n. collectiva*, *n. quantitatis*. Главный недостаток номенклатурной синонимии заключается не столько в том, что она ведёт к избыточности систематики, сколько в том, что синонимичные формулировки начинают расходиться по смыслу, причём у различных исследователей это расхождение носит индивидуальный характер, что приводит, в конечном итоге, к развитию многозначности.

4. Номенклатурная многозначность и номенклатурная метонимия. Наиболее ярким примером здесь является термин *nomina agentis*, получивший в науке как необычайно широкое употребление, так и весьма неоднородную интерпретацию. Неоднозначность *n. agentis* связана, прежде всего, с лексической природой агентивных дериватов. Производные со значением деятеля – чаще всего наименования человека. В связи с этим термин *n. agentis* иногда переосмысливается и интерпретируется, как *наименования лица*. В частности, «Сравнительная грамматика германских языков» использует *n. agentis* именно в таком значении [3]. Заметим, однако, что в латинской номенклатуре наименования лиц обозначаются совершенно иным (хотя и более редким) термином – *nomina personalia*. При этом *n. personalia* ни в коем случае не могут быть отождествлены с *n. agentis*, поскольку к *n. agentis* помимо агентивных наименований лиц относятся также агентивные наименования животных (*n. animalia* – *муравьед*), растений (*n. herbalia* – *мухоловка*), неодушевлённых предметов (*n. facti* / *n. rei* – *поплавок*), веществ (*n. materialia* / *n. substantiae* – *окислитель*) и т.п. В свою очередь, далеко не все *n. personalia* имеют агентивную семантику: *выпускник* (*n. patientis*), *глынец* (*n. attributiva*), *парижанин* (*n. originis*) и т.п.

Наряду с многозначным *n. agentis* в современной литературе обнаруживаются несколько толкований термина *nomina gentilia*. Исходно *n. gentilia* – один из компонентов античного римского имени, обозначающий принадлежность его носителя к определённому роду (лат. *Gaius Julius Caesar*). В словообразовании этот термин был применён двояко: 1) к названиям лиц по предкам (отчества *Петрович*, *Алексеевич*, *Салим-оглы*, названия племён *Радимичи*, нем. *Merowinger* и др.), 2) к названиям лиц по месту жительства/происхождения (*москвич*, *нижегородец*, англ. *Londoner*, нем. *Hannoveraner*). В первом случае *n. gentilia* становится синонимом терминов *n. patronymica* / *matronymica*, во втором – дублирует термины *n. originis* и *n. delocativa*.

Наблюдаемая в приведённых случаях трансформация семантики является своего рода номенклатурной метонимией, обусловленной, во-первых, отсутствием общепринятого определения терминов, и, во-вторых, тем, что более точные и уместные термины не всегда известны исследователям ввиду их ограниченного употребления в рамках определённой научной традиции.

5. Неразличение словообразовательной и лексической семантики. Эта проблема является, вероятно, наиболее сложной в латинской номенклатуре, поскольку носит не классификационный, а теоретический характер и напрямую связана с природой словообразовательного значения. Если исходить из того, что словообразовательным значением по определению могут обладать только мотивированные слова, то мы будем

вынуждены признать, что в сложившемся виде латинские термины представляют собой некоторое множество разнородных наименований, в котором наряду с собственно словообразовательными терминами (*n. agentis, n. actoris, n. deminutiva, n. feminativa, n. resultativa, n. patientis, n. patronymica, n. gentilia, n. augmentativa, n. collectiva, n. peiorativa* и т.п.) встречаются несловообразовательные. Такие формулировки, как *n. dicti, n. loci, n. mentis, n. nationalia, n. personalia, n. regionalia, n. temporis* и т.п. носят не словообразовательный, а, скорее, лексикологический (ономасиологический) характер, поскольку с их помощью могут быть охарактеризованы не только производные, но и непроизводные слова. Обсуждение признаков словообразовательного значения не входит в задачи настоящей работы, поэтому отметим здесь лишь одну метаязыковую трудность. Языком ономасиологии традиционно выступает древнегреческий язык: ср. *n. personalia* – антропонимы, *n. animalia* – зоонимы, *n. herbalia* – фитонимы, *n. dei* – теонимы и т.п. Несмотря на то, что часть греческих терминов успешно адаптирована латинским языком (*n. patronymica, n. matronymica, n. honorifica, n. hypocoristica, n. geographica* и др.) построение целостной деривационной номенклатуры, возможно, потребует синтеза двух терминологических систем с разной языковой основой.

Перечисленные выше проблемы указывают на то, что латинской словообразовательной номенклатуре в её современном состоянии свойственны черты естественной неупорядоченной знаковой системы с избытком названий на одних участках и дефицитом на других, вариативностью, многозначностью, синонимией и серией метонимических переносов. Тем не менее, основной набор латинских терминов известен в самых разных отраслях дериватологии и может служить основой её дальнейшего развития. Пути устранения перечисленных проблем видятся нам в разработке электронных лингвистических ресурсов, посвящённых типологии деривационных систем языков мира, способствующих соотнесению накопленных лингвистических данных для приведения номенклатуры к стандартному виду, учитывающему интересы самого широкого круга дериватологов.

Список литературы

1. Русская грамматика. В 2 т. Т.1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Вал. Вас. Иванов и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 788 с.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, Т.Д. Молчанова, Р.З. Мурысов [и др.] ; под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1079. – 536 с.
3. Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т.3. Морфология. / М.М. Гухман, В.М. Жирмунский, Э.А. Макаев и др.; под ред. М.М. Гухман. – М.: из-во академии наук СССР, 1963. – 456 с.
4. *Blasco Ferrer, E. Handbuch der italienischen Sprachwissenschaft* / E. Blasco Ferrer. – Berlin: Erich Schmidt, 1994. – 320 S.
5. *Jagodziński G.A Grammar of the Polish Language* [Электронный ресурс] / G. Jagodziński. – Режим доступа: http://grzegorj.cba.pl/gram/i_slowotw00.html, свободный. - Дата обращения: 23.04.2019.
6. *Nagano A. Subject Compounding and a Functional Change of the Derivational Suffix -ing in the history of English* / A. Nagano // *Studies in the history of the English language V: variation and change in English grammar and lexicon: contemporary approaches*. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. – P.111-131.

10.02.19

¹И.Г. Нагибина, ²Го Лицзюнь

¹Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра восточных языков,

Красноярск, irina_nagibina@mail.ru,

²Университет им. Сунь Ятсена,
Институт международных исследований,
Гуанчжоу, guolj5@mail.sysu.edu.cn

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЕСТЕСТВЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМАХ

Статья посвящена вопросу различий структур высказываний и способов передачи различных грамматических категорий в двух разновидностях китайского языка жестов, литературной и естественной системах, имеющих свой словарный состав и грамматический строй. В работе описаны сферы функционирования обеих разновидностей жестовой речи в современном китайском обществе, представлены определенные особенности системы обозначений и способов передачи грамматических категорий, а также правила построения синтаксических конструкций.

Ключевые слова: *жестовый язык, китайский жестовый язык, грамматика китайского жестового языка.*

Глухой человек получает информацию преимущественно с помощью зрения, а именно через письмо, по движению губ, с помощью жестовой речи. Последний вид речевого кода очень широко используется во всех сферах жизнедеятельности глухих и многих слабослышащих людей.

В Китае, как и в других разных странах функционирует национальный жестовый язык, своеобразная система, имеющая свой словарный состав и грамматический строй. В китайском языке жестов равно как в подобных системах других языков выделяют две разновидности: литературный китайский жестовый язык / 中国文法手语 и естественный китайский жестовый язык / 中国自然手语. В рамках терминологии отечественной науки они могут именоваться «калькирующая китайская жестовая речь» и «разговорная китайская жестовая речь» соответственно [Зайцева, 2000].

Как отмечают Ю Шуньчжао, Ю Цзинхань, Мао Сайцзюнь и Лань Цзицзюнь социальные условия функционирования звучащего китайского языка и обоих вариантов китайского жестового языка во многом совпадают. Китайский жестовый язык используется в различных сферах общения. Литературная форма китайского жестового языка обслуживает сферу хозяйственной и общественно-политической деятельности. Важной сферой использования ЛКЖЯ является организованное обучение, научная деятельность, средства массовой информации. На ЕКЖЯ происходит общение в сфере быта, а также создаются произведения устного народного творчества [游顺钊, 1994; 由婧涵, 2014; Мао Сайцзюнь, Лань Цзицзюнь, 2014].

По аналогии с подобными языками других стран и культур естественный китайский жестовый язык основывается на самобытной лингвистической системе, обладающей своеобразной лексикой, грамматикой. Литературный китайский жестовый язык в свою очередь калькирует лингвистическую структуру словесного языка. При этом ЕКЖЯ и ЛКЖЯ как иные жестовые языки «не только сосуществуют, но и взаимодействуют, распределяя между собой сферы употребления или чередуясь в речевой практике всех и каждого в зависимости от речевой ситуации» [Аврорин, 1975, С. 129].

Однако все же для структуры высказываний обоих вариантов китайского жестового языка характерны определенные грамматические особенности:

1. порядок слов в повествовательном предложении:

ЛКЖЯ прямое дополнение как правило находится в постпозиции к сказуемому: 我酷爱足球, 星期六经常去踢足球。 / Я горячо люблю футбол, по субботам часто хожу играть в футбол. 我没理解他的讲演。 / Я не понял его лекцию.

ЕКЖЯ прямое дополнение занимает позицию в начале предложения: 足球/我/酷爱/星期六/经常/去/踢足球。 / Футбол я горячо люблю, по субботам часто хожу играть в футбол. Прямое дополнение находится в препозиции к сказуемому: 我/他的讲演/没理解。 / Я его лекцию не понял.

2. порядок слов в вопросительном предложении:

ЛКЖЯ утвердительно-отрицательная форма «有没有» находится в препозиции к сказуемому: 有没有作业交给我? / Сдал ли ты мне домашнее задание?

ЕКЖЯ форма «有没有» используется в конце предложения: 作业/交给我/有没有? / Домашнее задание сдал мне, не так ли?

3. императивные отрицательные предложения:

ЛКЖЯ как правило употребляется модальный глагол «不要» / «не нужно», который находится в препозиции к сказуемому: 你不要看我。 / Не смотри на меня.

ЕКЖЯ в конце предложения используется отрицательное наречие «不»: 看/我/不。 / Смотри на меня не.

4. использование именных классификаторов как показателей предметности:

ЛКЖЯ классификаторы служат для указания к какой смысловой категории относится существительное, занимая позицию между ним и числительным: 我买了两把椅子。 / Я купил два (ручка) стула.

ЕКЖЯ классификаторы опускаются: 我/买了/两/椅子。 / Я купил два стула.

5. использование послелогов, уточняющих пространственные отношения:

ЛКЖЯ послелог употребляется вместе с предлогами в составе обстоятельственных оборотов места: 桌子右边有一个柜子。 / Справа от стола стоит шкаф.

ЕКЖЯ послелог используется перед существительными, обозначающими место: 右边/桌子/有/一/柜子。 / Справа от стола стоит шкаф.

6. употребление обстоятельств образа действия:

ЛКЖЯ нормальное употребление обстоятельств в препозиции к сказуемому: 桌子右边有一个柜子。 / Справа от стола стоит шкаф.

ЕКЖЯ эллипсис обстоятельств образа действия. Для передачи смысла слова «开心» / «весело» в предложении «学生/开心地/唱歌。 / «Студенты весело поют песню» используется мимический жест улыбки. С помощью мимики лица также передается значение «太» / «слишком, чересчур» в предложении «太/热湿» / «Слишком влажно». Семантика слова «很» / «быстро» в сочетании «很/快» / «очень быстро» передается за счет более быстрого совершения жестового движения в отличие от его нормальной скорости выполнения.

7. использование комплементов состояния:

ЛКЖЯ нормальное употребление обстоятельств в постпозиции к сказуемому: 桌子右边有一个柜子。 / Справа от стола стоит шкаф.

ЕКЖЯ эллипсис комплементов состояния. Для передачи смысла слова «要命» / «до смерти» в предложении «冷得/要命。 / «Замерз до смерти» используется мимическое выражение лица, выражающее плачевное состояние, после жеста, имитирующего состояния холода. К аналогичному способу прибегают для передачи значения «难受» / «нестерпимый, тягостный» в предложении «困得/难受» / «Устал нестерпимо».

8. позиция вопросительных местоимений:

ЛКЖЯ вопросительные местоимения ставятся в ту позицию, в которой они стояли бы в соответствующем невопросительном предложении, например: 你几岁? / Тебе сколько лет?

ЕКЖЯ вопросительные местоимения занимают позицию в конце предложения: 你/岁/几? / Тебе сколько лет? 你/批评/她/为什么? / Ты критикуешь ее почему?

Как можно видеть из вышеприведенных примеров, китайский естественный жестовый язык, являющийся средством межличностного общения и функционирующий в обиходно-разговорной форме, имеет ряд существенных различий с литературной формой. Естественный китайский жестовый язык характеризуется наличием норм, которые в отличие от норм книжно-письменных стилей не кодифицированы и сознательно никем не поддерживаются. Литературный китайский жестовый язык подчиняется грамматическим закономерностям языка слов, жесты становятся эквивалентами слов, а порядок их следования – такой же, как в предложении.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – М.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 192 с.
3. Мао Сайцзюнь, Лань Цзицзюнь 毛赛群, 兰继军: “中国手语”中手语构词特点分析, “中州大学学报”, 2014年第五期, 第86-89页.
4. Ю Цзинхань 由婧涵: 自然手语与文法手语的区别, 乐山师范学院学报, 2014年第一期, 第138-140页.
5. Ю Шуньчжао 游顺钊: 视觉语言学论集, 北京; 语文出版社, 1994年.

10.02. 19

¹О.И. Налдеева, ¹С.Н. Маскаева, ¹Л.И. Макушкина, ²М. И. Кокнаева

¹Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литературы,
Саранск, maskaeva77@rambler.ru,

²Московский государственный педагогический университет,
Москва, koknaeva45@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МОРДОВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ МИРЕ

В работе представлены основные исследования в финно-угорском мире видных ученых в области мордовского языкознания. Особое внимание уделяется рассмотрению лексики по тематическим группам с выделением в них более мелких лексико-семантических групп.

Ключевые слова: лексика, лексико-семантические группы, семантические типы, арханизация.

В настоящее время в связи с особым вниманием научных и общественных кругов к финно-угорским языкам в России создаётся необходимость детального исследования национальных языков. Особую значимость приобретают работы сравнительно-сопоставительного характера. Среди значимых работ в области финно-угорского языкознания следует отметить исследования Хейкки Паасонена, А. П. Феоктистова, М. В. Мосина, Н. Ф. Мокшина, Д. В. Цыганкина, и других [2,3].

Одним из видных исследователей является финский ученый Хейкки Паасонен. Его деятельность по исследованию мордовских языков и записи фольклорных материалов по духовной и материальной культуре мордовского народа была рассмотрена в работах зарубежных и отечественных лингвистов: Paavo Ravila, Vorwort zur «Mordwinischen Volksdichtung», Bd. I. S. VII – XXIV (MSF Ou LXXVII), 1938; Paavo Ravila, «Heikki Paasonen und sein Forscherwerk» (JSFOu 66:1, S. 1-15), 1965; Arturi Kannisto, «Heikki Paasonen tutkimusmatkat – Die Forschungsreisen Heikki Paasonens» (JSFOu LI:3, S.1 – 49), 1942; Kaino Heikkilä, «Paasonen mordvalaiskeraelmat» (JSFOu 66:4, S. 1-14), 1965; А. П. Феоктистов, «О трудах Х. Паасонена по мордовским языкам» (Вопросы финно-угорского языкознания, М.-Л. 1962. С. 275-281).

Значимость научных трудов Х. Паасонена отмечается в ряде национальных изданий г. Саранска Республики Мордовия: в журналах в газетах работах М. В. Мосина, «Ещё раз о забытых и малоупотребляемых словах эрзянского языка» (Вестник Мордовского университета, 2002, № 1-2. С. 93-96), «Стувтозь ды чуросто вастневиця эрзянь валтнэ» (Сятко, 2001, №12. С. 121-124), «Таго эрзянь стувтозь ды чуросто вастневиця валтнэде» (Сятко, 2002, №1. С. 131-133); Д. В. Цыганкина «финнэсь – эрзятнеде, мокшотнеде» (Эрзянь правда, 1992, 4 января. С. 3), «Суоми масторонь учёнойтнеде: Тиринь келень историйсто» (Эрзянь правда, 1996, 13 июля. С. 3), «Хейкки Паасонен (1865-1919)» (Чилисема, 1996, №3. С. 8); Т. П. Девяткиной «Кочксесь кяленьконь козяшинц» (Мокша, 1992, №7. С. 43-45); Н. Ф. Мокшина «Финский учёнайсь Паасонен мокшетнень и эрзятнень эряфснот колга» (Мокшень правда, 1997, 22 мая. С. 4); О. Е. Полякова «Хейкки Паасонен: Мезе тись финский учёнайсь мокшень и эрзянь кяльхнень тонафнемаса и фольклорть кочкамаса» (Мокшень правда, 1993, 8 апреля. С. 4), «Хейкки Паасонен тевонза-путфксонза мокшэрзятнень эряфснот и кяльснот тонафнемаса» (Мокшень правда, 2002, 12 марта. С. 4); П. Хакалиэс «Изучение мордовского народа в Финляндии» (Вестник Мордовского университета, 1995, №1. С.17-20); Т. Невала «Вал финонь учёнайть Паасонен колга» (Мокшень правда, 1996, 11 января С. 4);

В.И. Рогачёва «Улель шиса сюконялеме пыльгозонза» (Кода финонь учёнайсь Х. Паасонен тонафнезе мокшэрзятнень эряфснон) (Мокша, 1999, № 9. С. 117-123) и других.

Широко признанным в современных лексикологических трудах является рассмотрение лексики по тематическим группам с выделением в них более мелких лексико-семантических групп. Исследователями давно было отмечено, что слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, они соединяются в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Слова, объединяющиеся в подобные лексико-тематические группы, имеют близкие семантические изменения, употребляются в одинаковых синтаксических конструкциях и подвержены исходным историческим процессам.

В данной области изучения классификаций лексико-тематических групп в мордовском языкознании большое внимание обратили в своих научных работах М. В. Мосин «Общая терминология ремесла и инструментов в эстонском и мордовских языках» (Вопросы финно-угроведения., 1975, вып. 6. С. 141-144), «Отражение обще финно-угорской лексики в мордовских географических названиях» (Ономастика Поволжья, 1976, вып. 4. С. 174); А. М. Гребнева «Семантические типы мордовских фитонимов, образованных в результате прямого осмысления признаков» (Актуальные вопросы мордовского языкознания: труды МНИИЯЛИЭ, 1988, вып. 94. С. 101-105); А. Н. Келина «Терминология ткачества в мордовских языках» (Лексика и грамматика финно-угорских языков, 1996. С. 146-151); М. Е. Митрофанова (Мордовско-марийские лексические соответствия в названиях фауны» (Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Jyväskylä, 1996. С.117-121); А. М. Кочеваткин «Синонимия в соматической лексике эрзянского языка» (Материалы IV научной конференции молодых учёных Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, 1999. С. 141-143) и другие.

Общая лексика в мордовских языках весьма разнообразна по своему составу и семантике. Она подразделяется на многие лексические группы и отражает различные стороны жизни и деятельности человека, окружающего мира. Например, **vada** – **vel`a** М [мокш. село Водолей] / **vad(a)** – **eraj** М:Patroka [житель с. Водолей] [2. С. 2508] и другие. **ćifta**. **Mas** М:Pal, **cefta.maz** – **vel`a** М:Р, **cifta-maz** – **vel`a** М:Vert [мокш. назв. с. Палаевка] [2. С. 231], **Палаевка** (Полай Веле, Цифтомаз) – мокш., село в Рузаевском районе. Находится на речках Дивеевка и Палаевка. Название-антропоним: оно связано с дохристианскими именами Чевтомас (Цивтомас) и Полай, которые были первоселенцами, основателями населённого пункта [2. С. 170]; **imala.v** М:Мам [мокш. назв. с. Мамалаево] [2. С. 457], **malav od.malav** – **vel`a** М:Мам [назв. с. Мамолаево] / **ser mala.v** [ser mala.v] М:Мам [назв. села? Мамолаево] [2. С. 1169], **ser` mala.v** – М:Мам [назв. села Мамолаево] [2. С. 1987], **Мамолаево** (Малав, Малавеле) – мокш., село в Ковылкинском районе. Находится на речке Рябка (Ряпча). Название-антропоним: из актовых документов видно, что во второй половине XVII века Тимралей мурза Усекаев князь Тенишев купил у мордвина деревни Мамолаевой Сидня Мамолаева землю по реке Мокша [2. С. 134]; **jožka** [назв. мокш. с. Ёжка (Ежовка)] [2. С. 537], **Ежовка** (Ёжка) – мокш., село в Ковылкинском районе. Находится на речке Кирпичовка. Название-антропоним: мордвин с дохристианским (языческим) именем Ужо (Ёжка) был переселенцем, основателем населённого пункта. Ежовцы до сих пор своё село называют Ёжка веле, что означает «Ёжкино село». Имя Ежо ныне встречается в мокшанских фамилиях Ежовых [2. С. 67]; **kelguža** М:Temn [k`elu + kuza] [мокш. назв. с. Лесное Цыбаево] [2. С. 683], **Лесное Цыбаево** (Келгужа, Келгуж) – мокш., село в Темниковском районе. Находится на речке Ломоёвка. Название-антропоним: мордвин с дохристианским именем Цыбай (Цыбаш) был первооселенцем, основателем населённого пункта [2. С. 122]; **kerata** М (деревня Керетина, Керетино в Ковылкинском районе) [2. С. 714], **Керетино** (Керата, Кярата) – мокш., деревня в Ковылкинском районе, находится на речке Суфляй. В основе названия мордовское слово *керь* «поселение на отшибе, в стороне от основного пункта» [2. С. 94].

Географические названия, выявленные в Мордовском словаре Х. Паасонена, не нашли отражения в современной лексикографической системе мордовских языков, кроме как Топонимического словаря И. К. Инжеватова и в работе Д. В. Цыганкина. Изучая географические названия, можно узнать много ценной и полезной информации: о давно исчезнувших особенностях той или иной местности, о её естественных богатствах, о народах и племенах, заселявших данную территорию в далёком прошлом.

На территории Республики Мордовия ныне более полутора тысяч населённых пунктов: городов, сёл, деревень, посёлков. В их названиях отражены вековые познания человека о своеобразии природы, об исторических судьбах народов, прошлое и настоящее нашего края.

Исчезновение из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление, происходящее медленно и не сразу, приводящее к выпадению слова из лексики языка. Утрата слова или того или иного его значения – результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из явления активного словарного запаса становится достоянием пассивного словаря, потом постепенно забывается или совершенно исчезает из языка. Мордовский словарь Х. Паасонена сохранил множество различных фразеологизмов, разнообразных выражений и оборотов. Он может служить надёжной опорой для составления полного словаря мордовских языков, оказать помощь в решении проблем развития лексики современного литературного языка. Словарь имеет не только чисто научное, но и практическое значение для решения актуальных вопросов мордовского народа. Он способствует дальнейшему развитию научных и культурных связей в финно-угорском мире.

Список литературы

1. *Налдеева О.И.* Фольклоризм как одна из стилевых особенностей современной мордовской лирики / О. И. Налдеева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – № 3. – С. 32–36.
2. *Paasonen, H.* Mordwinishes Wörterbuch (Мордовский словарь) / H. Paasonen. – Helsinki : Suomalais – Ugrilainen Seura, 1990 – 1996. – Bd. – I – IV. – 2703 s.
3. *Рогачев В.И.* Мордовская фольклористика второй половины 19-первой четверти 20 в. / Рогачев В.И., Е.Н. Ваганова, С. Н. Маскаева // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, 2012. – №1 (21) 2012. – С. 135-141.

10.02.19

О.Г. Остапенко канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, oxygri@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ В XVI-XVII ВЕКАХ

В статье рассматриваются лингвистические особенности, характерные для дипломатической переписки между Россией и Англией в XVI–XVII веках. В работе анализируются попытки дипломатов донести до читателя иноязычную реальность доступными для них средствами.

Ключевые слова: способы перевода, терминологическая лексика, дипломатические представители.

Исследование англо-русских языковых контактов периода раннего сближения России и Англии представляет особый интерес, в связи с тем, что эта тема в современной лексикологии остается одной из малоизученных и сопоставительное изучение памятников дипломатической письменности России и Англии XVI–XVII веков привлекает внимание лингвистов.

С исторической точки зрения первые дипломатические контакты между Россией и Англией рассматривались достаточно подробно историками, однако подробный лингвистический анализ указанного материала в достаточной мере не проводился. Следует отметить, что отсутствие лингвистического анализа материала делает исторический аспект проблемы неполным.

С середины XVI века между Россией и Англией завязывается активная дипломатическая переписка. Первая дипломатическая корреспонденция датируется 1553 годом. Переписка велась, главным образом, между Иваном IV и королевой Елизаветой. В дипломатических письмах содержатся не только важные сведения по истории взаимоотношений русского и английского государств того периода, но и не менее ценная лингвистическая информация о развитии и взаимовлиянии русского и английского языков. Дипломатические документы собраны в таких источниках, как «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею» [2], «Первые 40 лет сношений между Россией и Англиею 1553–1593 гг.» [4].

Дипломатические грамоты, собранные Ю.В. Толстым, охватывают начальный период англо-русских сношений – первые 40 лет. В указанной работе содержится подборка дипломатических документов: грамот, поручений, просьб купцов и т.д. Это, несомненно, выдающийся источник для лингвистических изысканий в сфере англо-русских языковых контактов. Особое значение имеет то, что в книге представлены грамоты на русском и английском языках, что позволяет произвести сопоставительный лингвистический анализ материала.

Рассматриваемый период – XVI–XVII века – является начальным этапом формирования дипломатического словаря России и Англии. Исследования данного пласта терминологической лексики позволяет проследить историю современных дипломатических терминов. Исследование памятников дипломатической письменности России и Англии отдаленных эпох помогает определить время вхождения терминологической лексики в русский и английский языки и частотность её употребления в официальных документах.

Дипломатическая переписка велась в то время в основном между русским царским и английским королевским дворами. В ней содержалась дипломатическая и административная терминологическая лексика XVI–XVII веков. Однако кроме терминологической лексики в грамотах можно встретить большое количество лингвокультурной информации: топонимы, имена собственные, реалии России и Англии того времени.

В дипломатической переписке между русским царским и английским королевским дворами, а также при личных встречах дипломатических представителей двух стран, политическая коммуникация сводилась не только к передаче информации, но и к стремлению преобразовать существующие политические представления о своей стране. Дипломатические представители России и Англии составляли тексты грамот исходя из того, кто их будет читать: глава государства, посол или торговые люди.

К примеру, после принятия Иваном IV титула царя (*Emperor, great Lord Emperor*) в 1547 году, русские послы в Англию внимательно следили за тем, чтобы наименование главы Российского государства было полностью прописано в дипломатических грамотах и верно переведено на английский язык, так как к титулу прибавлялись новые названия земель и областей.

Дипломатическая терминологическая лексика, используемая при переговорах, всегда отражала характер и намерения определенного посольства.

Так, в случаях, когда Иван IV хотел показать свою заинтересованность в доброжелательных отношениях с английской королевой Елизаветой, то в своих грамотах он называет её не просто «королева Елизавета (*queen Elizabeth*)», но и добавляет *наша любительная сестра (our loving sister)*, посылает ей *любительные грамоты (loving letters)*. [4, с. 140-141].

С другой стороны, проявляя крайнее недовольство поступками Елизаветы, Иван IV мог назвать её *пошлой девицей (a maide)* [4, с. 109]. Таким образом, в дипломатической переписке Ивана IV и королевы Елизаветы можно проследить начало такого направления в лексикологии как политическая лингвистика [4].

В практике перевода XVI–XVII веков было, с одной стороны, стремление к дословности, с другой стороны, нередко вносились различного рода изменения, вызванные недостаточностью знакомства переводчика с реалиями иноязычной действительности, фигурирующими в оригинале. Можно предположить, что восприятие получаемой информации на иностранном языке зависело не только от знания языка как системы знаков, но и от личного опыта, национального менталитета переводчика.

Интерес представляет процесс адаптации иноязычных имен в России и Англии того времени. К примеру, имя посланника английской королевы Елизаветы *Джильса Флетчера (Giles Fletcher)* в русских грамотах переводили как *Елизар Флейчер* или *Яков (Эгидий) Флечер* [4, с. 295, 297, 343, 345]. Английское имя *Jerome (Джером)* передаётся как *Ероним, Еремей*: английский посол *Jerome Bowes* упоминается в дипломатических документах как *Еремей/Еримей* Боус. Английский путешественник *Джером Горсей (Jerome Hersey)* предстает перед нами как *Еремей Горший* [4, с. 298, 313].

Отсутствие единого варианта перевода объясняется тем обстоятельством, что среди переводчиков, причисленных к Посольскому приказу, практически не существовала какая-либо жанровая специализация, то есть документы дипломатического, торгового или общекультурного характера переводились по одним и тем же стандартам. Таким образом, в переводах возникала дословность, которая происходила не из-за стремления следовать букве подлинника, а из-за неумения выразить содержание переводимого текста и отсутствия единых норм перевода.

Уже в ранних статейных списках, отчетах послов о своем пребывании за границей, зафиксировано достаточное количество лексем английского происхождения, для которых, вероятно, не было близких по значению русских слов. Вполне вероятно, что ряд английских слов записывались на слух, следуя русскому обычаю «ссылаться речами, а не грамотами» [3, с. 332].

Так, при изучении статейного списка Ф. Писемского можно отметить различные варианты одного и того же английского слова. Английское *sig* – *сэр* встречается в формах *сарь*, *сорь*, *серь*, *сертъ*; *earl* – *ерль*, имевшее значение английского титула, соответствовавшего титулу графа в Европе, – в формах *ерль*, *ерль*, *елль*, *еръ*. Некоторые географические названия также имели свои вариации: *Thames* – *Темза*, *Темизъ*, *Земесь*, *Темзь*; *Windsor* – *Виндзоръ*, *Вынзоръ*, *Инзоръ*; *Richmond* – *Рычман*, *Ричмондъ*, *Ричманъ*, *Арчма*; и т. д. [3, с. 102, 104].

Статейный список Г. Микулина (1600 г.) представляет собой не только подробный отчёт о его посольстве в Лондоне, но одновременно является документом, дающим подробное описание приёмов, происходящих у английской королевы, церемоний и обрядов, а самое главное – политического положения Англии конца XVI – начала XVII века. В этом статейном списке русский посол использует для передачи английской действительности такие слова как: англ. *Lord-chamberlain* – *лорд-чамберлин* – *главный камергер*; англ. *Alderman* – *олдерман* (*алдраман*) – *член городского совета* в Англии; англ. *Chief justice* – *чифджестес* – *верховный судья*; англ. *Person* – *парсун* (*парсонъ*) – *портрет, внешность*; англ. *Londoner* – *лундяне* (*лондончане*) – *жители Лондона* и некоторые другие [3, с. 161, 165, 151].

Изучение таких текстов как речи послов, дипломатической переписки, несомненно, является важным фактором формирования письменности, прежде всего потому, что язык этих документов активно участвовал в процессе становления норм русского литературного языка, особенно в сфере терминологии.

Таким образом, анализируя исторические документы, можно увидеть, какую роль играла дипломатическая переписка в формировании, развитии и укреплении международных и языковых связей России и Англии. В целом, лингвистический анализ русской и английской дипломатической переписки периода начала сближения России и Англии может дать исследователям богатый материал в плане исторической лексикологии и раннего этапа формирования некоторых заимствований в русском и английском языках.

Список литературы

1. *Остапенко О.Г.* Политическая лингвистика в период ранних англо-русских контактов // *Казанская наука*. № 3 2018 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С.71-74.
2. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею (1581–1604 гг.)* / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб.: Типография В.С. Балашёва, 1883. Т. 1. – 495 с.
3. *Путешествия русских послов XVI–XVII веков. Статейные списки.* – СПб.: Наука, 2008. – 490 с.
4. *Толстой Ю.В.* Первые 40 лет сношений между Россией и Англиею 1553–1593 гг. – М.: Книга по требованию, 2013. – 564 с.

10.02.19

Д.Ц. Очиржапова, Л.Д. Раднаева д-р филол. наук, И.В. Хубракова, М.В. Черниговский

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, breakday28@gmail.com, Radnaeva.ljubov@gmail.com,
indrakh@rambler.ru, aikonaro@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СВЯЗНОЙ НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ

Статья посвящена проблемам фонетического анализа связной речи. Вариативность звуков в связной речи обусловлена различными фонетическими процессами ассимиляции, редукации, гармонией гласных, ритмической структурой слов, темпом и другими причинами. В настоящей статье авторами рассматриваются проблемы фонетического анализа связной речи на материале разных языков. Материалом для анализа послужили тексты неподготовленной связной речи на разных языках. Авторами проведены слуховой, спектральный и статистический анализы модификаций звуков в различных фонетических условиях.

Ключевые слова: *связная речь, гласные, английский, русский, монгольский, бурятский языки, слуховой, акустический анализы.*

В настоящее время лингвисты проявляют большой интерес к исследованию фонетических характеристик звуков в условиях связной речи [2, 13]. Материалом для исследования выбираются разнообразные языки: русский [2, 5], английский [12], монгольский [1, 4, 8, 9], бурятский [10, 11]. Проблема заключается в том, что фонетические характеристики изолированно произнесенных звуков и звуков в составе отдельных фраз существенно различаются от свойств звуков, реализованных в условиях связной речи. «Мы имеем дело с некими непрерывными звуковыми последовательностями» [3:217]. Звуковые цепочки в слове и тексте представляют собой соединения звуков друг с другом, обусловленные комбинаторными и позиционными условиями аллофонного варьирования.

При произнесении последовательности больше чем фонема, т.е. при артикуляции цепочки звуков, значительно изменяется трехфазный процесс (экскурсия – выдержка – рекурсия), при котором происходит перестройка произносительных программ и ритмической структуры слова по правилам конкретного языка. Например, в русском и английском языках в результате перестройки ритмической структуры слова модификации подвергаются все безударные гласные. Данные показывают, что степень редукации безударного гласного в тексте всегда больше, чем при произнесении отдельного слова: вместо теоретически ожидаемых аллофонов реализуются качественно иные аллофоны.

Для монгольского и бурятского языков позиция гласных в середине слова наиболее уязвимая, она ослабляет устойчивость дифференциальных признаков «ряд» и «подъем», и, в результате гласные реализуются в аллофонах гласных центрального или заднего рядов. В то же время более устойчивыми в фонетическом смысле слова оказываются все гласные в позиции первого слога.

В ходе исследования были использованы слуховой, акустический, сравнительный и статистические методы анализа. Для обработки и анализа качественных и количественных характеристик гласных использовалась голландская компьютерная программа Praat и международный фонетический алфавит [6, 7]. При сегментировании предложений, слов и отдельных звуков проводился слуховой, сравнительный и тестовый анализ каждого звука. Со спектрограмм гласных регистрировались показания частотных характеристик гласных F1 и F2, которые фиксировались в программе Excel. Формантные характеристики гласных в позициях первого и непервого слогов регистрировались отдельно. На основе показаний строились графики [Рис. 1, 2, 3, 4], по которым проводился лингвистический анализ. Всего обработано 800 спектрограмм.

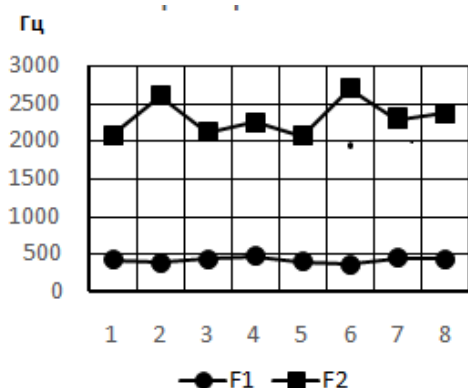

Рис.1 - Акустические свойства аллофонов гласного /i/ в **первом** слове в произнесении восьми дикторов. По оси абсцисс – 8 дикторов; по оси ординат – форманты в Гц. Белым цветом обозначены частотные значения F1; черным – F2.

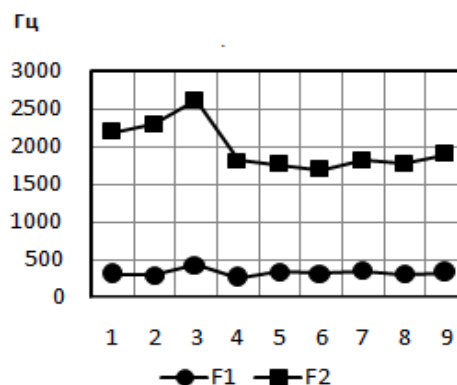

Рис.2 - Акустические свойства аллофонов гласного /i/ в **непервом** слове в произнесении восьми дикторов. По оси абсцисс – 8 дикторов; по оси ординат – форманты в Гц. Белым цветом обозначены частотные значения F1; черным – F2.

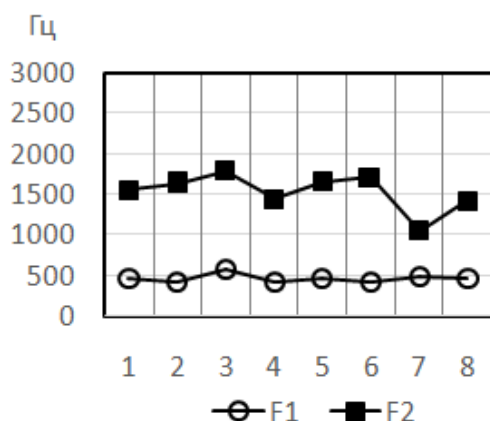

Рис.3 - Акустические свойства аллофонов гласного /e/ в **первом** слове в произнесении восьми дикторов. По оси абсцисс – 8 дикторов; по оси ординат – форманты в Гц. Белым цветом обозначены частотные значения F1; черным – F2.

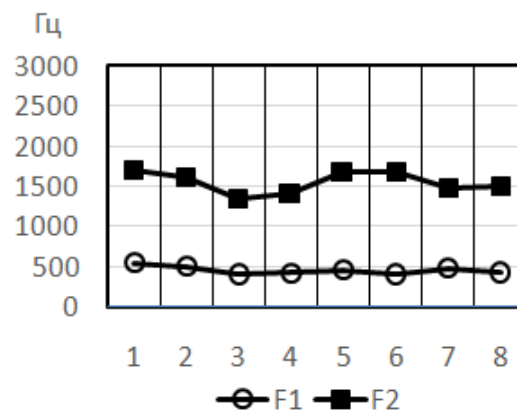

Рис.4 - Акустические свойства аллофонов гласного /e/ в **непервом** слове в произнесении восьми дикторов. По оси абсцисс – 8 дикторов; по оси ординат – форманты в Гц. Белым цветом обозначены частотные значения F1; черным – F2.

Таким образом, свойства звуков в связной речи зависят от фонетической вариативности гласных, от позиции в слове по отношению к ударению, от комбинации гласных с предшествующими и последующими согласными. Фонетический анализ реализаций гласных и согласных в связной английской и русской речи не носителей языка, например, произношение монголов на английском или русском языках демонстрирует еще большую вариативность, связанную как с особенностями конкретного языка, так и обнаруживающимися универсальными свойствами [Рис. 5, 6]. В. И. Кузнецов [5] отмечает модификацию безударных русских гласных в зависимости от положения внутри синтагмы, от места образования предшествующих согласных, от гармонии гласных, вызывающей изменения гласных по ряду, подъему и признаку огубленности, которая распространяется на все гласные в слове, не обязательно мотивированные непосредственным фонетическим контексте.

Частотное распределение аллофонов фонемы /i/ в области F1-F2

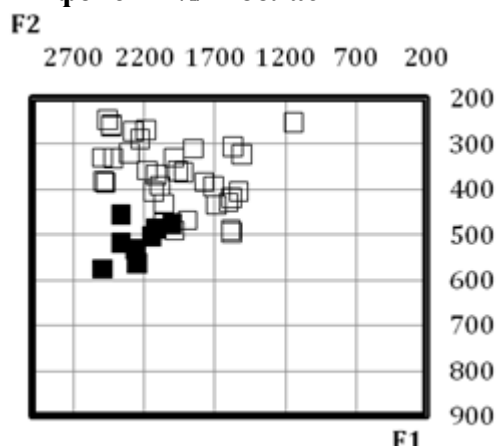

Рис.5 - Акустические свойства аллофонов гласного /i/ в произнесении семи дикторов. Белым цветом обозначены аллофоны фонемы /i/ в произнесении шести дикторов – носителей халха-монгольского языка; черным – произнесение носителя английского языка. По оси абсцисс – значения форманты 2 (F2) в Гц; по оси ординат – форманты 1 (F1) в Гц.

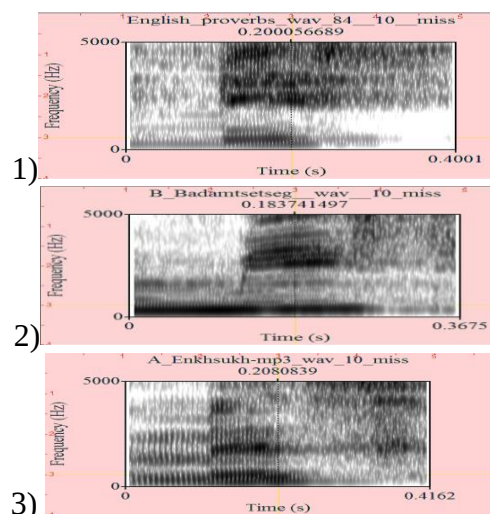

Рис.6 - Спектрограммы слова *miss* «упускать, пропускать» из пословицы «A miss is as good as a mile» («Делу время – потехе час») в произнесении 1) носителя английского языка; 2) носителя монгольского языка (В); 3) носителя монгольского языка (Е). По оси абсцисс – длительность (Time) в сек.; по оси ординат – частотные характеристики (Frequency) в Гц.

Список литературы

1. Бадмаева О.М. Количественная редукция монгольских гласных в условиях связного текста. Вестник БГУ. 2017. № 4. С 3-13.
2. Бондарко Л.В. Спонтанная речь и организация системы языка // Л. В. Бондарко // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 8 Август, 2001. — СПб.; Bochum, 2001— С. 17-24.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. школа, 1979. — 312 с.
4. Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: Из-во С.-Петербургского ун-та, 2004. 209 с.
5. Кузнецов В. И. Вокализм связной речи. СПб.: Из-во С.- Петербургского ун-та, 1997. 248 с.
6. МФА — www.internationalphoneticalphabet.org
7. PRAAT — www.praat.org
8. Сүрэнгийн Мөөмөө. Система фонем современного монгольского языка: (Экспериментальное исследование): Автореф. канд. дис. Л., 1970 г.
9. Сүрэнгийн Мөөмөө "Орчин цагийн Монгол хэлний авиа зүй", 1979 он, Улаанбаатар.
10. Раднаева Л.Д. Звуковая форма языка и спонтанная речь // VIII Академические чтения: материалы научно-практической конференции (23-27 марта 2016 г., г. Иркутск). – Иркутск : Из-во ИРНИТУ, 2016. – 84 с.
11. Раднаева Л.Д., Хубракова И.В. Особенности варьирования гласных в связной речи // Казанская наука. Казань, 2016. № 2. С. 84-87.
12. Соколова М.А., Гинтовт К.П. Теоретическая фонетика английского языка М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 288 с.
13. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Из-во ЛГУ, 1988. 248 с.

10.02.19

Ю.Д. Оюн канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков,
Кызыл, ojd10@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ПРИЕМ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматривается внутренний монолог во французской художественной прозе как художественно-языковой прием, осуществляемый комплексом лингвостилистических средств, объединенных одним художественным заданием. В художественном тексте необходимо исследовать языковые средства передачи внутреннего монолога в совокупности всех компонентов и уровней художественного текста: лексического, грамматического (морфологического и синтаксического) и графического.

Ключевые слова: внутренняя речь, внутренний монолог, композиционный строй, авторское повествование.

Отсутствие единого мнения и разноречивые интерпретации семантической сущности внутреннего монолога требуют решения целого ряда вопросов, касающихся как содержательной стороны, так и языкового оформления внутреннего монолога во французском художественном тексте. Проблема характеристики языковых средств внутреннего монолога в основном сводится к выделению отдельных формальных способов репродукции речи, в первую очередь, несобственно-прямой речи.

В то же время, рядом французских и отечественных исследователей способы передачи внутренней речи рассматриваются с точки зрения их эволюции. Во французском языке на возможность "свободной передачи" внутренней речи персонажа (без подчинительного союза *que*) обратил внимание Ш. Балли [3, с.4]. Швейцарскому лингвисту принадлежит термин "style indirect libre". Шарль Балли отметил, что в подобных случаях чужая речь вводится в текст предшествующими ей глаголами мысли и речи или соотносимыми с ними по смыслу существительными. Ш. Балли считал несобственно-прямую речь (*style indirect libre*) промежуточным типом, совмещающим в себе признаки прямой и косвенной речи. Ученица Ш. Балли М. Липс находила отдельные примеры употребления несобственно-прямой речи еще в средневековой литературе и позже в период Возрождения [3, с.4]. Термин "внутренний монолог" впервые употребляет французский литературовед Э. Дюжарден, который отметил наметившийся во французской художественной литературе конца XIX - начала XX вв. сдвиг к изображению внутренней речи [3, с.5]. Термин "внутренний монолог" стал необходимым в современной стилистике, так как термин "несобственно-прямая речь", как бы широко он ни понимался, не может определить в достаточной мере структурное многообразие новых развивающихся форм организации текста.

Исследователи в отечественной лингвистике С.Ю. Завадовская и Н.П. Потоцкая рассматривают внутренний монолог как особый стиль изложения [3, с.5]. По их мнению, несобственно - прямая речь является лишь формальным способом речеведения и не может определить, в достаточной мере, структурное многообразие новых развивающихся форм организации текста. В качестве критерия разграничения форм несобственно - прямой речи и внутреннего монолога, как особого стиля изложения, в их работах предлагается принцип соотнесенности этих форм с архитектурой всего исследуемого произведения, т.е. сопоставление с широким контекстом в плане содержания и в плане выражения. Данная точка зрения представляется наиболее убедительной, так как понятие соотнесенности

получает у несобственно-прямой речи и внутреннего монолога качественно различное содержание, при условии, что соотнесенность вообще применима к несобственно-прямой речи.

Подход к изучению языковых средств передачи внутреннего монолога с точки зрения рассмотрения какого-то отдельного формального способа репродукции речи сталкивается с закономерными сложностями. Все способы передачи речи по своему характеру условны и обладают знаковой природой, поэтому представляется целесообразным отнести их к формально-языковой стороне и отделить их от содержательной стороны этого вида речи.

В данной статье все способы передачи внутреннего монолога в художественном тексте отнесены к плану выражения, т.е. к формально-языковым аспектам данной проблемы и отделяются от содержательной стороны этого вида речи.

Содержательной стороной приема внутреннего монолога является психолингвистическое явление внутренней речи (невывраженные вслух мысли, "речь для себя"), переданной в художественном тексте как особый прием. Факторами, способствующими развитию приема внутреннего монолога являются: 1) фактор экономии; 2) фактор выражения точки зрения повествования; 3) фактор субъективизации повествования.

В качестве формально-языковых средств реализации художественно-языкового приема внутреннего монолога выявляются стилистически маркированные языковые единицы, которые семантически, грамматически или ассоциативно указывают на наличие внутреннего монолога в авторском повествовании и могут быть соотнесены с позицией субъекта внутренней речи.

В данной статье выявлены различные композиционные приемы введения внутреннего монолога в авторское повествование:

1) Внутреннему монологу предшествует авторское повествование, эксплицитно называющее или описывающее акт мысли, восприятия, либо чувство, испытываемое персонажем [1, с.74].

2) Внутренний монолог может вводиться в повествование высказыванием, имплицитно приписывающим персонажу некое действие, акт мысли или восприятия [1, с.91].

3) Внутреннему монологу иногда предваряется высказывание, передающее мысли персонажа в форме прямой речи [2, с.81].

4) Внутренний монолог может быть передан особым способом лексической номинации того или иного лица или объекта, отражающим точку зрения персонажа.

5) Внутреннему монологу, в ряде случаев, может предшествовать утверждение или предположение, содержащееся в высказывании, которое противоречит тому, что является истинным с точки зрения повествователя и, следовательно, читателя.

6) Внутренний монолог может быть введен в повествование локализацией референтной ситуации посредством указательных местоимений, указательных прилагательных и наречий места и времени, которые подчиняются позиции персонажа, а не повествователя.

В статье исследуется комплекс лингвостилистических средств внутреннего монолога и определяются критерии их выделения в структуре повествования. Лингвостилистические средства внутреннего монолога относятся к различным уровням художественного текста: лексическому, грамматическому (морфологическому и синтаксическому) и графическому.

Например, в отрывке из трилогии М. Дрюона "Сильные мира сего":

C'était affreux! Il avait, cette mince, voyons... quatre maîtresses. Était-ce avant la Cassini, ou bien tout au début... La Cassini avec ses cris, ses ravages, ses drames, et qui lui semblait aujourd'hui plus étrangère, plus lointaine, plus morte, que s'il n'avait jamais dormi avec elle... C'était en tout cas longtemps avant son mariage de raison arrangé par Urbain..."Si tu continues, avait dit- il, tu ne vas plus avoir un sou. Tu ferais mieux d'épouser la petite d'Huisnes..."

1876, la belle année! Il avait trente ans. [4, p.44].

В этом внутреннем монологе умирающего поэта Жана де Ла Моннери при чтении им диссертации Симона Лашома расчлененные фразы и вводные предложения придают экспрессивный характер всему высказыванию: Il avait, cette année-la, voyons, quatre

maîtresses, La Cassini avec ses cris, ses ravages, ses drames, et qui lui semblait aujourd'hui plus étrangère, plus lointaine, plus morte, que s'il n'avait jamais dormi avec elle...

Такая, якобы неподготовленная, речь, неоформленные мысли позволяют автору воспроизвести спонтанный характер переживаний и внутренней речи персонажа. Таким образом, парцеллирование отдельных элементов имеет смыслообразующее значение в структуре внутреннего монолога в повествовании. Неполные (эллиптические) синтаксические структуры обладают значительными художественными возможностями, так как выразительность эллиптических предложений связана с особым рода воздействием на читателя - недоговоренность стимулирует воображение. Структурно неполные образования часто используются для передачи естественности речевой ситуации, интонационных особенностей речи героя во внутреннем монологе.

Также пример стилистического употребления средств графической выразительности из романа ...Франсуаза Малле-Жорис "Знаки и чудеса":

Lui s'est amusé des questions de Marcelle, de l'examen qu'elle lui fait passer, sans en avoir l'air. Si, d'une certaine façon, elle songe à "l'exploiter" elle ne se doute pas de la complaisance qu'il mettra à se laisser exploiter, bazarder tout cela le passé, les livres, les chagrins fanés, les amours ressasses, pour les retrouver, dépouillés de tout relief, embellis de couleur fausses sur les pages de *Paris-Match* [5, с.17].

Основной содержательной линией в этом отрывке является ирония героя - писателя Никола Леклюзе относительно мечтаний журналистки Марсель воспользоваться его именем в своих целях, в каком-то смысле "эксплуатировать" его. Эта ирония передается, наряду с лексическими средствами (просторечный глагол *bazarder* с фамильярным опенком (разг. "продавать", "загнать", "отделаться от чего-либо"), а также использованием графического выделения глагола "l'exploiter", поставленного в кавычки. Это придает дополнительную экспрессию слову, вынуждая читателя воспринять аффектацию внутренней речи Никола по отношению к "приемам" Марсель. Слово "exploiter" как бы получает дополнительное логическое ударение.

Таким образом, формально-языковые элементы на разных уровнях художественного текста, включая средства графического выделения, могут передавать внутренний монолог в авторском повествовании.

Список литературы

1. Артына М.К. Фразеология французского языка в свете теории речевых актов: монография / М.К.Артына. – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. – 165 с.
2. Артына М.К. Отражение гезитаций во фразеологизмах французского языка.// Научные труды Тувинского государственного университета. - Выпуск XI. - Том I. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2013.- 227 с.
3. Оюн Ю.Д. Функционально-семантическая характеристика внутреннего монолога во французской художественной прозе XX век:. Автореф. дис. канд. филол наук. - Москва 1998. – 21с.
4. Druon M. Les grandes familles. – P., 1972. – 378 p.
5. Mallet-Joris F. Les signes et les prodiges. –P., 1966.

10.02.19

**Л.У. Тариева д-р филол. наук, З.Д. Яндиева канд. филол. наук,
М.Т. Калоева, М.С.Бесаева**

Ингушский государственный университет
кафедра русского языка, кафедра английского языка,
кафедра французского и латинского языков,
Marac, Tarieva00@mail.ru, zulay2009@yandex.ru, m.kaloeva@mail.ru, besaewa.m@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОГЕЗИИ АФФЕКТИВНОГО И РЕЧЕВОГО ЭГОЦЕНТРИКОВ В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается речемыслительная функция двух неоднородных эгоцентриков, объединенных в одной прагматической ситуации. Два неоднородных лица находятся по отношению друг к другу в парадигматических отношениях. Лица парадигмы неоднородны, но, тем не менее, одно из них – аффективное способно «помыслить» другое – речевое. Когнитивное освоение взаимодействия двух гетерогенных лиц происходит в пределах фрейма интенциональности, сопровождаемого эмпатией, интерпретированной в качестве вертикальной страты интенции аффективного лица.

Ключевые слова: эгоцентрический, лицо Слышащее, эмпатия, лицо Произносящее, гетерогенность, аффективное, речевое.

Для эргативных языков характерна категория парадигмы лица. Два неоднозначных лица парадигмы (Слышащее и Произносящее) онтогенетически связаны между собой. Аффективное лицо, возникшее на основе категоризации функции лица (слышания), обладает чувствительностью на другую функцию лица, на речевую (произнесение). Категоризация произнесения как онтогенетического свойства лица осуществляется парадигмально: наряду и в связи с категоризацией остальных релевантных функций лица (созерцания, говорения, слышания).

Актуальность темы, затрагивающей взаимодействие неоднозначных функций лица, заключается в том, что в нахских языках категория субъекта возникает исключительно на основе запуска механизма онтогенетических функций лица. Категоризация релевантных функций лица осуществляется во фреймах интенциональности [8, с. 25-26], транспонирующих их в грамматическую категорию лица. Лица, морфосинтаксически представленные (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') в структуре языка претендуют на функцию субъекта в составе предложения, поднявшись с позиции объекта до ранга субъекта в процессе каузации.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы вскрыть речемыслительный механизм взаимодействия двух лиц парадигмы: лица Слышащего, обнаруживающего лицо Произносящее.

Основная задача, поставленная в статье, затрагивает проблему эмпатии, сопровождающей процесс интенции аффективных лиц. Кроме того, в нахождении давно назрела проблема объяснения наличия трех ядерных конструкций в ингушском языке. А.Е. Кибрик в работе «Константы и переменные языка» ратует за объяснительную лингвистику [2].

Интерпретируемые в статье два лица парадигмы, вступающие по отношению друг к другу в интеракциональные отношения, указывают на функцию двух ядерных падежей имени. Третий обосновывается функцией лица Говорящего.

Лицо Слышащее как эгоцентрическая категория возникает на основе действия *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующего. Запуск понятийной категории человека чувствующего осуществляется посредством функции лица Слышащего.

В процессе интенции лица Слышащего, как сущностного признака лица, осуществляемого аудитивными нейронами, обнаруживается другая знаковая функция лица (произнесение) в виде аудитивной картинке. Термин аудитивные нейроны введен Л.У. Тариевой в обиход лингвистического исследования по аналогии с термином зеркальные нейроны, приведенные в работе Дж. Ризцоллатти [5].

Аудитивная картинка, или аудиокадр «лицо произносит», как результат действия аудитивных нейронов, экспериенциально доставленный в соответствующую ячейку перцептивного мышления, удостоверяется субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания. Сравните конструкции:

1. *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'Я слышу, что я произношу (т.е. обладаю способностью произносить)', но;
2. *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув* 'Я вижу, что я говорю';
3. *Сона (AFF) хов, аз (ERG) оал* 'Я знаю, что я произношу' (т.е. обладаю способностью озвучивать изречение).

Имманентная когнитивно овнутренняя информация о лице Произносящем номинируется рациональным мышлением местоименным существительным в эргативной форме имени (*аз* 'я') (пример 1).

Акциональное высказывание: «*Со* 'Я'» для эргативных (нахских) языков считается успешным, если в акте его изречения удачно соединились компоненты парадигмы лица (речевые и аффективные), претендующие на статус первого лица (Слышащее vs. Произносящее). В номинативных языках успешным считается речевой акт: «Я 'Со'», в котором удачно соединились Наблюдатель и лицо Говорящее. Лицо Говорящее, которое Г.А. Золотова ставит в центр лингвистического исследования номинативных языков [1, с. 108], распознается Наблюдателем, функционально коррелирующим с лицом Созерцающим в эргативных языках. Отношения лиц: аффективного Слышащего и распознаваемого им речевого Произносящего в номинативных языках не рассматриваются как функции лица, морфосинтаксически представленные.

Истинность речевого акта в одно слово-предложение: «*Аз* 'Я'», представленного прототипической функцией лица Произносящего, как компонента парадигмы лица, экспонированного эргативной формой имени, за которым стоят другие лица, верифицируется в процессе эмпатии (сопереживания), обнаруживающей локуторные отношения в нахских языках (инг. *со-хьо укхаз а хланз*; рус. *я-ты здесь сейчас*). Эмпатия (вчувствование, переживание) – это глубоко рациональный процесс, суть которого заключается в сопровождении процесса интенциональности аффективных лиц, введенных нами в оборот лингвистического исследования в 2013 году [6, с. 330-335] Обнаружение локуторных отношений эмпатией осуществляется в виде психологического явления: эмпатия сопутствует как вертикальная страта фреймам интенциональности аффективных лиц:

1. *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'Я слышу, что я произношу';
2. *Сона (AFF) хоз, айса (ERG) оалар* 'Я слышу произносимое мною';
3. *Сона (AFF) хоз, Ia (ERG) оал* 'Я слышу, что ты произносишь';
4. *Хьона (AFF) хоз, Iaйха (ERG) оалар* 'Ты слышишь, что ты произносишь';
5. *Хьона (AFF) хоз, аз (ERG) оалар* 'Ты слышишь, что я произношу';
6. *Сона (AFF) хов, сона (AFF) хоз* 'Я знаю, что я слышу'.

Акциональность, т.е. деятельность речевого акта в одно слово-предложение: «*Со* 'Я'», представляющее «лицо, которое говорит», осуществляется в прагматической ситуации, характеризующейся координатами: временной и пространственной локализацией собственного *со* 'эго', т.е. лица Говорящего.

Локализация же лица Произносящего, размещенного во второй лингвопрагматической установке, происходит в акте акустического наполнения речения (*со* 'я').

Лингвопрагматическая установка, в которой закодировано лицо Произносящее, дважды фиксирует пространственный параметр: вначале слова и в абсолютном конце, в ауслауте (инг. *у кх аз а хланз 'тут еще я в пространстве теперь'*), сужая пространство до места

локации говорящего: у *'тут, где стоишь'* (инг.: у *'тут'*, укх *'тут'*, чеч. кху *'тут'*, в котором дейктик у находится в постпозиции; бацб. окхус *'он, этот'* содержит указательный дейктик у *'тут'* также в постпозиции) [7: 197-199].

В центре первой классической лингвопрагматической установки (*со в а х1анз* *'я мужчина в пространстве теперь'*) располагается эгоцентрик лицо Говорящее (*со* *'я'*), на глубинном понятийном уровне представляющий антропоцентрика *кхета саг* *'homo sapiens'*, т.е. человека понимающего.

В центре второй эргативной лингвопрагматической установки (*у кх аз а х1анз* *'тут еще я в пространстве теперь'*) располагается **полифункциональный** эгоцентрик лицо Произносящее (*аз* *'я'*), на глубинном понятийном уровне представляющий антропоцентрика *сакхета саг* *'homo spiritus'*, т.е. человека-духа'. Самой сильной характеристикой *сакхета саг* *'homo spiritus'* является его способность вызывать к жизни (каузировать) прежде всего различные функции лица (например, *Со лув – Аз луйт* *'Я говорю – Я вызываю способность говорить'* и др.).

Говорящий, выполняя функцию говорения, является одновременно и наблюдающим и слышащим собственное произношение (речь) эгоцентриком, что не может не отразиться в языковой системе эргативных языков расслоенным эго (сравните: *Со (NOM) лув* *'Я реку'*; *Сона (AFF) се (NOM) хоз* *'Я себя слышу'*; *Сона (AFF) хоз, со (NOM) лув* *'Я слышу, что я говорю'* и *Аз (ERG) оал* *'Я произношу'*, *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* *'Я слышу, что я произношу'*, *Сона (AFF) хов, со лув* *'Я знаю, что я изрекаю'*, *Сона (AFF) хов, аз (ERG) оал* *'Я знаю, что я произношу'*).

Прагматическая ситуация, фиксирующая акциональность (деятельность) высказывания (*Аз* *'Я'*), обладает скрытым смыслом: интенцией лица Слышащего, в процессе дискретного освоения реальной действительности выхватывающее собственное *аз* *'эго'*. Оба лица (аффективное Слышащее и речевое Произносящее) вскрываются в процессе эмпатии. Эмпатия как переживание в качестве вертикальной страты моторику аудитивных нейронов фрейма лица Слышащего, в финали обнаруживающего функцию речевого лица Произносящего. Сравните конструкции:

7. *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* *'Я слышу, что я произношу'* (т.е. обладаю способностью произносить).

8. *Сона (AFF) хов, аз (ERG) оал* *'Я знаю, что я произношу'*.

Первая аффективная часть гипотаксиса свидетельствует, что в фокусе эмпатии находится переживание онтологического свойства «хазар *'слышания'*», в эргативных языках категорируемого в лицо Слышащее.

Лицо Слышащее с точки зрения морфосинтаксической представленности индифферентно номинативным языкам (см. рамочную часть гипотаксиса: *Сона (AFF) хоз* *'Я слышу'*). На поверхностном морфологическом уровне аффективная часть фрейма реализуется в эргативном ингушском языке в форме аффективного падежа имени с субъектной позицией в составе предложения (см. рамочную часть 1 примера).

Результатом аффективного «переживания» является лицо Произносящее, на грамматическом уровне представленное эргативной формой имени, как показано в примерах (вторая часть 7 примера).

Категоризация лица Слышащего как смыслового явления происходит в виде фрейма интенциональности, организованного моторикой страт, в финали обнаруживающих речевую функцию лица Произносящего.

Взаимодействие двух эгоцентрических функций лица (Слышащего и Произносящего) заключается в том, что лицо Слышащее, грамматически представленное аффективной формой имени, распознает функцию лица Произносящего, грамматически представленного эргативной формой имени. Лицо Слышащее обнаруживает функцию лица «произнесение» в финали фрейма интенциональности. Фрейм интенциональности аффективного лица – лингвопсихологическое (или психолингвистическое) явление. Самой сильной характеристикой лица Слышащего как аудитивного эгоцентрика является его

прототипическая способность «помыслить» лицо Произносящее посредством организованного аудитивными нейронами фрейма интенциональности, в финали обнаруживающего произносительную функцию лица.

В эргативных языках эти лица различаются как смысловое (Слышащее) и речевое (Произносящее) лицо.

На морфосинтаксическом уровне (пример 11) за кадром лица Произносящего (диктумная часть примера 11) в эргативных языках располагается лицо Слышащее (рамочная часть примера), на глубинном понятийном уровне представляющее антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующего в одной из его ипостасей.

Речевое лицо Произносящее закодировано в дейктическом наречии нахского языка (инг. *укхаза* 'здесь'; чеч. *кхуза* 'здесь'; баб. *окхус*) исторически возникшем из прагматической установки. Прагматические установки эргативных языков кодируют локуторов, т.е. двух лиц, ответственных за высказывание: в центре первой располагается локутор лицо Говорящее, в центре второй – локутор лицо Произносящее. Исключение из правила составляет баббийский язык, вторая прагматическая установка которого кодирует не локутора, а третье лицо (*о* 'он, этот'), что отражается на его синхронном состоянии.

Два гетерогенных эгоцентрика (лицо Слышащее и лицо Произносящее) обнаруживаются в дистинкции собственного *со* 'эго', шифтерно отображая релевантные функции лица (слышание, произнесение), необходимые для речедеяния. Мысль о расслоенности собственного эго, т.е. «я» принадлежит, в частности, такому ученому, как, например, Г. Липпс, который указывал на то, что объектом познания в реальной действительности становится сам познающий себя субъект [4]. Познание самого себя, как объекта собственной интенции, начинается, на наш взгляд, в дистинкции собственного *со* 'эго', генерирующего эгоцентрические категории, демонстрируя расслоенное, или шифтерное «я» в эргативных языках.

В дистинкции собственного *со* 'эго', которое обнаруживается в процессе психологического процесса эмпатии (вчувствования, переживания), сопровождающего в качестве вертикальной страты фреймы интенциональности нахских языков, вскрываются гетерогенные функции лица, категорирующиеся в эгоцентриков. На семантическом уровне эгоцентрические функции лица (в нашем случае – Слышащего и Произносящего) откладываются в качестве лексического значения личных местоимений первого лица единственного числа (*сона* 'я', *аз* 'я').

Неоднозначность личного местоимения первого лица единственного числа указывает на шиферное представление собственного *со* 'эго' в эргативных нахских языках. Аффективное местоимение *сона* 'я' представляет лицо Слышащее, эргативное местоимение *аз* 'я' имеет лексическим значением лицо Произносящее. Оба эгоцентрических лица равны по содержанию полноправному предложению (предмет-референт *лицо* и его свойство *слышание*; предмет – *лицо* и его свойство – *произносит*). Исследование содержательной неоднозначности личных местоимений первого лица единственного числа ингушского нахского языка связано с основным тезисом Г.А. Климова, согласно которому объяснение языковых единиц должно проводиться не только исходя из данных морфолого-синтаксического строя языка. Автор работы «Принципы контенсивной типологии» указывал на необходимость учета системной организации лексического строя языка [3].

На глубинном понятийном уровне за гетерогенными функциями лица стоят различные антропоцентрики. За категорией лицо Слышащее стоит *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человек чувствующий; за эгоцентриком лицом Произносящим стоит полифункциональный антропоцентрик *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человек - дух', запускающий механизм всех функций компонентов парадигмы лица (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего) [7, с. 214-218], необходимых для акта коммуникации, экспонирующего *саг* 'homo' как одушевленное разумное существо.

Местоимение первого лица в эргативном падеже имени, как поверхностный грамматический показатель (*аз* 'я') глубинной понятийной категории *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, не валентно классному показателю (роду) в силу того, что оно представляет не визуально, а аудитивно воспринимаемого эгоцентрика. Визуально воспринимаемый лицом Созерцающим эгоцентриком (лицо Говорящее) в нахских языках валентен классному показателю (родоразличителю). Речедеятель лицо Говорящее (*я* 'со') номинативной прагматической установки (рус. *я здесь сейчас*) индифферентен классному показателю.

Сакхета саг 'человек-дух', как понятийная категория, прототипически экспонированная эгоцентриком лицом Произносящим (*аз* 'я'), вызывая к жизни релевантные функции лица, демонстрирует их шифтерную отраженность как компонентов парадигмы лица эргативных языков. Парадигма лица включает, с одной стороны аффективное лицо Созерцающее, помыслившее речевое лицо Говорящее, с другой, аффективное лицо Слышащее, имеющее чувствительность на другое речевое лицо Произносящее, помыслило его во фрейме своей интенциональности. На глубинном семантическом уровне эгоцентрические лица парадигмы выступают в качестве лексического значения нескольких местоимений первого лица единственного числа (*со* 'я' – лицо Говорящее, *аз* 'я' – лицо Произносящее, *сона* 'я' – лицо Слышащее).

Список литературы

1. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке [Текст]: научная статья / Г.А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – М. 2001. №1. – С. 105-114.
2. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург. Изд. «Алетейя», 2005. – 720 с.
3. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. 2 -ое изд. – М.: Книжный дом «Либроком». 2009. – 226 с.
4. Липпс Т. Руководство к психологии [Текст]: монография / пер. с нем. М. А. Лихарева. – СПб.: Изд-во О. Н. Попова, 1907. – 398 с.
5. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания [Текст]: монография / Дж. Риццолатти, К. Синигалья // пер. М.В. Фаликман, О. А. Кураковой. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
6. Тариева Л.У. Компоненты парадигмы лица ингушского языка [Текст] / Л.У. Тариева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. – Челябинск, 2014. – С. 329-337.
7. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Магас. ООО «КЕП». 2017. 376 с.
8. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24-27.

10.02.19

**Л.У. Тариева д-р филол. наук, З.Д. Яндиева канд. филол. наук,
З.М. Келигова, А.С. Хашиева**

Ингушский государственный университет,
кафедра русского языка, кафедра английского языка,
межфакультетская кафедра иностранных языков,
кафедра французского и латинского языков,
Marac, Tarieva00@mail.ru, zulay2009@yandex.ru, aza.kh.70@yandex.ru,
keligova_zarema@gmail.ru

ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЦА СЛЫШАЩЕГО И ЛИЦА ПРОИЗНОСЯЩЕГО

В статье интерпретируются два компонента парадигмы лица (Слышащее и Произносящее), впервые введенных в общую теорию языковой личности автором статьи. Неоднозначные лица парадигмы вступают между собой в интеракциональные отношения. Взаимодействие лиц происходит в пределах двух лингвопрагматических установок, характерных для эргативных нахских языков. На глубинном понятийном уровне каждое из рассматриваемых лиц восходит к гетерогенным антропоцентрикам. На поверхностном грамматическом уровне эгоцентрическое лицо Слышащее и лицо Произносящее, представлены различными ядерными падежами имени (местоимениями) со статусом первого лица.

Ключевые слова: *дистинкция собственного эго, речевой акт, аффективные лица, речевые лица, классическая прагматическая ситуация.*

Эргативными называются языки, которым присущ такой доминантный признак, как парадигма лица. На поиск доминантных, или консонантных признаков, разводящих языки по различным стратегиям, ориентирует работа Г.А. Климова «Принципы контенсивной типологии», в которой автор акцентирует внимание на принципе системной организации лексики [3], и большой труд А.Е. Кибрика «Константы и переменные языка», ориентирующий на объяснение лингвистических явлений [2].

Компоненты парадигмы лица, представляют собой гомогенно-гетерогенных эгоцентриков (лицо Созерцающее, распознающее лицо Говорящее и лицо Слышащее, распознающее лицо Произносящее), расслоено экспонирующих собственное *со* 'эго' в эргативных языках [6: 335].

Исследованию подлежат два гетерогенных лица парадигмы (Слышащее и Произносящее), вступающие в интеракциональные отношения в процессе речедеяния, без которых невозможен полноценный коммуникативный акт. Всегда важно исследовать условия представления речедеяния в прототипической прагматической ситуации, неоднозначное осмысление которой носителями языка способно развести языки по различным стратегиям (например, номинативной и эргативной).

Проблема функционирования компонентов парадигмы лица, в нашем случае – аффективного и речевого лица относится к одной из новых, так как данная парадигма введена Л.У. Тариевой в обиход лингвистического исследования относительно недавно в работе «Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя» (2017).

Новизна исследования заключается также в том, что аффективные и речевые эгоцентрики относятся к многоаспектным явлениям, требующим более глубокого и детального представления в языкознании.

Дейктические категории хронотопа (местовремени), которые исторически не могут не отразиться в прагматической ситуации в эргативных языках, скоординированы в первую

очередь, с лицом Говорящим, валентным классной отнесенности. Сочетаемость лица Говорящего с классными показателями прототипически зарезервирована в классической прагматической ситуации эргативных языков (инг. *со в а хланз* 'я **мужчина** в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* 'я **женщина** в пространстве теперь'; чеч. *со в у хлици* 'я мужчина тут теперь'; бацб. *со в а инц* 'я мужчина в пространстве теперь'), равной прагматической ситуации номинативных языков (рус. *я здесь сейчас*). Классическая лингвопрагматическая ситуация эргативных языков демонстрирует валентность личного местоимения первого лица единственного числа (*со* 'я') на гендерный компонент – показатель класса (**в** - мужчина, **й** - женщина). Показатель класса примыкает к личному местоимению первого лица ед. числа в номинативном падеже, которое на глубинном **семантическом** уровне представляет эгоцентрическое лицо Говорящее, за спиной которого располагается лицо Созерцающее, или Наблюдатель. На **понятийном** уровне в эргативных языках личное местоимение первого лица единственного числа в именительном падеже представляет *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумного. В прототипической прагматической ситуации эргативных языков презентация классного показателя (**в** 'мужчина' и **й** 'женщина') как конвенционального конструкта происходит в *origo* 'в начале' независимого от биологического понимания пола, но зависимо от произносительного гендерного признака, онтогенетически различающего мужчину и женщину.

В прототипической прагматической ситуации номинативного языка (рус. *я здесь сейчас*) гендерный признак (классная отнесенность) не фиксируется: в русском номинативном языке местоимение третьего лица единственного числа маркировано родовым показателем (изменяется по родам), что не свойственно эргативным нахским языкам.

Во второй прагматической ситуации эргативных языков (*у кх аз а хланз* 'тут еще **я** в пространстве теперь') дейктики (место, время) координируют сигнификативно-денотативную отнесенность лица Произносящего, индифферентного классной (родовой) дистрибуции. Противопоставленность личного местоимения первого лица единственного числа в эргативной форме имени (*аз* 'я') личному местоимению в номинативной форме (*со* 'я') заключается в том, что первое – представляет на глубинном уровне антропоцентрика (человеческий фактор в языке) *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, второе – 'homo sapiens', т.е. человека разумного, визуально распознаваемого лицом Созерцающим (или Наблюдателем) в функции лица Говорящего.

Исторически лингвопрагматическая установка эргативного языка, в отличие от прагматической ситуации номинативных языков, дифференцирована на классическую номинативную (*со (NOM) в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь') и акциональную эргативную, закодированную в дейктическом наречии современного словаря *укхаза* 'здесь'. В *origo*, 'в начале' наречие *укхаза* 'здесь' возникло из прототипической прагматической установки (инг. *у кх аз а (хланз)* 'тут еще я в пространстве теперь'; чеч. *кхуза* 'здесь', диахронически распадавшемся на: *кх* 'еще' *у* 'тут', и инверсивно *за* 'я' или бацб. *окхус* 'он, этот', исторически возникшем композитно из *о кх у (с)* 'он еще тут').

Наречие *укхаза* 'здесь', диахронически сложившееся из эргативной (или второй) прагматической ситуации эргативных языков (инг. *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'), композитно оформилось в процессе регулярного употребления дейктиков и в неизменном виде сохранилось благодаря неизменяемости частей речи, входящих в состав дейктического наречия *укхаза* 'здесь' с локативной семантикой в эргативных нахских языках.

В центре эргативной лингвопрагматической установки нахских языков (инг. *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'; чеч. *кх у за* 'еще тут я'; бацб. *о-кх-у (с)* 'он еще тут') располагается речевое лицо Произносящее, за кадром которого возникает эгоцентрическое лицо Слышащее. Исключение составляет эргативный бацбийский язык, вторая лингвопрагматическая установка которого кодирует третье лицо (*о* 'он, этот'), а не локутора, как в ингушском и чеченском языках.

При удачном и успешном коммуникативном акте речевое лицо Произносящее, закодированное в центре эргативной прагматической установки (инг. *у кх аз а х1анз* 'тут еще я в пространстве теперь'), соотносится с лицом Говорящим, располагающимся в центре первой, или классической установки (*со (NOM) в а х1анз* 'я мужчина в пространстве теперь') эргативных языков.

Функция лица Слышащего квалифицируется в качестве мыслительной части, распознающей и интериоризирующей функцию речевого лица Произносящего. Аффективное лицо Слышащее способно «помыслить» лицо Произносящее посредством интенции. «Помыслить» означает, что функция лица Слышащего в дистинкции собственного *со* 'эго' во фрейме интенциональности [8, с. 25] в финале эвиденциально закрепляет аудитивную информацию о лице Произносящем в перцептивной области мышления. Эвиденциальная аудитивная информация (*аз (ERG) оал* 'я произношу'), закрепленная в континууме мышления, вследствие интенции лица Слышащего, это та область знания, которая номинируется рациональным мышлением личным местоимением в эргативной форме имени (*аз 'я' vs. со 'я'*).

Интенция лица Слышащего, которая в дистинкции собственного *со* 'эго' категоризируется, естественно, базируется на онтогенетической способности речедеятеля слышать.

Процесс категоризации лица Слышащего психологичен и связан с интенциональностью, основанной на моторике аудитивных нейронов, исходящих из перцептивной области субъективного мышления в объективную действительность за акустически охарактеризованной информацией, в нашем случае – за функцией лица Произносящего [8].

Функция лица Слышащего, основанная на «аудитивных нейронах» вводится в теорию речевых актов по аналогии с «зеркальными нейронами», исследованными Дж. Ричиоллатти и К. Синигальей [5, с. 125-129].

Лицо Произносящее как акустическая информация, доставленная интенцией лица Слышащего в континуум мышления, не просто открывает один из возможных миров (например, визуально воспринятый или акустически охарактеризованный), но и откладывается на языковом уровне в качестве лексического значения личного местоимения первого лица единственного числа, которое является не единственным в эргативных языках. В эргативных языках на морфосинтаксическом уровне личное местоимение первого лица в эргативной форме имени, равно как и местоимение единственного числа в номинативной форме имени претендует на статус первого лица. Сравните конструкции:

1. *Со (NOM) лув* 'Я говорю' (т.е. обладаю способностью говорить, вне акустики, не разово, а потоком).

2. *Аз (ERG) оал* 'я произношу' (т.е. обладаю способностью произносить).

За обоими местоимениями первого лица стоит субъект-актант, выступающий в предложении в позиции подлежащего. В номинативном языке только одно лицо Говорящее (*я 'со'*) претендует на статус первого лица (локутора) в позиции подлежащего.

Лицо Слышащее в процессе интенции, организованной аудитивными нейронами в пределах второй прагматической установки, выступая в качестве аудитивного эгоцентрика, способно «помыслить» лицо Произносящее, обнаруживаемое в финали фрейма как произносительная функция лица [7: 199; 8: 25-26].

Аффективный эгоцентрик лицо Слышащее как компонент парадигмы лица, размещается за кадром лица Произносящего в силу того, что аудитивная функция лица Слышащего «помыслила» произносительную функцию во фрейме интенциональности. Лицо Слышащее, как аффективный эгоцентрик грамматически представлено в гипотаксическом контексте аффективной формой имени в качестве первого лица:

1. *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'Я слышу, что я произношу'.

Лицо Произносящее как речевой эгоцентрик, располагающийся в центре эргативной лингвопрагматической установки (инг. *у кх аз (ERG) а х1анз* 'тут еще я в пространстве теперь') морфосинтаксически представлен эргативной формой имени, в качестве первого лица:

2. *Аз (ERG) хьога (LOK) оал* 'Я тебе говорю.

Аффективный эгоцентрик лицо Слышащее, обнаруживаемый в рефлексивном режиме интерпретации, противопоставлен лицу Созерцающему, который на поверхностном (грамматическом) уровне также представлен аффективной функцией лица (слышание vs. видение).

Интенция лица Слышащего в процессе дискретного освоения функции речевого лица Произносящего категоризируется. Категоризация лица Слышащего оформляется в рамку, или фрейм интенциональности, организованный моторикой страт. Фрейм интенциональности лица Слышащего, онтогенетически основан на аудитивных нейронах, способных к трансцендентному выходу из субъективной перцептивной области мышления в объективную за акустически охарактеризованной информацией. В акте познания собственного *со* 'эго' такой информацией становится функция лица Произносящего, обнаруженная в рефлексивном режиме интерпретации.

Моторика линейных страт фрейма интенциональности лица Слышащего, организованного аудитивными нейронами, исходящими из континуума чувственного мышления, в финали процесса способна распознавать только функцию лица Произносящего vs. интенции лица Созерцающего, узнающего только лицо Говорящее (артикулирующее). Интериоризованный аудиокадр («лицо произносит») – это реакция перцептивного мышления, т.е. функции лица Слышащего на **произнесение**: «*Со* 'Я'», поэтому личное местоимение первого лица ед. числа в эргативной форме имени (*аз* 'я') имеет лексическим значением глубинную категорию эгоцентрическое лицо Произносящее, прототипически размещенное во второй лингвопрагматической ситуации: у *кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь', названной нами эргативной [7: 68, 93, 113, 115].

На собственное высказывание (*Со* 'Я') речедеятель в ипостаси лица Слышащего в рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации реагирует как на живой звук (т.е. на лицо Произносящее). Аудиокадр, или аудитивная живая картинка эвиденциально откладывается в континууме перцептивного мышления как дискретно полученная информация о лице из реальной действительности.

Таким образом: в эргативных языках наличествует эгоцентрическая категория лица, реализованная в эгоцентрических компонентах парадигмы лица нахских языков. Каждый из эгоцентриков парадигмы на языковом уровне представляет лексическое значение личных местоимений первого лица единственного числа (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'). Два гетерогенных компонента парадигмы лица (Слышащее и Произносящее) морфосинтаксически представлены различными падежами имени, так как на глубинном понятийном уровне представляют неоднозначных антропоцентриков. Лицо Слышащее как аффективный эгоцентрик в процессе интенциональности в финали распознает речевое лицо Произносящее, в то время как лицо Созерцающее (его функция) распознает лицо Говорящее.

Аффективное лицо Слышащее в моторике своей интенциональности, квалифицируемой нами как лингвopsихологический процесс, оказалось способным обнаружить речевое лицо Произносящее, совмещающееся с лицом Говорящим при успешном и удачном речевом акте.

Список литературы

1. *Золотова Г.А.* Грамматика как наука о человеке [Текст]: научная статья / Г.А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – М. 2001. №1. – С. 105-114.
2. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург. Изд. «Алетейя», 2005. – 720 с.
3. *Климов Г.А.* Принципы контенсивной типологии. 2 -ое изд. – М.: Книжный дом «Либроком». 2009. – 226 с.
4. *Липпс Т.* Руководство к психологии [Текст]: монография / пер. с нем. М. А. Лихарева. – СПб.: Изд-во О. Н. Попова, 1907. – 398 с.
5. *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания [Текст]: монография / Дж. Риццолатти, К. Синигалья // пер. М.В. Фаликман, О. А. Кураковой. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
6. *Тариева Л.У.* Компоненты парадигмы лица ингушского языка [Текст] / Л.У. Тариева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. – Челябинск, 2014. – С. 329-337.
7. *Тариева Л.У.* Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Магас. ООО «КЕП». 2017. 376 с.
8. *Тариева Л.У.* Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24-27.

10.02.19

Н.В. Трунова канд. филол. наук, О.В. Трунова д-р филол. наук

Военный университет Министерства обороны РФ,
Кафедра английского языка (основного),
Москва, n_trunova@mail.ru,
Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, lachesis47@mail.ru

КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ГРАММАТИКИ

В статье рассматриваются базовые понятия грамматики, предлагается отличное от традиционно принятого определение понятия грамматической категории, аргументируется несостоятельность термина «грамматическое значение», вводится понятие «природы категории», систематизированы факторы, определяющие лингвистический статус категории как грамматической сущности.

Ключевые слова: грамматическое значение, основание грамматической категории, постулаты грамматической категории.

Понятие «категория», являясь общенаучным, входит в структуру научного знания практически во всех его областях. В качестве исходного, как правило, принимается его определение в философии. В одной из наиболее поздних, полных и авторитетных интерпретаций категории трактуются как «фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предикирования, существующие в языке, составляющие возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий» [3]. Такое определение является широкоохватным и предельно генерализованным, что соответствует принципам терминологических определений в философии как методологической базе научного знания. Однако в каждой конкретной области это понятие адаптируется к объекту, целям и характеру исследования. В силу этого категории естествознания необходимо отличаются от категорий в гуманитарных науках, в том числе и в языкознании. В последнем случае расхождения во мнениях связаны с толкованием сущностных особенностей, типологии и функционального предназначения категорий.

В частности, за основу терминологического определения грамматической (чаще морфологической) категории может приниматься грамматическая форма, [2] грамматическое значение [1] или их совокупность [4] как отражающая соотнесенность в диаде «форма – содержание». При этом первый критерий не вызывает возражений, поскольку категории грамматики (в равной мере морфологии и синтаксиса) являются маркированными и именно наличие формально представленного маркера позволяет разграничить формы, например, прошедшего, настоящего и будущего в рамках категории времени, единственного и множественного в рамках категории числа. Проблематичным представляется понятие «грамматического значения», широко распространенное как в отечественной [9], так и в зарубежной [10; 11] лингвистике. Существо проблемы заключается в том, что знак есть материальная сущность, произвольно наделяемая свойством передачи некоторой информации. Информация, суть значения знака, есть величина ментального характера. Как таковая она может быть передана с помощью любой знаковой системы, в том числе (возможно, даже не в первую очередь) и языковой. Не будучи присущей языковому знаку ингерентно, она является «производной» знания, сформированного в ходе взаимодействия человека с миром [5; 7], образной и понятийной по своей природе. Однако ни в системе

образов, ни в системе понятий не существует формальной грамматики. Формальная грамматика есть прерогатива языка. То есть ментальное содержание, если и имеет собственные «грамматические» (определяемые биологией) законы, модели и правила организации, это далеко не то же самое, что грамматика языка [8]. На этом основании более корректно говорить о грамматических формах выражения определенного значения, нежели о «грамматическом значении» как таковом.

Не требует доказательства тот факт, что в языковой репрезентации любого ментального содержания, например, представления о времени, может участвовать весь наличествующий в нем арсенал средств: лексические единицы и коллокации (вчера, сейчас, через три месяца), словообразовательные аффиксы и конструкции (экс-чемпион), нестандартные окказиональные сочетания (через пару чашек кофе, двумя выборными кампаниями ранее), грамматические формы (приходит, запланировал, будет помнить). Противопоставление грамматических форм, служащих средством передачи значения составляет грамматическую категорию. В рамках такого подхода грамматическую категорию можно определить как формально-содержательную парадигму, объединенную на основе базового родового понятия, видовые значения которого способны к синтаксической актуализации в одной из форм парадигмы, в строго определенной функции (позиции) и дистрибуции (грамматический контекст). Кажущееся на первый взгляд сложным, это определение, между тем, отражает все характеристики грамматической категории, где формально-содержательная парадигма означает структурную организацию грамматически маркированных компонентов с характерным генерализованным (родовым) признаком (в данном случае, «время»), который в речевой цепи (синтагме) передает конкретизированное (видовое) значение (прошедшего, настоящего, будущего).

Указанные признаки входят в номенклатуру постулатов грамматической категории, которые также включают следующие положения:

- Грамматическая категория является исторически сформировавшимся образованием и представляет собой способ существования лексико-грамматического класса, который она организует.
- Грамматическая категория охватывает весь лексико-грамматический класс, которому она присуща, формой существования и актуализации которого она является.
- Грамматическая категория класса обязательна в актуализации.
- Ни одна грамматическая категория не реализуется изолированно, но лишь во взаимодействии с другими языковыми категориями, что, однако, не может служить основанием для неразграниченного определения их статусов.
- Грамматические категории инертны: они медленно изменяются, никогда не заимствуются из языка в язык, подчиняясь типологическим характеристикам «своего». Поэтому неправомерно переносить результаты анализа грамматической категории в одном языке на материал другого языка.

Важным фактором в определении *raison d'être* грамматической категории является характер основания, по которому она образована. Классификация грамматических категорий по этому показателю включает три типа категорий: онтологические, антропоцентрические и реляционные. К первому типу относятся категории, формально вербализующие наблюдаемые явления, объекты и признаки. Это категория времени, категория числа существительного, категория степеней сравнения прилагательного, категория наклонения, эксплицитно или имплицитно в качестве подоплеки включающая причинно-следственные установки.

К типу антропоцентрических по основанию относятся категории, реализация значений которых ориентирована на субъект. Это категория лица, в рамках которой разграничение категориальных значений определяется в противопоставлении триады «я (говорящий) – ты (слушающий) – он / она / оно (тот / то, о ком / чём идет речь)». К этому типу принадлежит категория детерминации. Значения этой категории выражаются в противопоставлении

«определенный / неопределенный». Отмечается, что эта категория предназначена для выражения «неосведомленности участников речевой ситуации об объекте речи или его существовании» [6], то есть имплицитруется тот факт, что в реально существующем мире природой всё определено и распределено (классифицировано), а собственно неопределенность возникает в восприятии сущего. Причиной такого результата познания следует признать достигнутый уровень знания, не поднявшийся до осознания определенности некоторой формы, свойств и причинностей. Грамматическим маркером значений этой категории является артикль. Функция реляционных категорий служебная. Их предназначением является оформление сентенциональных конструкций в соответствии с грамматическими правилами языка. Реляционными следует считать категории рода и числа прилагательных.

В заключение ещё раз подчеркнем, что значение любой грамматической категории, в том числе и реляционной, выявляется в её контекстуализации.

Список литературы

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М. Высшая школа, 2005. – С. 81 - 82
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1976. – С. 9
3. Категории // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд.– М.: Мысль, 2010 [электронный <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f11983e819124187c> (дата обращения: 15.04.2019)]
4. Козлова Л.А. Теоретическая грамматика английского языка: учебное пособие. Барнаул, 2010. – С. 27 – 29
5. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 57
6. Маиштакова М.В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 16 – 20
8. Пинкер С. Язык как инстинкт. Перевод с английского Кайдаловой Е.В.: М. – Едиториал УРСС С. 72 – 73
9. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., Либроком, 2010. – С. 209
10. Bybee, J. L. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins, 1985.
11. Haspelmath, M. The Geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language, vol. II. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, May, 2000.

10.02.19

А.А. Устиновская канд. филол. наукМосковский физико-технический институт,
alyonau1@yandex.ru**К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В. БРЮСОВА И К. БАЛЬМОНТА**

В данной статье дается обзор развития приемов перевода поэзии на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, учитываются два противоположных подхода к этой проблеме. Рассматриваются теории двух выдающихся поэтов-переводчиков той эпохи – Брюсова и Бальмонта. Для подтверждения предположения о наличии значительных сложностей при переводе стихотворений взят построчный анализ сонета их современника Эдгара Аллана По. Показан различный подход к переводу, обнаружены различного рода затруднения и показаны пути их решения.

Ключевые слова: *Поэт-переводчик, По, Брюсов, Бальмонт, перевод, поэзия.*

Трудности литературного перевода обусловлены колоссальной смысловой нагрузкой и насыщенностью выразительных средств, которые применяются в поэзии. Стихотворения несут в себе черты культуры, эпохи, бытовых и социальных особенностей определенного места и времени. На плечи переводчика ложится груз ответственности за решение задачи с множеством различных факторов, каждый из которых требует своего особенного подхода.

Перевод стихотворения требует отказа от техники подстрочного перевода, который является наиболее простым способом переложения художественного произведения с иностранного языка. При переводе поэзии необходимо принимать во внимание социокультурные факторы, передать ритм и слог, задумку автора, рифму, авторский размер. Переводы поэтических произведений чаще всего выполняются поэтами, владеющими не только русским языком, но и несколькими другими языками в совершенстве.

Когда перевод выполняет поэт, он всегда вносит свое видение в переводимое поэтическое произведение. Сопоставление двух переводов одного и того же произведения, выполненных двумя авторами, позволяет выявить привнесенные ими в текст детали и сравнить их техники переводов и позиции в отношении переводимого текста. Для такого сравнения выбраны русские поэты В.Я. Брюсов и К.Д. Бальмонт. Они принадлежали к одному поколению и жили в одну яркую и интересную для русской поэзии эпоху. Оба принадлежат к русской ветви символизма в литературе.

Многие исследователи отмечали крайнюю сосредоточенность и тщательность подхода Брюсова к переводу. Он обладал значительной эрудицией, владел многими языками и знакомился не только с биографией и произведениями авторов, которых переводил, но и культурой и историей народа, к которому принадлежал автор [2, с. 109]. В течение своей творческой деятельности он разработал свою собственную теорию перевода. Стремился к буквализму, дословности и старался максимально приблизиться к тексту автора и сохранить все самое важное; постоянно боролся с трудностями перевода, жалуясь на них в своих работах.

Константин Бальмонт в своей переводческой деятельности искал такой способ перевода, в котором форма и содержание сосуществовали бы гармонично, старался «прочитать» английский романтизм через призму русского символизма. Однако, хоть он и стремился к сохранению формы исходного произведения, многие критики отмечали, что чаще для Бальмонта поэзия авторов была основой для создания «отражений», в которых был виден лишь сам Бальмонт, полет его творческой мысли. И часто личность и идеи автора оригинала стирались, отчего переводы страдали некой безликостью, и личная мысль переводчика выходила на передний план.

В качестве материала для анализа выбран перевод Брюсовым и Бальмонтом стихотворения Эдгара Аллана По, чьи произведения оказали значительное влияние на

развитие мировой литературы. Оба поэта обращались к переводу сонета “Silence” (1839) [4, с. 11]. В нем проводятся парные параллели между морем и берегом и телом и душой. Смерть тела – это тишина, и о ней не стоит скорбеть, но стоит опасаться тихой смерти души. Таков смысл, понятный из оригинала произведения.

Автор указывает в названии, что это сонет, из чего можно предположить, что это должен быть сонет в плане формы – сонет как строфа. Обычно он состоит из двух четверостиший (катренов) и двух трехстиший (терцета). В сумме получается 14 строк, но в приведенном оригинале строк 15, и во втором катрене есть дополнительная пятая строка, которая рифмуется как первая и четвертая строки. Что примечательно, «лишняя» строка оканчивается на *no more*, что перекликается с *nevermore* из «Ворона» и созвучно с *mortem* из латыни – смертью, к теме, к которой постоянно в своем творчестве обращается автор.

В работах двух поэтов-переводчиков [3, с. 15] с первого взгляда виден различный подход к переводу на русский язык формы стихотворения. Брюсов, стремившийся всегда к сохранению формы, оставляет необходимое количество строк, и также добавляет одну строку в сонет «третьей» рифмой, но переносит из второго катрена в первый терцет. У Бальмонта есть тройная рифма, но строк на целых три больше и две из них подхватывают рифму третьего четверостишия. Можно предположить, что последний пожертвовал формой в этом случае для сохранения баланса в передаче идеи.

Таблица 1 – Сопоставление переводов первой строфы Э. По

Оригинал	Перевод Брюсова	Перевод Бальмонта
There are some qualities—some incorporate things, That have a double life, which thus is made A type of that twin entity which springs From matter and light, evinced in solid and shade.	Есть свойства, бестелесные явления, С двойною жизнью; тип их с давних лет, — Та двойственность, что поражает зренье: То — тень и сущность, вещество и свет.	Есть свойства — существа без воплощенья, С двойною жизнью: видимый их лик — В той сущности двоякой, чей родник — Свет в веществе, предмет и отраженье.

Здесь можно уже увидеть тягу Брюсова к сохранению рифмы – как и в оригинале, она перекрестная (abab), словосочетания ровно на тех же местах, что и в оригинале, за исключением глагола *to spring*. Свет и вещество не происходят из двойственности, а «поражают зренье». У Бальмонта рифма опоясывающая – abba. А *to spring* передано в первом смысле – «родник». Более близкий подстрочный вариант был бы «Тот тип двойственности, из которой происходят», и его не выбрали оба переводчика.

Таблица 2 – Сопоставление переводов второй строфы По

Оригинал	Перевод Брюсова	Перевод Бальмонта
There is a two-fold Silence—sea and shore— Body and soul. One dwells in lonely places, Newly with grass o’ergrown; some solemn graces, Some human memories and tearful lore, Render him terrorless: his name’s “No More.”	Есть два молчанья; берега и море, Душа и тело. Властвует одно В тиши. Спокойно нежное, оно Воспоминаний и познания горе Таит в себе, и «больше никогда» Зовут его.	Двойное есть Молчанье в наших днях, Душа и тело — берега и море. Одно живет в заброшенных местах, Вчера травой поросших, в ясном взоре, Глубоком как прозрачная вода, Оно хранит печаль воспоминанья, Среди рыданий найденное званье; Его название: «Больше Никогда».

Следуя оригиналу, далее берем второй катрен плюс пятая строка, которую оба автора перевели как «больше никогда». Если посмотреть на переводы «Ворона», там аналогию,

пронизанную смертью, в той же форме сохранил только Брюсов, у Бальмонта там осталось только «никогда», отчего эффект несколько теряется.

Здесь уже можно увидеть, что в погоне за точной передачей формы строфы, Брюсову приходится уйти от близкого к подстрочному перевода, который использует Бальмонт. «Заброшенные места, поросшие травой» становятся просто «тишь», но здесь Бальмонт несколько увлекся и добавил от себя «ясном взоре, глубоком как прозрачная вода». Тем не менее, обоим удастся сохранить это зловещее «больше никогда» в конце строки.

Таблица 3 – Сопоставление переводов третьей строфы Э. По

Оригинал	Перевод Брюсова	Перевод Бальмонта
He is the corporate Silence: dread him not! No power hath he of evil in himself; But should some urgent fate (untimely lot!) Bring thee to meet his shadow (nameless elf, That haunteth the lone regions where hath trod No foot of man,) commend thyslf to God!	Зовут его. Телесное молчанье, Оно бессильно, не страшишь вреда! Но если встретишь эльфа без названья, — Молчанья тень, в пустынях без следа, Где человек не должен ставить ногу, Знай: все покончено! предайся Богу!	Не бойся воплощенного Молчанья, Ни для кого не скрыто в нем вреда. Но если ты с его столкнешься тенью (Эльф безымянный, что живет всегда Там, где людского не было следа), Тогда молись, ты обречен мученью!

В заключении оба перевода практически одинаково переводят словосочетания оригинала, но снова у Брюсова форма берет верх и два терцета сохраняют положение рифмы, что дает переводу ритм и общее звучание оригинала. Бальмонт же обращает внимание на скобки и точную передачу словесных оборотов, а ритм терцетов ломает опоясывающей рифмой четверостиший.

Если подводить итоги проведенному анализу, можно сделать вывод, что перевод поэзии представляет собой значительные трудности, в силу наличия ритмического рисунка, рифмы и строковой оформленности стихотворной формы. Перед переводчиком стоит задача не только воссоздать примененные автором средства выразительности в схожей форме и формате, но и учесть рисунок рифмы, размер стиха, количество строк, звуковые повторения и в какой-то мере знать особенности автора как стихотворца, то есть быть знакомым и с остальным его творчеством.

Взятого в этой статье фрагмента оказывается вполне достаточно, чтобы увидеть, как разные поэты справляются с поставленными задачами и трудностями и какие моменты являются приоритетами для них в переводе поэзии. Здесь мы видим, что Брюсов опирался на количество строк, рифму и ритмику, и в какой-то мере сохранил дословность перевода. И между точностью фразы слово в слово и краткостью переложения был сделан выбор в сторону последнего. Бальмонт же в своем переводе утратил ритм стихотворения, добавил некоторые вещи от себя, но передал почти все словосочетания почти подстрочным переводом. Можно сказать, что он довольно точно передал содержание текста, но в какой-то мере утратил или изменил в угоду своему вкусу атмосферу данного произведения.

Список литературы

1. Kikhney L., Pavlova T., Gavrikov V. Manifestos-Messages in the Poetic Discourse of Modernism: A. Akhmatova, V. Bryusov, V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, and M. Voloshin // *Man In India. Social Saiences Cultural Studies*. 97 (16). 2017. № 16. P. 131-144.
2. Колобаева Л.А. Русский символизм. М.: Изд-во МГУ, 2000. – 296 с.
3. По Э.А. Собрание соч.: В 4 т. М.: Пресса, 1993. Т. 1. – 384 с.
4. Poe E.A. The Complete Tales and Poems of Edgar Allan Poe / Dorset Press. - 1989. – 1082 p.

10.02.19

Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
Москва, hongorzul9191@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

ФОРМУЛЫ «ОБРАЩЕНИЯ» В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

В данной статье рассматривается национальный характер и особенности речевого этикета в общении, который отражает национальную специфику. Проанализированы формулы обращения в русском и монгольском языках. Также в статье содержится анализ этих особенностей в рамках мультистилистики русского языка.

Ключевые слова: *речевой этикет, формула обращения, русский язык, монгольский язык, стилистика.*

Для установления и поддержания контакта важным элементом является - обращение. Основная функция обращения - привлечения внимания, призыв к вниманию собеседника.

В словаре русского речевого этикета А.Г.Балакая слово *Обратиться* имеет такую дефиницию: 1. *Позвольте обратиться.* Учтиво-офиц. форма обращения, обычно с вопросом или просьбой к равному или старшему по возрасту, положению. *Разрешите обратиться* - а). То же, что *Позвольте обратиться*. б) проф. Офиц-уставная форма обращения к старшему по чину, званию в армии или др. военизир. службах. *Обращаюсь к Вам (тебе)...* Офиц-вежл.обращ. с просьбой, вопросом, предложением. [1, с.324]

По мнению Н.И.Формановской, обращение: это во первых наименование этикетной ситуации общения, когда с помощью адресации устанавливается коммуникативный контакт, во вторых сумма стереотипов общения, составляющих коммуникативно-семантические группы единиц речевого этикета со значением обращения, в третьих каждая из единиц адресации, с помощью которых совершается речевое действие (акт) обращения.[4]

Обращение - одно из неперенных и частотных речевых действий среди этикетных событий, поскольку в русской культуре, не обратившись к адресату, трудно вступить в содержательное общение. [4, с.65]

В ситуации обращения к собеседнику можно выделить две позиции: обращение к незнакомому и к знакомому (с промежуточной градацией от «очень хорошо знакомый, близкий человек» до «малознакомый»). Обращение может быть стилистически дифференцировано.

Е.Ф.Киров, проанализировав три штиля М.В.Ломоносова, предложил мультиплицировать (умножить) их на пять функциональных стилей, чтобы преодолеть рассогласованность между классической теорией трех стилей (штилей по терминологии М.В.Ломоносова) и теорией функциональных стилей речи и получить в результате мультистилистику языка. Таким образом, для каждого функционального стиля можно предположить существование трех языковых «штилей»: высокого, среднего, и низкого - полученная в результате технология стилистического описания (мультистилистика) может включать в себя пятнадцать вариантов, т.е. по три функциональных штиля для каждого из пяти функциональных стилей [2:94] .

Рассмотрим формулы обращения в рамках мультистилистики :

Обращение к незнакомому человеку для привлечения внимания наиболее употребительными единицами является: *Простите!; Извините!* Могут сопровождаться подчёркивающий этикетный вежливый тон - *Пожалуйста. Простите (Извините) пожалуйста.* Такой вариант можно отнести к среднему штилю универсального суперстиля (имеющегося в любом стиле).

Стилистически повышенные формы: *Простите!(Извините) за беспокойство...; Позвольте Вас побеспокоить...; Маркерами высокого штиля в данных формулах оказывается специфическая лексика.*

Способом привлечения внимания может быть вежливый вопрос: *Скажите, пожалуйста...?; Извините, вы не скажете...?; Извините, не могли бы вы сказать...?; Простите, вы не знаете...?; Будьте добры...; Будьте любезны...; Не будете ли вы так любезны сказать...?; Вы не можете (сказать)...?; Не можете ли вы (сказать)...?; Не могли бы вы (сказать)...?; Вас не затруднит (сказать)...?; Вам не трудно (сказать)...? Можно (вас) спросить?; Можно задать вопрос?; Разрешите (вас) спросить?; Можно вас (тебя) на минутку? Данные примеры также могут быть отнесены к высокому штилю речи.*

Сигналом привлечения внимания в разговорной речи может быть: *Послушайте! (Послушай!)* - явно сниженный вариант обращения.

Обращение к незнакомому адресату (*Товарищ!; Гражданин!; Гражданка!*). Эти обращения относятся к среднему штилю.

По отношению к молодым людям употребляются обращения: *Молодой человек!; Юноша!; Парень! (простореч.); Малый! (простореч.); Девушка!* - также среднего штиля речи.

Фамильярно - сниженным, но дружеским является обращение: *Друз!; Приятель!; Брат!*

Следующие обращения русским и монгольском языках употребляются по отношению к родственникам: *Бабушка!; Дедушка!; Мам, Пап, Сына! Доча и т.д.* По своей фонетической форме с усечением фонемного состава они явно тяготеют к сниженному штилю речи.

Поразительным фактом является то, что эти обращения могут быть направлены незнакомому человеку: *Бабушка!; Дедушка! Отец!* (просто старый собеседник), *тётя, дядя и др.*

Очень употребимы обращения пожилых людей к незнакомым молодым людям (просторечные, стилистически сниженные, ласковые): *Дочка!; Сынок!*

Подобные обращения употребимы и в монгольском языке. Но аналогов русским обращениям «*мать, мамаша, отец, папаша, батя*» к незнакомым людям среднего и старшего возраста в монгольском языке нет.

В русском языке употребимы стилистически сниженные и явно просторечные обращения: *Браток!; Сестричка!; Сестрёнка!*

Обращение к знакомому адресату в качестве обращения к хорошо знакомым, близким людям независимо от возраста, чаще всего используют собственные имена, если общаются равные между собой люди: *Маргарита: Рита; Татьяна: Таня, Танечка* и др.

Фамильярно-грубоватых и стилистически сниженных форм, аналогичных русским «*Наташка*», «*Ленка*», в монгольском языке нет, - в нем обращаются только на собственные имена или на сокращённые имена как: *Сараа* (Сарангэрэл); *Болдоо* (Болдбаатар)

При использовании личных имён русского языка студенты иной культуры и языка сталкиваются со многими проблемами, так как обращаются к преподавателю на одно лишь имя по своему принятому в родной лингвокультуре обращению. Например в монгольской культуре слово *Учительница* и *Преподаватель* имеют большое значение, выражают огромное уважение, поэтому принято обращаться БАГШ АА! (*т.е. учительница!* или *Преподаватель!* - включая профессор: *Иванов-багша!*). Главной ошибкой монгольских студентов является интерферентное обращение – *Татьяна-преподавательница!*, мотивированное родным языком.

В монгольском языке через все этикетные ситуации проходят формы почтительного обращения людей друг к другу, и особенно младших к старшим. А также в монгольских народных пословицах отражается жизненный опыт многих поколений, один из самых поучительных с глубоким смыслом вежливости и уважения к старшим является: «*Хүн ахтай дээл захтай*», что в переводе “У человека есть старший, а у халата воротник”. Ещё к таким примерам относится ФЕ: *Эрдэмтэй хүн даруу, Их мөрөн дөлгөөн* “Образованный человек скромн, глубокая река спокойна”.

Рассмотрим специальные слова-обращения монгольского языка по отношению к старшим по возрасту.

К имени старшего, уважаемого человека, независимо от его пола, добавляется почтительная форма обращения. Можно отнести к высокому штилю - *гуай* например, *Сэрээтэр-гуай*, *Гантомор-гуай*. Если имя человека неизвестно, к нему обращаются так: *овгон-гуай* - "почтенный", "уважаемый", если это мужчина; *эмээ* - "бабушка", если это женщина; *эгч* - "сестра", если это женщина средних лет; детей называют ласково *миний дуу*, *миний хуу* - "мой ребёнок", "мой сынок".

В монгольской культуре к отцу и матери, старшим братьям и сёстрам обращаются только на "Вы". Дети в разговоре с родителями и старшими братьями обращаются к ним почтительно, называют отца *аав* (папа) вместо общепринятого в быту *эцэг* (отец); мать почтительно называют *ээж* (мама) вместо *эх* (мать); *ах* – старший брат, *эгч* – старшая сестра, а всех младших братьев и сестёр называют одним общим словом – *дуу* (младший брат, младшая сестра.) Данные обращения относятся к среднему штилю.

К близким людям, равным по возрасту, обращаются: *Хонгор минь* - "милая, милый", *хайрт минь* - "любимая, любимый", - так называют друг друга влюблённые; *ах минь* - "братец мой" - так обращается младший мальчик к старшему мужчине; *эгч минь* - "сестрица" - так обращается девушка к старшей по возрасту женщине, относится также среднего штиля речи.

Фамильярно - сниженным, но дружеским является обращение: юноши-ровесники в обычном разговоре могут называть друг друга *найз* - "друг, подруга"; *анд* - "приятель"; *нохор* - "товарищ"; *овгон* - "старина". Слова типа *хууш* - "эй!" или *нааш ир* - "иди сюда!", заменяющие обращение, считаются стилистически сниженными фамильярными и допустимы лишь между близкими людьми. Такие обращения относятся к низкому штилю речи.

Обращения - сложная и церемониально тонкая сфера языковой коммуникации. Для вхождения в чужую культуру и язык требуется прежде всего, на самом начальном этапе изучения неродного языка освоить сферу обращений.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. -М., 2001. с.324
2. Киров Е.Ф. Стилистическая парадигма русского языка. Русский язык за рубежом №5., 2016. с.93-99
3. Ушаков Н.Д. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция - М., 2014., с.954.
4. Формановская Н.И. В последнее время... (юбилейный сборник статей). -М., 2012. с 65

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Х.Н. Темаева

ФЕНОМЕН «ДВОЙСТВЕННОСТИ» СОЗНАНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Ключевые слова: Горький, двойственность, противоречия, революция, творчество, человек, слава.*Цель данного исследования – изучение личности Максима Горького, вставшей в дисгармонию, раздираемый противоречиями в трудное для нашей страны время. Исследованы отличительные черты сложной эпохи, в которую писатель создавал свои произведения.**В статье показана фигура Горького как сложная, внутренне конфликтная. Раскрыт феномен «двойственности» писателя и его славы. Интерпретировано творчество Горького в современном ключе, найдены новые подходы в изучении его художественного наследия.*

О.Ю. Юрьева

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, эйдологический символ, литература Серебряного века, идея, амбивалентность, полифункциональность.*В статье исследуется проблема влияния эйдологической символики Достоевского на русскую литературу начала XX века. Показано, как в мире Достоевского традиционные для российского художественного и мифопоэтического сознания символы топора, камня, креста приобретают эйдологический статус, становясь воплощением той или иной идеи, и в этом статусе функционируют в произведениях художников Серебряного века.*

О.Н. Голованова

ЭКФРАСИС В РОМАНЕ ПЕТРА ХРАМОВА «ИНОК»

Ключевые слова: Петр Храмов, роман «Инок», экфрасис, интермедийный анализ.*В статье рассматривается феномен экфрасиса в романе «Инок» современного уфимского писателя и художника Петра Храмова.*

Р.Л. Зайни

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ» КАК ПЛОЩАДКА ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Ключевые слова: татарская журналистика, гражданская журналистика, социальные сети, «ВКонтакте».*В данной работе представлены результаты исследования деятельности татароязычных сообществ в социальных сетях. Необходимость изучения данных пабликов обусловлено тем, что гражданская журналистика расширяет свои горизонты, охватывая широкий круг читателей из числа подрастающего поколения.*

Л.Ф. Имамова

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: типология прессы, татарская журналистика, религиозная пресса, журналистика XX века, специализированные издания.*Сегодня внимание к проблеме специализированных СМИ повышается, в связи с чем возникла актуальность изучения типологии специализированных изданий. А чтобы изучение было более эффективным, нужна опора на предыдущие опыты.**В начале XX века, с зарождением татарской периодики произошло и создание специализированной печати. По принадлежности аудитории и по тематической направленности религиозная пресса была самой большой типологической группой того времени, обзору чего и посвящена данная статья.*

Kh.N. Temaeva,

THE PHENOMENON OF "DUALITY" CONSCIOUSNESS MAKSIMA GORKOGO

Keywords: Gorky, duality, contradiction, revolution, creativity, man, kudos.*The objective of this study is to examine the personality of Maxim Gorky, which have run in disharmony, riven by contradictions at a difficult time for our country. Distinctive features of investigated complex era, in which the writer created their works. The article shows the figure of Bitter as a complex, internal conflict. Discovered the phenomenon of the "duality" of the writer and his glory. Interpreted in a contemporary vein of Gorky's creativity, found new approaches in the study of its artistic heritage.*

O.Yu. Yureva

THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICHESKIE STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Keywords: Dostoevsky, eidological symbol symbol, literature of the Silver age, the idea, the ambivalence, multifunctionality.*In the article examines the problem of the influence of eidological symbolism of Dostoevsky in Russian literature of the beginning twentieth century. Shows how Dostoevsky in the world of traditional Russian art and mythopoetic consciousness the symbols of an axe, stone, cross acquire the eidological status of becoming the embodiment of an idea, and this status is functioning in the works of artists of the Silver age.*

O.N. Golovanova

EKHPRASIS IN NOVEL «INOK» BY PETER KHRAMOV

Keywords: Peter Khramov, the novel "Inok", ekphrasis, intermodal analysis.*The article deals with the phenomenon of ekphrasis in the novel "Inok" by Ufa writer and artist Peter Khramov.*

R.L. Zayni

THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE AS A SITE OF CITIZEN JOURNALISM

Keywords: Tatar journalism, citizen journalism, social networks, VKontakte.*This article presents the results of a research of the activities the Tatar-speaking communities in social networks. The need to research public data is due to the fact that citizen journalism is expanding its horizons, covering a wide range of readers from among the younger generation.*

L.F. Imamova

SPECIFICS OF DEVELOPMENT RELIGIOUS PRESS ON TATAR LANGUAGE

Keywords: newspaper typology, history of journalism, Tatar press, religious press, journalism in the early twentieth century, specialized publications.*A large amount of information pressure is forcing readers to go further and further into the reading of highly specialized media, where you can read only what you need, without kilobytes of superfluous and imposed information. Today, attention to the problem of specialized media is increasing, and therefore the relevance of studying the typology of specialized publications has arisen. And in order to study more effective, you need to rely on previous experiments. At the beginning of the twentieth century, with the birth of the Tatar periodicals, the creation of a specialized press occurred. According to the audience and thematic focus, the religious press was the largest typological group of the time, the review of which is devoted to this article.*

Л.Ф. Имамова

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ НА ТАТАРСКОМ
ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: специализированная пресса, типология татарской прессы, история татарской журналистики, тенденции в журналистике, журналистика начала XX века, медиапространство Татарстана.

Популярность узкоспециализированных СМИ за последние годы легко объяснить - общество изголодалось по изданиям на определенные, сугубо его интересовавшие вопросы, без навязанных универсальных тем. Этим и объясняется внимание к изучению специализированных изданий. В данной статье рассмотрена специализированная татароязычная пресса в ее историческом контексте.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев,
А.Д. Абдуллина, К.А. Хисамутдинов, Д.К. Казалова,
Д.А. Рахматуллина, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлис
ВЛИЯНИЕ УФИМСКОГО ЭВАКУАЦИОННОГО ПЕРИОДА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ПИСАТЕЛЯ,
ПАТОЛОГОАНАТОМА Л.Б. ЦЫПКИНА

Ключевые слова: писатель, литературный кружок, эвакуация, Украинская ССР, Башкирский государственный медицинский институт.

Автор известной книги «Лето в Бадане» врач, патологоанатом, писатель Леонид Борисович Цыпкин в годы Великой Отечественной войны учился в Башкирском государственном медицинском институте имени 15-летия ВЛКСМ, в котором активно действовал литературный кружок. В период эвакуации в Уфе находились литературные деятели Украинской ССР (писатели, поэты, драматурги), которые оказали значительное влияние на формирование литературных взглядов кружковцев медицинского института.

Ш.С. Магомедова, М.И. Джабраилова
ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ДАГЕСТАНСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
МЕСТНОЙ ПРЕССЫ

Ключевые слова: политика, власть, СМИ, медиа, Дагестан
В работе проанализированы особенности проблематики выступлений дагестанских политических деятелей, а также реакция местной аудитории на освещение ситуации в республиканских СМИ.

Ф.С. Маммаева, Г.А. Магомедов
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СМИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: СМИ, язык толерантности, язык вражды, этническое общество, национальные меньшинства.

Немалую роль в формировании и «подогреве» враждебных отношений между конфликтующими группами играют средства массовой информации. Мы проанализировали речевые особенности описания межнациональных конфликтов в ряде российских СМИ и выдвинули гипотезу, что использование языка вражды может использоваться для усиления назревающих конфликтов в обществе.

Е.А. Барменкова, А.Т. Гайткулов, И.А. Кудашева,
А.Ш. Тазетдинов, П.Ю. Тимофеев, А.О. Федосова,
Т.Р. Шагимов, Г.А. Ягафарова
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ»

Ключевые слова: профессиональная речь, подход, общение, специалист.

В статье даются различные определения термина «профессиональная речь». Нередко исследователи применяют в своих работах термин «профессиональная речь», но неправильно его толкуют. Причиной этому является тот факт, что авторы толковых, энциклопедических и языковедческих словарей зачастую не приводят формулировку

L.F. Imamova

FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF
THE SPECIALIZED PRESS IN THE TATAR LANGUAGE AT
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Keywords: specialized press, typology of the Tatar press, the history of Tatar journalism, trends in journalism, journalism of the beginning of the twentieth century, Tatarstan media process. The popularity of highly specialized media over the past few years is easy to explain - the society was starved to publish on certain issues of particular interest to him, without imposed universal themes. This explains the attention to the study of specialized publications. This article discusses the specialized Tatar-speaking press in its historical context. Summing up our review, it should be noted that the specialized press of the beginning of the twentieth century has a great deal of weight in the system of the Tatar periodical press, both in quantity and in problem-thematic diversity.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev,
A.D. Abdullina, K.A. Khisamutdinov, D.K. Kazalova,
D.A. Rakhmatullina, S.A. Batanin, A.F. Muhlisov
INFLUENCE OF THE UFA EVACUATION PERIOD ON THE
FORMATION OF WRITERS AND PATHOLOGIST ANATOMIC
VIEWS L.B. TSYPKIN

Keywords: writer, literary circle, evacuation, Ukrainian SSR, Bashkir State Medical Institute.

The author of the famous book "Summer in Badan", a physician, pathologist, writer Leonid Borisovich Tsypkin during the Great Patriotic War, studied at the Bashkir State Medical Institute named after the 15th anniversary of the All-Union Leninist Young Communist League, in which a literary circle was active. During the evacuation in Ufa, there were literary figures of the Ukrainian SSR (writers, poets, playwrights) who had a significant influence on the formation of the literary views of the medical institute members.

Sh.S. Magomedova, M.I. Djabrailova
THE PROBLEMATICS OF POLITICAL SPEECHES OF THE
DAGESTAN AUTHORITIES ON THE EXAMPLE OF THE
ANALYSIS OF THE LOCAL PRESS

Keywords: politics, power, media, media, Dagestan.
The article analyzes the peculiarities of the problems of Dagestan political figures' speeches, as well as the reaction of the local audience to the coverage of the situation in the republican media.

M.F. Mammaeva, G.A. Magomedov
HATE SPEECH IN RUSSIAN MASS MEDIA FROM
NATIONAL STANDPOINT

Keywords: mass media, speech of tolerance, hate speech, multicultural society ethnic minorities.

We analyzed the speech characteristics of the description of interethnic conflicts in a number of Russian media. The goal of the current research is to analyze the hate language, as well as the language of tolerance in the publications of modern Russian print media.

Е.А. Барменкова, А.Т. Гайткулов, И.А. Кудашева,
А.С. Тазетдинов, П.Ю. Тимофеев, А.О. Федосова,
Т.Р. Шагимов, Г.А. Ягафарова
DIFFERENT APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE
TERM «PROFESSIONAL SPEECH»

Keywords: professional speech, approach, communication, specialist.

The article gives various definitions of the term «professional speech». Often, researchers use the term «professional speech» in their works, but misinterpret it. The reason for this is the fact that the authors of explanatory, encyclopedic and linguistic dictionaries often do not give the wording of the definition of «professional speech».

определения «профессиональная речь».

Содержание статьи направлено на выявление различных подходов к формулировке и определению термина «профессиональная речь». Представленные различные подходы исследователей могут быть использованы при подготовке специалистов и бакалавров, так как профессиональная речь является одной из приоритетных составляющих успеха специалиста в любой области.

Г.М. Боваева, Т.В. Бураева, Д.В. Дорджиева
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХОТ-ХОЛ» В КАЛМЫЦКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова и фразы: концепт, предметный кластер, образный сектор, ценностная составляющая, специфика, глуттоническая коммуникация.

Данная статья посвящена исследованию содержания этнокультурного концепта «Хот-хол»/«Пища» в калмыцкой лингвокультуре. Предметный кластер анализируемого концепта представлен лексемами: «хот», «хот-хол», «идэн», «тежал». При исследовании образного и ценностного кластеров этнокультурного концепта «Хот-хол» нами были выявлена лингвокультурная специфика идиоматических выражений и глуттонических паремий.

Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева, А.Г. Тимченко, О.С. Хлякин
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ Ю.Ю. ШЕВЧУКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПЕТЕРБУРГ»

Ключевые слова: языковая личность, индивидуальная языковая картина мира, концепт, лингвистический анализ, стилистика художественного текста, идиостиль.

В статье проводится анализ лингвокогнитивного уровня на базе лексического воплощения концепта «Петербург» в стихотворениях Юрия Юлиановича Шевчука. Анализ семантических компонентов показал, что в своём понимании города Ю. Шевчук опирается на традиционное толкование, вкладывая в него индивидуальное видение.

А.Г. Гатауллина, Р.Р. Залялова
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВ ГИМНАЗИСТ И
ЛИЦЕИСТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантические изменения, лексика сферы образования.

Статья посвящена изучению и описанию семантических изменений в современной лексической системе сферы образования. На материале ряда словарей русского языка и примеров «Национального корпуса русского языка» выполнен анализ лексем гимназист и лицеист. Определяются направления семантического развития слов гимназист, лицеист и особенности их функционирования в русском языке.

А.Н. Ерёмин, О.О. Петрова
МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА У ГЛАГОЛОВ

Ключевые слова: глагольная метонимия, модели метонимического переноса, модификация концептуальной структуры глагола.

Основная задача нашей работы – проиллюстрировать метонимические модели у глаголов. Цель обусловлена недостаточным описанием такого рода моделей при огромном числе работ, посвященных метонимии. В настоящем исследовании представлено и проиллюстрировано значительное число схем глагольного метонимического переноса. Рассмотрены прямые и метонимические значения глаголов разных тематических групп. Приведены как продуктивные модели переноса, так и непродуктивные.

Э.А. Китанина, Нилюфар Гезельбаш
НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ В
ОППОЗИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
БЛОГАХ

Ключевые слова: лексическая когерентность; политический блог; текст; коммуникация; оппозиционный дискурс.

В статье рассматривается нарушение лексической когерентности в оппозиционных российских политических

The content of the article is aimed at identifying various approaches to the formulation and definition of the word «professional speech». The presented various approaches of researchers can be used in the preparation of specialists, bachelors in the university.

G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva, D.V. Dordzhieva
THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT KHOT-KHOL
IN THE KALMYK LINGUACULTURE

Keywords and phrases: concept, subject cluster, imaginative sector, value component, specificity, gluttonic communication. The present article deals with the research of the ethnocultural concept "Khot-khol" / "Food" in the Kalmyk linguistic culture. The subject cluster of the concept under analysis is represented by the lexemes: "khot", "khot-khol", "idyan", "tedzhyal". The study of the imaginative and value clusters of the ethnocultural concept "Khot khol" has revealed that the linguocultural specificity of idiomatic expressions and gluttonic paremias.

N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva, A.G. Timchenko, O.S. Hlyakin
LINGUISTIC AND COGNITIVE LEVEL OF YURY
SHEVCHUK AS THE LINGUISTIC PERSONALITY:
LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT
"PETERSBURG»

Keywords: linguistic personality, individual linguistic picture of the world, concept, linguistic analysis, stylistics of literary text, idiostyle.

The article analyzes the semantic components of the concept "Petersburg" in the poems of Yuri Shevchuk. The research showed that in their understanding of the city Yuri Shevchuk is based on the traditional interpretation, puts an individual vision into it.

A.G. Gataullina, R.R. Zalyalova
SEMANTIC CHANGES IN THE WORLDS ГИМНАЗИСТ
AND ЛИЦЕИСТ

Keywords: semantic changes, lexis of education.

The article is devoted to the study and description of semantic changes in the modern lexical system of education. On the material of a number of dictionaries of the Russian language and examples of the «national corpus of the Russian language» the analysis of words гимназист and лицеист. The directions in their semantic development and the peculiarities of their functioning in the Russian language are determined.

A.N. Eremin, O.O. Petrova
MODELS OF METONYMICAL TRANSFER VERBS

Keywords: verbal metonymy, metonymic transfer models, modification of the conceptual structure of the verb.

The main objective of our research is to illustrate metonymic models of verbs. The aim is due to the insufficient description of such models with a huge number of works devoted to metonymy. In the present study are presented and illustrated by a considerable number of schemes of metonymical transfer verbs. Direct and metonymic meanings of verbs of different thematic groups are considered. Both productive and unproductive transfer models are presented.

Е.А. Китанина, Нилюфар Гезельбаш
VIOLATION OF LEXICAL COHERENCE IN OPPOSITION
RUSSIAN POLITICAL BLOGS

Keywords: lexical coherence; political blog; text; communication; opposition discourse.

The article deals with the violation of lexical coherence in Russian opposition political blogs. The author gives a brief overview of the main approaches to the category of lexical

блоггах. Автор даёт краткий обзор основных подходов к категории лексической когерентности и представляет результаты анализа семантической структуры лексических единиц в различных оппозиционных политических блоггах.

Ю.С. Сабаяева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИБИРИ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РАДИОТЕКСТЕ

Ключевые слова: языковые средства, репрезентация, радиотекст, культурно-просветительский радиодискурс, образ, Сибирь.

В статье проводится анализ языковых средств, формирующих образ Сибири в региональном радиодискурсе. На материале радиотекстов культурно-просветительской программы «Большая страна. Следуй за нами!» радиостанции «Радио Сибирь» выявляются функции, которые реализуются грамматическими средствами языка, участвующими в создании рассматриваемого образа.

Д.С. Труханова

ПСЕВДОСОГЛАСИЕ С КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ КАК МИТИГАТИВНАЯ ТАКТИКА И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ключевые слова: политический дискурс, митигация, тактика. В статье рассматривается проблема функционирования коммуникативно-когнитивного феномена митигации в политическом дискурсе. Автор описывает формальное согласие с критикой в институциональном политическом дискурсе как одну из митигативных тактик. Особое внимание уделяется также различным вариантам и средствам её реализации.

Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров

ФОРМУЛЫ ПРОЩАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: речевой этикет, устойчивые формулы общения, формулы прощания, русский язык.

В данной статье проанализированы этикетные выражения вежливости при прощании в русском языке. Рассматриваются специфика формул прощания в той или иной ситуации. Приведены примеры национально специфической культуры поведения в при разрыве коммуникации в бытовом общении и в социальной жизни.

Т.Ф. Артамонова, И.В. Уварова

ПРОФИЛИЗАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ-СТОМАТОЛОГОВ

Ключевые слова: профессиональная направленность, аутентичный текст, стоматология.

В статье уделяется особое внимание профессиональной направленности преподавания иностранных языков в медицинском вузе, что предполагает выработку у студентов умения работать с информацией, извлекать и фиксировать полученные данные, а также использовать их в профессиональной деятельности.

А.А. Гимадеева, М.Р. Гараева, Д.Б. Гарифуллина К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАГЛОВОКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

Ключевые слова: англоязычная электронная газета, английский язык, функциональные особенности, газетные заголовки, политические статьи.

Статья посвящена выявлению функциональных особенностей заголовков в газетных текстах. Язык газеты меняется быстро, это показатель изменений не только в языке, но и в социуме в целом. В свою очередь, изучение заголовков англоязычных газет актуально, поскольку они являются одним из показателей изменений в языке. При написании данной статьи функциональные особенности газетных заголовков были изучены на материале языка электронных версий газет: The Daily News, The Daily Telegraph, The Guardian, The Independent, The New York Times, The Times, The Wall Street Journal.

coherence and presents the results of the analysis of the semantic structure of lexical units in various oppositional political blogs.

Y.S. Sabaeva

REPRESENTATION OF SIBERIA IN THE CULTURAL-EDUCATIONAL RADIO TEXT

Keywords: language means, representation, radio text, cultural and educational radio discourse, image, Siberia.

The article analyzes the language means that form the media image of Siberia in the local radio discourse. It based on the radio text of the cultural and educational program "A Big Country. Follow us!" on the "Radio Siberia" radio station. The work analyzes the functions that grammatical tools perform in creating the image of the Siberian region.

D.S. Trukhanova

PSEUDO-AGREEMENT WITH CRITIC AS MITIGATIVE TACTIC AND ITS LANGUAGE REPRESENTATION

Keywords: political discourse, institutional discourse, mitigation, tactic.

The article consider the functioning of communicative-cognitive phenomenon of mitigation in political discourse. The author describes formal agreeing with implicit or explicit critics in institutional political discourse as one of mitigative tactics. Different variants and ways of realizations of the tactic are considered in the article.

TS. Khongorzul, E.F. Kirov

DIFFERENT FORMS OF GOODBYE GREETINGS IN RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: speech etiquette, stable forms of communication, forms of goodbye greetings, Russian.

This article explores the etiquette expression of courtesy at parting in the Russian language. The specificity of farewell formulas in a given situation is considered. The examples of national specific culture of behavior in case of communication break in everyday communication and in social life are given.

T.F. Artamonova, I.V. Uvarova

PROFESSIONAL ORIENTATION IN TEACHING ENGLISH AT THE FACULTY OF DENTISTRY

Keywords: professional orientation, authentic text, dentistry. The article considers the problems of professional orientation in teaching foreign languages in medical colleges and universities. It aims at developing students' skills and habits in working with information, finding the necessary data and using it professional occupation.

А.А. Гимадеева, М.Р. Гараева, Д.Б. Гарифуллина TOWARDS THE QUESTION OF FUNCTIONAL FEATURES OF HEADLINES OF POLITICAL ARTICLES

Keywords: English electronic newspaper, English, functional peculiarities, newspaper headlines, political articles.

The article is dedicated to functional peculiarities of headlines from political articles. Language of the newspaper changes quickly, it is an indicator of changes not only in language, but also in society in general. Studying of headlines of English newspapers is relevant as they are one of indicators of changes in language. When writing this article functional features of newspaper headlines were studied on material of language of electronic versions of the following newspapers: The Daily News, The Daily Telegraph, The Guardian, The Independent, The New York Times, The Times, The Wall Street Journal.

Г.Р. Еремеева, Е.В. Мартынова, Ф.Х. Исмаева
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТИ ПЕРЕВОДОВ ДЛЯ РАБОТЫ С
ИТ ТЕКСТАМИ

Ключевые слова: лингвистика, перевод, память переводчика, сегментация, система автоматизированного перевода, база данных.

Статья посвящена анализу использования инструмента, называемого переводчиком памяти, для работы с текстами из сферы ИТ. Актуальность исследования определяет растущий объем текстов, которые могут быть переведены не только людьми. Целью работы является понимание достоинств и недостатков обработки ИТ текстов системой автоматизированного перевода, в которую входит инструмент памяти переводчика. Результатом эксперимента является характеристика всего процесса перевода с помощью памяти переводов.

О.В. Звада
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИДИОМ, ОПИСЫВАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
СОСТОЯНИЯ

Ключевые слова: идиомы, эмоции, коннотация, лингвокультурологический аспект, когнития, слова-дескрипторы.

В данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые лингвокультурологические характеристики идиом, описывающих эмоциональные состояния. Идиоматический фонд английского языка очень богат. На примере рассмотренных идиом в данной статье в некоторой степени представлено разнообразие выразительности и семантики идиом современного английского языка. Рассматриваемые идиомы выполняют коннотативно-культурологическую функцию, которая выражает отношение, между культурной ассоциацией и образно-мотивированной формой языковых единиц.

Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова
ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ ПРИ НАПИСАНИИ
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ И
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ) НА ИНОСТРАННОМ
ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: научный стиль, авторская позиция, дискурс.
В статье рассматриваются способы выражения авторской позиции при написании научных статей на английском языке для зарубежных журналов. Данная проблема является актуальной на данном этапе. В качестве объекта исследования взяты статьи из двух областей (технические науки и филологические науки), опубликованные в журналах, индексируемых в Web of Science. Проведенный количественный анализ статей показал, что способы выражения авторской позиции, используемые автором при написании научной статьи, зависят от того, в какой области исследования работает автор статьи.

Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова
ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЦВЕТ
(КРАСНЫЙ/RED)

Ключевые слова: фразеологизмы, цветообозначение, красный, языковая картина мира.

В работе рассматривается национальная специфика концепта «красный» в русском и английском языках. Данные цвет был выбран для изучения, так как является одним из основных во многих картинах мира. Рассмотрение фразеологических единиц, имеющих в своем составе лексику «красный», приводит к выводу, что национальная специфика употребления данных фразеологизмов может помочь в понимании языковой картины мира.

Ю.Н. Зинцова, П.Д. Казакова
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «MANN UND FRAU / МУЖЧИНА
И ЖЕНЩИНА» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультура, национально-культурная специфика, гендерная лингвистика,

G.R. Eremeeva, E.V. Martynova, F.Kh. Ismaeva
THE USE OF TRANSLATION MEMORY TO WORK WITH
IT TEXTS

Keywords: linguistics, text, translation, translator's memory, segmentation, automated translation system, database
The article analyzes the use of a tool called memory translator to work with texts from IT field. The relevance of the study determines the growing volume of texts that can be translated not only by people. The aim of the work is to understand the advantages and disadvantages of IT text processing by the automated translation system, which includes the translator's memory tool. The result of the experiment is the characteristic of the whole process of translation with the help of translation memory.

O.V. Zvada
LINGVO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF IDIOMS
DESCRIBING EMOTIONAL STATES

Keywords: idioms, emotions, connotation, linguocultural aspect, cognition, descriptor word.

This article attempts to analyze some linguistic and cultural characteristics of idioms describing emotional states. The idiomatic foundation of the English language is very rich. By the example of the idioms considered in this article, we can clearly imagine how diverse the idioms of the modern English language are in their semantics and expressiveness. They perform connotative-cultural function, which expresses the relationship between the figuratively-motivated form of language units and cultural association.

Yu.A. Zeremskaya, O.V. Solodovnikova
AUTHOR'S POSITION IN SCIENTIFIC PAPERS IN
FOREIGN LANGUAGES (BASED ON TECHNICAL AND
PHILOLOGICAL TEXTS)

Keywords: scientific style, author's position, discourse.
The paper researches different means of author's position expression in scientific papers in English for foreign journals. This issue is relevant. The study covers two kinds of papers taken from engineering and philological sciences published in scientific journal indexed in the Web of Science. The quantitative data analysis of scientific papers has shown that the means used by the author for expressing his/her attitude/opinion depend on the area where the research is carried out.

Yu.A. Zeremskaya, O.V. Solodovnikova
THE UNDERSTANDING OF LINGUISTIC WORLDVIEW
THROUGH THE COLOUR TERM "RED" IN ENGLISH AND
RUSSIAN

Keywords: phraseological units, colour term, red, linguistic worldview.

The paper examines the national specificity of the "red" concept in Russian and English. This term is chosen for study as it is one of the basic colour terms in many linguistic worldviews. The analysis of Russian and English phraseological units containing the term "red" indicates that the national specificity of phraseological units can help in understanding the linguistic worldviews.

Yu.N. Zintsova, P.D. Kazakova
ASSOCIATIVE FIELD "MANN UND FRAU / MAN AND
WOMAN" IN GERMAN LINGUISTIC CULTURE

Keywords: language picture of the world, linguistic culture, national-cultural specificity, gender linguistics, associative field,

ассоциативное поле, ассоциация, свободный ассоциативный эксперимент.

Целью настоящего исследования является изучение гендерной специфики ассоциативного поля языковых образов мужчины и женщины в представлениях носителей немецкого языка посредством свободного ассоциативного эксперимента. Анализ полученного ассоциативного поля выявляет уровень значимости социальных ролей и специфику доминирования семантических кластеров в немецкой культуре.

Р.М. Иксанова, И.П. Цепкова
ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ
РЕАКЦИЙ НА ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
СИТКОМОВ)

Ключевые слова: дискурс, директивный речевой акт, речевая реакция, прагматика.

В статье представлены результаты анализа речевых реакций на директивные высказывания на материале англоязычных ситкомов с позиции их языкового оформления и прагматического обоснования их употребления в речи.

Т.Г. Перепеляк
СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В
ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория засвидетельствованности, журналистский дискурс, журналистский текст, достоверность информации.

В статье рассмотрены средства передачи достоверной информации в журналистском дискурсе. В результате анализа текста журналистского репортажа были выделены языковые средства типичные для передачи достоверной информации в новостном репортаже. К таким средствам относятся маркеры категории засвидетельствованности, эксплицитно указывающие на наличие адресанта – антропоцентра журналистского текста (название телевизионного агентства, в котором работает журналист, имя самого журналиста, различные конструкции, фиксирующие прямую и (или) косвенную речь).

О.В. Трунова
СИСТЕМНЫЕ КОНСТАНТЫ
И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ
КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Ключевые слова: модальные понятия, инвариантное значение, контекстуальная детерминация, ситуативная модальность.
В публикации раскрывается сущность категории модальности, приводятся основания разграничения объективного и субъективного в её структуре, определяется её лингвистический статус как семантической категории. Автор формулируется терминологическое определение категории модальности, основанное на её функциональном предназначении.

Д.Д. Хайруллина, Е.А. Хузина
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ПО МАТЕРИАЛАМ
АНАЛИЗА ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА)
Ключевые слова: политический дискурс, обращение, эмоциональность, речевые стратегии, целевая направленность.
В статье проводится анализ публичных речей президента США Д. Трампа с точки зрения следующих когнитивных аспектов: обращение, эмоциональность, речевые стратегии и целевая направленность. По мнению авторов, американский президент использует большое количество контрастных предложений, примеров, очерняющих репутацию оппонентов, повторов. В целом, политический дискурс Д. Трампа характеризуется манипулятивностью, эмоциональностью, образностью.

association, free associative experiment.

The purpose of this research is to study the gender specificity of the associative field of linguistic images of a man and a woman in the views of German speakers by means of a free associative experiment. The analysis of obtained associative field reveals the level of social roles significance and the specifics of the dominance of semantic clusters in German culture.

R.M. Iksanova, I.P. Tsepikova
LINGUO-PRAGMATIC ANALYSIS OF VERBAL
REACTIONS TO DIRECTIVE SPEECH ACTS (BASED ON
BRITISH AND AMERICAN SITCOMS)

Keywords: discourse, directive speech act, speech reaction, pragmatics.

The article presents the results of the analysis of speech reactions to directive speech acts on the material of English-language sitcoms from the perspective of their language and pragmatic justification of their use in speech.

T.G. Perepelyak
MEANS OF ACCURATE INFORMATION TRANSMITTING
IN JOURNALISTIC DISCOURSE (BASED ON MODERN
GERMAN)

Keywords: notional and functional category of evidentiality, journalistic discourse, journalistic text, accuracy of the information.

The article deals with means of accurate information transmitting in journalistic discourse. As follows from the analysis of the journalistic reporting text there are some linguistic means which are typical for the accurate information transmitting in news report. These will include evidentiality markers pointing to the availability of the addressant – the anthropocentre of the journalistic text (the name of broadcasting agency where the journalist is in employ, his name, different constructions of indirect / direct speech).

O.V. Trunova
SYSTEMIC CONSTANTS AND FUNCTIONAL
VARIABILITY OF MODALITY MEANINGS IN ENGLISH
Keywords: modal notions, invariant meaning, contextually determined, circumstantial modality.

The article reveals the categorical essence of linguistic modality, offers argumentative support to its internal and functional diversity, reveals its semantic foundations. The author also suggests a new terminological definition of the category, based on its functional *raison d'être*.

D.D. Khairullina, E.A. Khuzina
COGNITIVE ASPECTS OF AMERICAN POLITICAL
DISCOURSE (BASED ON THE ANALYSIS OF D. TRUMP'S
PUBLIC SPEECHES)

Keywords: political discourse, address, emotionality, speech strategies, target orientation.

The article presents the analysis of public speeches of US President D. Trump in terms of the following cognitive aspects: address, emotionality, speech strategies and target orientation. According to the authors, the American president uses a large number of contrasts, examples that denigrate the reputation of his opponent and repetitions. On the whole the political discourse of D. Trump is characterized by manipulation, emotionality and figurativeness.

В.Н. Хисамова, Л.И. Абдуллина
**ВОПРОСЫ СИНОНИМИИ В МЕДИЦИНСКОЙ
 ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Ключевые слова: английский язык, термин, терминология, медицинская терминология, синонимия.

В данной статье рассматриваются вопросы синонимии в медицинской терминологии английского языка. Изучение медицинской терминологии является одним из перспективных направлений в современной науке, так как словарный состав языков пополняется за счет терминологии. Проблема синонимии в терминологии – одна из важнейших проблем терминоведения. Исследование синонимии в медицинской терминологии языка определит её источники, что поможет упорядочению терминов, повысить качество перевода медицинских текстов и преподавания английского языка студентам медицинских специальностей. В статье также приводятся мнения разных ученых касаясь проблемы синонимии в терминологии, выделяется отличительная черта явления синонимии в терминологии и общепотребительном языке, классификация синонимов в медицинской терминологии английского языка.

V.N. Khisamova, L.I. Abdullina
**PROBLEMS OF SYNONYMY IN THE MEDICAL
 TERMINOLOGY OF THE ENGLISH LANGUAGES**

Keywords: English language, term, terminology, medical terminology, synonymy.

This article deals with synonymy issues in the medical terminology of the English language. The study of medical terminology is one of the promising areas in modern science, since the vocabulary of languages is replenished by terminology. The problem of synonymy in terminology is one of the most important problems of terminology studies. The study of synonymy in the medical terminology of the language will determine its sources, which helps to order the terms, improve the quality of translation of medical texts and the teaching of English to medical students. The article also cites the views of various scholars regarding the problem of synonymy in terminology, highlights the distinctive feature of the phenomenon of synonymy in terminology and the commonly used language, the classification of synonyms in medical terminology of English language.

Л.Г. Юсупова
**СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНВАРИАНТНЫХ
 КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: полисемия, языковая универсалия, инвариантный кластер, лексическое значение, антропоморфная кластерная семантическая сеть.

В рамках данной статьи представлены определения полисемии (многозначности) в современном английском языке. Подробно рассмотрены основные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования значений полисеманта и определения лексического инвариантного многозначного инварианта многозначного слова. Рассмотрена новая методика толкования многозначности и строения языкового лексикона. Автор полагает, что за семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит инвариантный кластер, как совокупность наиболее устойчивых и частотных семантических компонентов.

L.G. Yusupova
**SEMANTIC ASPECTS OF INVARIANT CLUSTERS IN
 MODERN ENGLISH**

Keywords: polysemy, linguistic universal, invariant cluster, lexical meaning, anthropomorphic cluster semantic network. In the context of this article the definition of polysemy (multiple meanings) in modern English. A detailed description of the main cognitive mechanisms underlying the formation of polysemant meanings and the definition of a semantic invariant cementing lexical-semantic variation of a polysemant word is provided. The article deals with the new method of interpretation of the polysemy and the structure of the language lexicon. The author believes that there is an invariant cluster behind the semantic structure of a polysemant word in the language consciousness as a set of the most stable and frequency semantic components.

Е.В. Белова, А.Г. Черенков
**К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА
 ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДСТВАМИ СЕРВИСОВ
 ОНЛАЙН ПЕРЕВОДА**

Ключевые слова: адекватность перевода, онлайн переводчик, ошибки перевода.

В работе представлен анализ перевода технической литературы при помощи различных онлайн служб. Рассмотрено понятие адекватности перевода. Проанализированы основные ошибки перевода, допускаемые электронными переводчиками.

E.V. Belova, A.G. Cherenkov
**TRANSLATION ADEQUACY OF TECHNICAL
 LITERATURE BY MEANS OF ONLINE TRANSLATION
 SERVICES**

Keywords: translation adequacy, online translator, translation errors.

The paper presents an analysis of the translation of technical literature using various online services. The concept of translation adequacy is considered. The main translation errors made by electronic translators are analyzed.

А.И. Горохова
КОНЦЕПТ 'ХОТУ' (СЕВЕР) В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ
Ключевые слова: концепт, якуты, языковое сознание, семантический геистальт, ассоциативное поле.

В статье представлены результаты изучения концепта 'Хоту' (Север) в сознании носителей якутского языка. Представление о концепте 'Хоту' лишено мифологичности. Данный концепт воспринимается языковой личностью через призму собственной жизни. В языковом сознании якутов 'Хоту' – это территория Арктики Якутии. Концепт 'Хоту' национально-специфичен и представляет собой совокупность значений и ассоциаций, возникающих у современных якутов в процессе осмысления явлений, связанных с Севером Якутии.

A.I. Gorokhova
**'KHOTU' (NORTH) IN THE YAKUT LANGUAGE AND
 CULTURE**

Keywords: concept, the Yakut people, linguistic conscience, semantic gestalt, associative field.

The paper shows the results of studying the concept 'Khotu' (North) among Yakuts. There is no association with myths. The concept is perceived by Yakuts through their own lives. 'Khotu' is the territory of the Arctic of Yakutia. The concept 'Khotu' is ethnically specific and is a combination of meanings and associations that arise among modern Yakuts in the process of understanding the phenomena associated with the North of Yakutia.

Д.А. Демидкина
**О СООТНОШЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНОГО И
 РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ С
 СЕМАНТИКОЙ ИМПЕРФЕКТА В АНГЛИЙСКОМ И
 РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Ключевые слова: имперфект, качественно-количественная

D.A. Demidkina
**ABOUT THE RELATION OF TEMPORAL AND
 REFERENTIAL MEANING OF IMPERFECT TEMPORARY
 FORMS IN ENGLISH AND RUSSIAN**
Keywords: imperfect, qualitative and quantitative temporality, the point of reference, tuncal precedence.

темпоральность, референциальная точка, тонкालное предшествование.

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования временных форм с имперфектным значением в английском и русском языках. Проводится анализ темпоральных и референциальных особенностей вышеуказанных форм не только в системе, но и в реальном функционировании в тексте.

Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова
МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ТЕКСТА

Ключевые слова: мультимодальность, научно-технический текст, коммуникация.

В процессе овладения знанием и коммуникации индивид использует несколько модусов познания мира. Мультимодальный подход в науке о языке позволяет анализировать и описывать смыслообразующие средства языка как взаимодействие разных знаковых систем. В отличие от мономодальности, учитывающей лишь вербальную составляющую языка, мультимодальность предполагает наличие разнообразных каналов передачи информации. Мультимодальный текст предстает в рамках данного подхода как полизнаковая фиксация когнитивной репрезентации действительности. В статье анализируется научно-технический мультимодальный текст с точки зрения составляющих его когнитивных структур и формирования когерентного дискурсивного целого.

А.С. Кулигин
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
ЛАТИНСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
НОМЕНКЛАТУРЫ

Ключевые слова: сопоставительное словообразование, лингвистическая терминология, латинский язык.

В работе приводятся аргументы в пользу расширения латинской номенклатуры, традиционно применяемой в семантической классификации производной лексики. Выделяются некоторые проблемы данного способа описания: дефицит номенклатурных элементов, их синонимия, вариативность и др. Обсуждаются перспективы их возможного устранения для описания системы производных имён.

И.Г. Нагибина, Го Лицзюнь
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЕСТЕСТВЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТИ
КИТАЙСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: СФЕРЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ В
ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМАХ

Ключевые слова: жестовый язык, китайский жестовый язык, грамматика китайского жестового языка.

Статья посвящена вопросу различий структур высказываний и способов передачи различных грамматических категорий в двух разновидностях китайского языка жестов, литературной и естественной системах, имеющих свой словарный состав и грамматический строй. В работе описаны сферы функционирования обеих разновидностей жестовой речи в современном китайском обществе, представлены определенные особенности системы обозначений и способов передачи грамматических категорий, а также правила построения синтаксических конструкций.

О.И. Налдеева, С.Н. Маскаева, Л.И. Макушкина, М.И. Кокнаева
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МОРДОВСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ МИРЕ

Ключевые слова: лексика, лексико-семантические группы, семантические типы, архаизация.

В работе представлены основные исследования в финно-угорском мире видных ученых в области мордовского языкознания. Особое внимание уделяется рассмотрению лексики по тематическим группам с выделением в них более мелких лексико-семантических групп.

This paper presents the results of imperfect temporary forms functioning comparative-typological analysis in English and Russian languages. The analysis of temporal and referential features is held not only in the system imperfect tenses use but also in their real functioning in the text.

E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova
MULTIMODALITY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL
TEXT

Keywords: Spanish scientific discourse, references, quotations. In the process of mastering knowledge and communication, the individual uses several modes to know the world. The multimodal approach in the science of language allows us to analyze and describe the meaning-making means of the language as the interaction of different sign systems. Unlike monomodality, which takes into account only the verbal component of the language, multimodality implies the existence of various channels to transmit information. The multimodal text appears in the framework of this approach as a polycognitive fixation of cognitive representation of reality. The article analyzes the scientific technical multimodal text from the point of view of its cognitive structures and the formation of a coherent whole.

A.S. Kuligin
TOWARDS PROBLEMS AND PERSPECTIVES
OF THE LATIN DERIVATIONAL NOMENCLATURE
Keywords: contrastive word-formation, linguistic terminology, Latin.

The article presents arguments for expanding of the Latin nomenclature, traditionally used in semantic classification of derived substantives. Problems of this descriptive approach, such as lack of elements, their synonymy, variability, etc. are presented in the paper. Prospects of their possible elimination in the derivation of nouns are analyzed and discussed.

I.G. Nagibina, Guo Lijun
LITERARY AND NATURAL VARIANTS
OF THE CHINESE SIGN LANGUAGE: SPHERES OF USE
AND DIFFERENCES OF GRAMMATICAL FORMS
Keywords: sign language, Chinese sign language, Chinese sign language grammar.

This paper presents the differences between grammatical forms of the Chinese literary and natural sign language and describes their spheres of use in contemporary Chinese society. The work focuses on grammatical categories and rules of phrase construction in the natural Chinese sign language.

O.I. Naldayeva, S.N. Maskayeva, L.I. Makushkina,
M.I. Koknaeva
RESEARCH IN THE FIELD OF LINGUISTICS IN
MORDOVIA FINNO-UGRIC WORLD

Keywords: vocabulary, lexico-semantic groups, semantic types, archaization.

The paper presents the main research in the field of Mordovian linguistics in the Finno-Ugric world. Particular attention is paid to the consideration of vocabulary by thematic groups with the allocation of smaller lexico-semantic groups.

О.Г. Остапенко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ И
АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ В XVI–
XVII ВЕКАХ*Ключевые слова: способы перевода, терминологическая лексика, дипломатические представители.**В статье рассматриваются лингвистические особенности, характерные для дипломатической переписки между Россией и Англией в XVI–XVII веках. В работе анализируются попытки дипломатов донести до читателя иноязычную реальность доступными для них средствами.*Д.Ц. Очиржапова, Л.Д. Раднаева, И.В. Хубракова,
М.В. ЧерниговскийПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СВЯЗНОЙ НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ*Ключевые слова: связная речь, гласные, английский, русский, монгольский, бурятский языки, слуховой, акустический анализы. Статья посвящена проблемам фонетического анализа связной речи. Вариативность звуков в связной речи обусловлена различными фонетическими процессами ассимиляции, редукции, гармонией гласных, ритмической структурой слов, темпом и другими причинами. В настоящей статье авторами рассматриваются проблемы фонетического анализа связной речи на материале разных языков. Материалом для анализа послужили тексты неподготовленной связной речи на разных языках. Авторами проведены слуховой, спектральный и статистический анализы модификаций звуков в различных фонетических условиях.*

Ю.Д. Оюн

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ПРИЕМ ВНУТРЕННЕГО
МОНОЛОГА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЕ*Ключевые слова: внутренняя речь, внутренний монолог, композиционный строй, авторское повествование.**В статье рассматривается внутренний монолог во французской художественной прозе как художественно-языковой прием, осуществляемый комплексом лингвостилистических средств, объединенных одним художественным заданием. В художественном тексте необходимо исследовать языковые средства передачи внутреннего монолога в совокупности всех компонентов и уровней художественного текста: лексического, грамматического (морфологического и синтаксического) и графического.*Л.У. Тариева, З.Д. Яндиева, М.Т. Калоева, М.С. Бесаева
КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОГЕЗИИ
АФФЕКТИВНОГО И РЕЧЕВОГО ЭГОЦЕНТРИКОВ В
НАХСКОМ ЯЗЫКЕ*Ключевые слова: эгоцентрический, лицо Слышащее, эмпатия, лицо Произносящее, гетерогенность, аффективное, речевое. В статье рассматривается речемыслительная функция двух неоднородных эгоцентриков, объединенных в одной прагматической ситуации. Два неоднородных лица находятся по отношению друг к другу в парадигматических отношениях. Лица парадигмы неоднородны, но, тем не менее, одно из них – аффективное способно «помыслить» другое – речевое. Когнитивное освоение взаимодействия двух гетерогенных лиц происходит в пределах фрейма интенциональности, сопровождаемого эмпатией, интерпретированной в качестве вертикальной страты интенции аффективного лица.*Л.У. Тариева, З.Д. Яндиева, З.М. Келигова, А.С. Хашиева
ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЦА
СЛЫШАЩЕГО И ЛИЦА ПРОИЗНОСЯЩЕГО*Ключевые слова: дистинкция собственного эго, речевой акт, аффективные лица, речевые лица, классическая прагматическая ситуация.**В статье интерпретируются два компонента парадигмы лица (Слышащее и Произносящее), впервые введенных в общую*

O.G. Ostapenko

LINGUISTIC PECULIARITIES OF RUSSIAN AND ENGLISH
DIPLOMATIC CORRESPONDENCE IN THE XVI–XVII
CENTURIES*Keywords: ways of translations, terminology units, diplomatic agents.**The article deals with the linguistic characteristics of diplomatic correspondence between Russia and England in the XVI–XVII centuries. The paper analyzes the attempts of diplomats to convey to the reader the foreign-language reality by means available to them.*D.Ts. Ochirzhapova, L.D. Radnaeva, I.V. Khubrakova,
M.V. ChernigovskyPROBLEMS OF PHONETIC ANALYSIS OF CONNECTED
UNCOMPOSED SPEECH*Keywords: connected speech, vowels, English, Russian, Buryat language, auditory, acoustic analysis**The article is devoted to the problems of phonetic analysis of coherent speech. The variability of sounds in a coherent speech is due to different phonetic processes of assimilation, reduction, harmony of vowels, the rhythmic structure of words, tempo and other reasons. In this article, the authors consider the problems of phonetic analysis of coherent speech on the material of different languages. The material for the analysis was the texts of unprepared coherent speech in different languages. The authors conducted auditory, spectral and statistical analyzes of sound modifications in various phonetic conditions.*

Y.D. Oyoun

ARTISTIC-LANGUAGE RECEPTION OF THE INTERNAL
MONOLOG IN THE FRENCH ARTISTIC PROSE*Keywords: internal speech, internal monologue, composite system, author's narration.**In the article the internal monologue in the French art prose as the art and language reception is considered which is carried out by a complex of the the lingvostilistik means united by one art task. In the art text it is necessary to investigate language transmission media of an internal monologue in total of all components and levels of the art text: lexical, grammatical (morphological and syntactic) and graphic.*L.U. Tarieva, Z.D. Yandieva, M.T. Kaloeva, M.S. Besaeva
COGNITIVE PROCESS OF PRESENTING COHESION OF
AFFECTIVE AND SPEECH OF EGOCENTRIC PROCESS IN
NAKH LANGUAGES*Keywords: egocentric, the person Hearing, the empathy, the person Uttering, heterogeneity, affective, speech.**The article deals with the speech-thinking function of two heterogeneous egocentrics, united in one pragmatic situation. Two heterogeneous persons are in relation to each other in paradigmatic relations. Paradigm Persons are heterogeneous, but, nevertheless, one of them is affective and capable to "think" the other one – speech. Cognitive development of interaction between two heterogeneous persons occurs within the frame of intentionality accompanied by empathy interpreted as a vertical stratum of the affective person's intention.*L.U. Tarieva, Z.D. Yandieva, Z.M. Keligova, A.S. Khashiyeva
ONTOGENETIC PRINCIPLE OF PRESENTING THE
PERSON HEARING AND THE PERSON PRONOUNCING*Keywords: distinction of one's own ego; speech act; affective persons; speech persons; classic pragmatic situation.**This article interprets the components of person's paradigm (Speaking, Hearing,), input into the theory of language personality by the author of the article. Egocentric persons join*

теорию языковой личности автором статьи. Неоднозначные лица парадигмы вступают между собой в интеракционные отношения. Взаимодействие лиц происходит в пределах двух лингвопрагматических установок, характерных для эргативных нахских языков. На глубинном понятийном уровне каждое из рассматриваемых лиц восходит к гетерогенным антропоцентрикам. На поверхностном грамматическом уровне эгоцентрическое лицо *Слышащее* и лицо *Произносящее*, представлены различными ядерными падежами имени (местоимениями) со статусом первого лица.

Н.В. Трунова, О.В. Трунова
КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: грамматическое значение, основание грамматической категории, постулаты грамматической категории

В статье рассматриваются базовые понятия грамматики, предлагается отличное от традиционного принятого определение понятия грамматической категории, аргументируется несостоятельность термина «грамматическое значение», вводится понятие «природы категории», систематизированы факторы, определяющие лингвистический статус категории как грамматической сущности.

А.А. Устиновская
К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В.
БРЮСОВА И К. БАЛЬМОНТА

Ключевые слова: Поэт-переводчик, По, Брюсов, Бальмонт, перевод, поэзия.

В данной статье дается обзор развития приемов перевода поэзии на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, учитываются два противоположных подхода к этой проблеме. Рассматриваются теории двух выдающихся поэтов-переводчиков той эпохи – Брюсова и Бальмонта. Для подтверждения предположения о наличии значительных сложностей при переводе стихотворений взят построчный анализ сонета их современника Эдгара Аллана По. Показан различный подход к переводу, обнаружены различного рода затруднения и показаны пути их решения.

Ц. Хонгорзул, Е.Ф. Киров
ФОРМУЛЫ «ОБРАЩЕНИЯ» В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ
РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Ключевые слова: речевой этикет, формула обращения, русский язык, монгольский язык, стилистика.

В данной статье рассматривается национальный характер и особенности речевого этикета в общении, который отражает национальную специфику. Проанализированы формулы обращения в русском и монгольском языках. Также в статье содержится анализ этих особенностей в рамках мультистилистики русского языка.

the interactional relations within two lingvo pragmatic situations, peculiar to ergative nakh languages. Each of the persons of ergative language paradigms claims to be the first on the grammar level. On the surface level persons of paradigm correlate with core cases of name, on the deep egocentric level they present heterogeneous antropocentric.

N.V. Trunova, O.V. Trunova
GRAMMAR KEYSTONES

Keywords: grammatical meaning, grammatical category roots, grammatical category postulates, the notion of grammatical meaning

The authors of the paper suggest a new original definition of the “grammatical category” notion on the grounds of semantic, formal and functional criteria, systematize factors, which determine its linguistic status, introduce the term of “categorical roots” and prove the inconsistency of “grammatical meaning” concept.

A.A. Ustinovskaya
TO THE QUESTION OF THE DIFFICULTIES OF ART
TRANSLATION OF LYRICS: TRANSLATION STRATEGIES
BY V. BRUSOV AND K. BALMONT

Keywords: Poet-translator, Po, Bryusov, Balmont, translation, poetry.

This article provides an overview of the development of methods for translating poetry at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, taking into account two opposite approaches to this problem. The theories of two outstanding poets and translators of that epoch - Bryusov and Balmont - are considered. To confirm the assumption of the presence of significant difficulties in translating poems, a line-by-line analysis of the sonnet of their contemporary Edgar Allan Poe was taken. A different approach to translation is shown, various kinds of difficulties are found and the ways to solve them are shown.

Ts. Khongorzul, E.F. Kirov
COMMUNICATION METHOD OF THE RUSSIAN AND
MONGOLIAN IN THE SPEECH ETIQUETTE

Keywords: speech etiquette, communication method, stilistique, Russian, Mongolian language.

In given article national nature and feature of voice etiquette in dialogue is considered which reflects a national specific features. The formulas of reference in the Russian and Mongolian languages are analysed. As well in the article analysis of these features within the multistylitics of Russian is contained.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2019

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 12.05.2019

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

14,2 усл.печ.л. 16,5 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2690.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»